СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ИСКУССТВА ВОЕВАТЬ

Советское военное искусство

Вооруженные силы СССР провели в войне 1941–1945 гг. против нацистской Германии и ее союзников восемь военных кампаний, более 50 стратегических (в том числе 34 групп фронтов), около 250 фронтовых операций, тысячи сражений и крупных боев. Большинство операций отличалось оригинальностью замысла, высоким мастерством командного состава и умелыми действиями войск, большой эффективностью ударов по врагу. В годы войны советская военная стратегия руководствовалась теми задачами, которые ставило перед ней высшее военно-политическое руководство Советского государства.

Напав на Советский Союз, нацистская Германия преследовала цель уничтожить его как государство, истребить миллионы людей и тем самым расчистить для себя «жизненное пространство», а оставшуюся часть населения превратить в рабов — источник дешевой рабочей силы, обслуживающей касту новых «господ». Политические цели войны со стороны Советского государства заключались в том, чтобы защитить свободу и независимость народов СССР, изгнать немецких захватчиков из пределов советской земли, оказать помощь порабощенным народам Европы, уничтожить фашизм и создать условия для свободного развития народов по пути мира. Эти цели носили освободительный характер и были самыми справедливыми. Они оказывали решающее влияние на военную стратегию. Из политических целей войны вытекали конкретные стратегические задачи. Основными из них были: разработка планов мобилизации сил и средств, строительства вооруженных сил, их стратегического развертывания и использования на суше, в воздухе и на море; определение наиболее эффективных способов и форм ведения войны, кампаний и стратегических операций; руководство ходом вооруженной борьбы, организация стратегического взаимодействия между фронтами, группами фронтов и видами вооруженных сил; материально-техническое обеспечение нужд войны.

Цели войны в условиях, когда разгромить противника одним стратегическим усилием не представлялось возможным, достигались Вооруженными силами Советского Союза последовательно, путем выполнения ряда военно-политических задач, являвшихся содержанием военных кампаний. В годы войны каждая из проведенных кампаний включала ряд стратегических операций и других военных действий, объединенных общим замыслом Ставки ВГК и направленных на достижение важных военно-политических целей войны. Наступательные кампании, как правило, планировались заблаговременно. Особое внимание уделялось планированию тех стратегических операций, которые проводились на главных

направлениях. Творчество в развитии советской военной стратегии проявлялось в поисках таких форм и способов военных действий, которые в наибольшей степени соответствовали бы условиям войны и обеспечивали успешное решение крупных стратегических задач в короткие сроки. Основными видами стратегических действий, которые применяли Вооруженные силы Советского Союза в годы войны, были стратегическое наступление (с его разновидностью стратегическим контрнаступлением) и стратегическая оборона.

Преобладающим и решающим видом стратегических действий Красной армии было стратегическое наступление: из восьми кампаний, проведенных на советско-германском фронте, шесть были наступательными. Только наступательными действиями можно было вырвать у врага стратегическую инициативу, освободить оккупированную территорию, разгромить его вооруженные силы и одержать окончательную победу в войне.

Основной формой ведения боевых действий в стратегическом наступлении в годы минувшей войны являлась стратегическая наступательная операция. Она представляла совокупность согласованных и взаимосвязанных по цели, месту и времени ударов, операций и боевых действий группы фронтов, объединений и соединений видов вооруженных сил, проводимых по единому замыслу под руководством Ставки ВГК для достижения стратегической цели. Целями таких операций были разгром крупной группировки противника, освобождение важного экономического, политического района, объекта, вывод из войны союзников нацистской Германии и прочее. В ходе войны стратегическое наступление осуществлялось двумя способами: проведением последовательных по фронту и глубине операций на одном-двух стратегических направлениях (во втором периоде) или на всем советско-германском фронте (в кампаниях 1944 г.) либо проведением одновременных операций на всех основных стратегических направлениях или на всем фронте (в зимней кампании 1941–1942 гг., в кампании 1945 г.).

Общее наступление зимой 1941–1942 гг. развернулось одновременно на всех трех стратегических направлениях силами девяти фронтов из десяти имевшихся, в наступлении не участвовал только Карельский фронт. Главным направлением оставалось западное. Ход военных действий показал, что Ставка, переоценив силы Красной армии, результаты, достигнутые в контрнаступлении, и недооценив возможности противника, допустила крупный просчет в выборе способа ведения стратегического наступления. Из-за общего недостатка сил и средств ни на одном из стратегических направлений не было создано необходимое для успешного наступления превосходство над противником, силы оказались рассредоточены по всему фронту, резервы израсходованы и не было возможности наращивать силу ударов. В результате намеченных целей достичь не удалось и операции остались незавершенными. Во втором периоде войны способ ведения стратегического наступления избирался иной, более соответствующий реальным возможностям страны и вооруженных сил. Общее наступление после контрнаступления под Сталинградом развернулось на южном крыле советско-германского фронта, оборона врага была сокрушена на фронте почти 2 тыс. км при общей протяженности советско-германского фронта свыше 6 тыс. км. Проводя последовательные по фронту и глубине операции, советские войска продвинулись на запад до 300 км, а на Северном Кавказе — до 700 км. Летом и осенью 1943 г. стратегическое наступление, начало которому положило контрнаступление под Курском, проводилось на двух стратегических направлениях — юго-западном (главном) и западном силами девяти фронтов. Последовательными операциями был охвачен фронт от Великих Лук до Азовского моря — свыше 2 тыс. км. Общая глубина продвижения советских войск — 300–600 км. Если стратегическое наступление советских войск до середины 1944 г. осуществлялось на одном или нескольких участках советско-германского фронта, то начиная с летне-осенней кампании 1944 г. оно фактически велось на всем советско-германском фронте. При этом глубина продвижения советских войск возросла с 200–400 км в зимней кампании 1941–1942 гг. до 600–1100 км в завершающих кампаниях войны. В кампании 1945 г. в Европе был избран еще более совершенный способ осуществления стратегического наступления: оно одновременно развернулось почти по всему советско-германскому фронту и привело к полному разгрому нацистской Германии.

Во втором и третьем периодах войны количество личного состава, привлекаемого к началу наступательной кампании, возросло примерно в 1,5 раза, количество орудий и минометов — в 3–3,5 раза, танков — в 3–6 раз, самолетов — в 4–5 раз. Возрастание размаха стратегического наступления советских войск в годы войны обусловливалось ростом возможностей военной экономики, мощи вооруженных сил, совершенствованием военного искусства. В первом и втором периодах войны, когда не хватало сил и средств для одновременного создания нескольких ударных группировок, стратегическое наступление обычно начиналось контрнаступлением на направлениях главных ударов кампаний, что было характерно для условий, когда борьба велась за захват и удержание инициативы (контрнаступление под Москвой, Сталинградом, Курском). Это позволяло Ставке создавать сильные группировки войск на решающих направлениях, захватывать инициативу, а после привлечения новых сил и ввода стратегических резервов расширять фронт наступления и закреплять ее.

Успех наступательных кампаний во многом зависел от правильного определения направления главного удара. Советское командование стремилось наносить главные удары на тех направлениях, где можно было достичь значительных военно-политических результатов, приводивших к разгрому противника и изменению стратегической обстановки на всем фронте вооруженной борьбы. Так, в зимней кампании 1941–1942 гг. главный удар был нанесен по противнику, рвавшемуся к Москве. На этом направлении подверглась разгрому наиболее сильная группировка врага, что резко изменяло стратегическую обстановку на всем советско-германском фронте, создавая предпосылки для развертывания наступления не только на центральном направлении, но и на других участках советско-германского фронта.

Нанесение главных ударов в кампаниях Великой Отечественной войны во многом диктовалось совокупностью политических, экономических и военных факторов. На направлениях главных ударов в кампаниях Ставка ВГК решительно сосредоточивала необходимые силы и средства. В составе ударных группировок действовало, как правило, несколько фронтовых объединений, включавших от четверти до половины (а иногда и более) сил и средств действующей армии. Например, в летне-осенней кампании 1944 г. на направлении главного удара, ширина полосы которого составляла 1160 км (26% от общей протяженности советско-германского фронта), было сосредоточено 40% личного состава, 48% орудий и минометов, 77% танков и САУ, 53% самолетов от общего их количества в действующей армии.

Советским Верховным главнокомандованием были найдены и успешно применены принципиально новые формы стратегических действий вооруженных сил в виде операций групп фронтов. Они представляли собой совокупность согласованных и взаимосвязанных по цели, месту и времени ударов, операций и боевых действий объединений и соединений различных видов вооруженных сил, осуществляемых для достижения стратегических целей. К проведению каждой такой операции в подавляющем большинстве случаев привлекалось от двух до четырех фронтовых объединений. Эти операции являлись составной частью кампании, в рамках которой проводилось от трех до семи операций групп фронтов. Целями операций являлись разгром стратегических группировок противника и овладение важными в экономическом, политическом и военном отношении районами (рубежами), а также вывод из войны отдельных государств. Успех стратегических операций во многом зависел от правильного определения направления главного удара. В большинстве случаев он выбирался с таким расчетом, чтобы приходился по слабым, наиболее уязвимым местам в обороне противника в целях последующего выхода главных сил фронтов на фланги и в тыл его основной группировки, ее окружения и уничтожения. Вместе с тем опыт войны подтвердил, что при наличии во фронтах и армиях мощных средств поражения противника (артиллерии, авиации) и сил для быстрого развития успеха (танковых армий, танковых и механизированных корпусов) можно наносить главный удар и по сильным группировкам врага в целях их расчленения и разгрома по частям.

Основными способами разгрома противника в стратегических наступательных операциях были окружение крупных группировок с последующим их уничтожением, рассечение стратегического фронта врага, дробление стратегического фронта с последующим уничтожением

изолированных группировок. Задача по окружению и уничтожению крупных вражеских группировок решалась нанесением ударов по сходящимся направлениям (разгром сталинградской, корсунь-шевченковской, ясско-кишиневской и пражской группировок), одного-двух охватывающих ударов с целью прижать противника к морю, расчленить и уничтожить его (Восточно-Прусская операция и другие) и прорывом фронта противника на нескольких направлениях с последующим развитием ударов в глубину и выходом в тыл его основной группировки в оперативной глубине (Белорусская, Берлинская операции). Таких масштабов, размаха и результатов, каких достигли Вооруженные силы Советского Союза по окружению и уничтожению крупных группировок противника, не знала история военного искусства. Так, из 130 дивизий противника, разгромленных Красной армией в 1944 г., свыше половины были уничтожены и пленены в итоге операций по окружению.

Рассечение стратегического фронта врага осуществлялось нанесением мощного удара войсками взаимодействующих фронтов на глубину расположения вражеской группировки. В завершающих кампаниях войны с возрастанием огневой мощи, ударной силы и подвижности войск практиковался и такой способ разгрома врага, как нанесение глубоких рассекающих ударов в целях расчленения и дробления стратегического фронта противника и уничтожения его по частям. Дробление стратегического фронта достигалось нанесением ударов на нескольких направлениях и развертыванием наступления на широком фронте. Нередко перечисленные способы сочетались, один из них перерастал в другой (Белорусская операция).

Совершенствование искусства подготовки и ведения стратегических операций, возрастание возможностей советских войск обусловили увеличение их размаха, а время проведения сократилось. К наиболее крупным стратегическим операциям привлекались, как правило, 100–200 дивизий, 20–40 тыс. орудий и минометов, 3–6 тыс. танков, 2–7,5 тыс. самолетов. Наибольшим размахом отличались контрнаступление под Москвой, Сталинградом, Белорусская, Ясско-Кишинёвская, Прибалтийская, Висло-Одерская, Берлинская операции. Во многих из них разгрому подвергались крупные группировки войск противника, уничтожалось огромное количество военной техники, освобождались значительные территории, сотни городов и населенных пунктов. В результате каждой стратегической операции существенно изменялась обстановка на советско-германском фронте. Победа под Курском сорвала планы противника на летнюю кампанию 1943 г. и предопределила завершение коренного перелома в войне; успешное проведение Ясско-Кишинёвской операции кардинально изменило обстановку на всем южном крыле советско-германского фронта и сыграло решающую роль в выходе Румынии и Болгарии из фашистского блока и объявлении ими войны Германии; после разгрома противника в Будапештской операции была выведена из войны Венгрия; Висло-Одерская операция привела к освобождению Польши, а Пражская операция — Чехословакии; результаты Берлинской операции оказали решающее влияние на конечный исход вооруженной борьбы против нацистской Германии.

Если стратегическое наступление начиналось вслед за стратегической обороной, то первой стратегической операцией было контрнаступление (под Москвой, Сталинградом, Курском). Основной целью контрнаступления являлся разгром наступающей группировки противника, овладение важными районами (рубежами), захват стратегической инициативы. Контрнаступление обычно осуществлялось в форме стратегической наступательной операции группы фронтов (иногда и одного фронта) с использованием стратегических резервов. К его проведению привлекались фронты, которые до этого вели оборонительные действия (контрнаступление под Москвой), а также фронты на соседних направлениях (под Сталинградом, Курском). Для контрнаступления характерным являлось создание ударных группировок в сложных условиях оборонительного сражения при отражении наступления превосходящих сил противника (битва под Москвой).

Вместе с тем опыт подтвердил возможность сосредоточения таких группировок заблаговременно, еще до начала оборонительного сражения (битва под Курском). Контрнаступление начиналось из положения обороны (под Сталинградом, Курском) или после успешных контрударов, проводимых на фронтах (под Москвой). При этом очень важным являлось

правильное определение времени перехода в контрнаступление. Оно, как правило, начиналось, когда противник уже исчерпал свои наступательные возможности, его ближайшие оперативные резервы были израсходованы и он не успевал перейти к обороне, чтобы создать оборонительную группировку, необходимую для отражения мощного встречного удара.

В комплексе проблем, которые решала советская военная стратегия в первый год войны, трудно найти более сложную, чем проблема организации и ведения стратегической обороны. И не только потому, что перед войной предусматривалось ведение обороны преимущественно в масштабе армии и фронта. Основная сложность заключалась в том, что стратегическую оборону в начале войны приходилось организовывать и вести в условиях стремительно развивавшегося наступления противника при его подавляющем превосходстве, когда Вооруженные силы Советского Союза еще не завершили отмобилизование и оперативное развертывание. В тяжелых условиях, сложившихся для Красной армии в 1941 г. и летом 1942 г., необходимо было прежде всего обескровить ударные группировки врага, остановить его наступление, выиграть время и создать предпосылки для изменения стратегической обстановки в свою пользу.

Применение Красной армией новых форм активной стратегической обороны обеспечило срыв планов противника, нанесение ему тяжелых потерь, удержание важнейших рубежей, экономических и административных центров, военно-морских баз и других объектов. Ни одно государство Западной Европы, даже крупное, подвергшееся фашистской агрессии, не смогло решить подобные задачи.

С началом войны Вооруженным силам Советского Союза пришлось организовывать и вести стратегическую оборону на всем советско-германском фронте. В создавшихся условиях цели оборонительных операций достигались заблаговременной подготовкой оборонительных рубежей, высокой активностью войск при ведении оборонительных действий, нанесением неожиданных для врага контрударов, умелым использованием авиации и артиллерии, искусным маневром силами и средствами, проведением частных наступательных операций, созданием необходимых резервов. Однако из-за большого превосходства противника в силах на направлениях его главных ударов, недостаточной глубины обороны, слабой моторизации войск и, следовательно, их невысокой подвижности, а также из-за недостатков в организации разведки и управления советские войска нередко вынуждены были отступать на значительную глубину. Противнику удавалось прорывать фронт обороны наших войск и выходить им в тыл. В связи с этим их отдельные группировки вынуждены были вести тяжелую борьбу в окружении, что приводило к большим потерям в личном составе и боевой технике. Но от операции к операции совершенствовались организация и искусство ведения стратегической обороны. Она становилась более устойчивой и активной, увеличивалась глубина оперативного построения войск, возрастала эффективность контрударов, росло искусство инженерного оборудования местности, усиливалась противотанковая и противовоздушная защищенность войск и объектов тыла.

В ходе войны была разработана и воплощена в практику новая форма стратегической обороны — оборонительная операция группы фронтов. Подобные операции в 1941–1942 гг. велись силами двух-трех фронтов в полосах, достигавших нескольких сотен километров. При этом боевые действия развертывались также на большую глубину, исчисляемую тоже сотнями километров.

Сложной проблемой организации стратегической обороны было восстановление нарушенного стратегического фронта. В 1941–1942 гг. она решалась путем усиления боеспособности оперативных объединений первого эшелона, накопления и ввода в сражение стратегических резервов ВГК, перегруппировок войск с соседних участков фронта. Это позволяло проводить последовательные оборонительные операции, постоянно наращивать усилия на угрожаемом направлении, изматывать ударные группировки противника и в конечном счете восстанавливать стратегический фронт обороны. Так было, например, на западном (московском) направлении, где летом и осенью 1941 г. последовательно проводились три оборонительные операции.

В Курской оборонительной операции 1943 г. впервые была решена проблема организации и ведения преднамеренной обороны в стратегическом масштабе. Оригинальность и новизна ее замысла заключались в том, что при благоприятной в целом обстановке, обладании стратегической инициативой и общем превосходстве в силах советские войска перешли к обороне с тем, чтобы использовать преимущества в последующем стратегическом наступлении. Жесткая оборона (общей глубиной до 300 км) дала возможность в относительно короткие сроки «перемолоть» основные ударные группировки противника, нанести большие потери его танковым войскам, перейти в контрнаступление, а затем и в общее наступление на всем фронте от Великих Лук до Тамани.

В ходе войны масштаб оборонительных операций сокращался. Резко снижался и темп продвижения противника, что обусловливалось повышением устойчивости и активности стратегической обороны советских войск. Решение этой проблемы предопределялось прежде всего своевременным вскрытием замысла противника и правильным определением направлений его главных ударов, умелым массированием советским командованием на этих направлениях сил и средств. Повышение устойчивости и активности обороны обеспечивалось более глубоким ее построением на направлении действий главных стратегических группировок противника за счет эшелонирования войск, заблаговременной подготовки оборонительных рубежей и системы заграждений. Рост искусства организации стратегической обороны и изменение соотношения сил в пользу Красной армии привели к тому, что уже с лета 1942 г. противник вынужден был ограничиться наступлением на отдельных стратегических направлениях, а после поражения под Курском, где вермахт предпринял третье по счету и последнее крупное летнее наступление на востоке, он перешел к обороне на всем советско-германском фронте.

Успех наступательных и оборонительных кампаний, как и стратегических операций, в годы Великой Отечественной войны во многом предопределялся наличием и умелым использованием стратегических резервов. Этому вопросу Ставка ВГК на протяжении всей войны уделяла особое внимание. Трижды в 1941 г. (под Минском, Киевом и Вязьмой) противнику удавалось прорывать стратегический фронт обороны Красной армии путем окружения крупных группировок советских войск в этих районах. Один раз неприятель добился такого же успеха и летом 1942 г., пробив огромную брешь в стратегическом фронте советских войск на стыке Брянского и Юго-Западного фронтов и выйдя в большую излучину Дона. Во всех этих случаях перед Верховным главнокомандованием возникала сложнейшая задача восстановления сплошного стратегического фронта. Эта проблема решалась, главным образом, выдвижением к участку прорыва стратегических резервов, восстановлением и использованием отошедших войск первого стратегического эшелона, переброской сил с других направлений, а также с Дальнего Востока, из Забайкалья, Средней Азии.

В начале войны стратегические резервы создавались за счет кадровых соединений внутренних военных округов. С июля 1941 г. основным способом создания резервов стало формирование новых частей, соединений и объединений (соединения, понесшие большие потери, как правило, расформировывались). С 1942 г. стал практиковаться иной способ их создания: из состава действующих фронтов выводили в резерв ВГК армии, соединения родов войск, там они пополнялись личным составом и вооружением, проходили обучение, сколачивание. Такой способ позволял сохранять опытный костяк соединений, его боевые традиции и со второго периода войны он стал основным способом создания стратегических резервов. В составе стратегического резерва наряду со стрелковыми, кавалерийскими, танковыми, авиационными корпусами и дивизиями, а также специальными частями находились общевойсковые, танковые и воздушные армии, резервы вооружения, боеприпасов и других материальных средств. Характерно, что количество артиллерийских, авиационных, танковых формирований, находящихся в резерве Ставки ВГК, постоянно возрастало. Это обеспечивало возможность быстрого массирования главных средств поражения противника и развития успеха на важнейших стратегических направлениях. Новым в истории военного искусства стало создание в резерве Ставки ВГК фронтовых объединений (Резервный фронт

и Московская зона обороны в 1941 г., Степной фронт в 1943 г.). Ставка ВГК вводила резервы в сражение на тех направлениях, где решались основные стратегические задачи. При этом качество и техническая оснащенность стратегических резервов в годы войны постоянно возрастали.

В обороне стратегические резервы использовались, главным образом, для восстановления стратегического фронта, усиления группировок фронтов, проведения контрударов и частных наступательных операций. За первые пять с половиной месяцев войны (по декабрь 1941 г.) из резерва Ставки ВГК в действующие фронты было направлено свыше 300 дивизий, из них более половины — на западное направление, являвшееся в то время главным. В наступлении стратегические резервы применялись обычно в решающие моменты вооруженной борьбы для достижения превосходства над противником, наращивания силы ударов главных группировок наступавших войск или обеспечения флангов. Так, при подготовке и в ходе Белорусской операции 1944 г. фронтам из резерва Ставки ВГК были переданы управления четырех общевойсковых армий, две танковые армии, 52 стрелковые и кавалерийские дивизии, шесть отдельных танковых и механизированных корпусов, 33 авиационные дивизии, большое количество артиллерийских частей и соединений, а также более 210 тыс. человек маршевого пополнения. В ходе Прибалтийской операции 1944 г. 1-й Прибалтийский фронт был усилен двумя общевойсковыми армиями, что позволило ему не только нанести мощный удар по противнику, но и, наращивая усилия в ходе стратегического наступления, отсечь группу армий «Север» в Прибалтике от основных сил вермахта.

Огромное значение для достижения победы имели четкая организация и осуществление стратегического руководства вооруженными силами в войне. Государственный Комитет Обороны как высший орган государственного управления ставил перед вооруженными силами военно-политические задачи в соответствии с политическими целями войны, предоставляя необходимые силы и средства для ее ведения. Стратегическое руководство вооруженной борьбой ГКО осуществлял через Ставку ВГК, которая являлась высшим органом стратегического руководства военными действиями вооруженных сил в Великой Отечественной войне. Она непосредственно руководила фронтами и видами вооруженных сил, организовывала взаимодействие между ними и координировала их действия, обеспечивала необходимыми силами и средствами. Осуществляя руководство вооруженной борьбой, Ставка ВГК определяла задачи стратегической разведки, ставила Генеральному штабу задачи по разработке планов военных кампаний и операций, созданию стратегических группировок и резервов, планированию оперативно-стратегических перевозок, развитию системы управления на ТВД и многие другие. Ставка также организовывала взаимодействие между советскими войсками и партизанами, согласовывала усилия Красной армии и армий союзных государств, определяла мероприятия по развитию тыла, рассматривала итоги обобщения боевого опыта и предложения о новых способах подготовки и ведения операции и боя, планы подготовки командных кадров, назначала командование фронтов и армий, командиров корпусов и дивизий.

Рабочими органами Ставки ВГК являлись Генеральный штаб, управления Наркомата обороны и Наркомата ВМФ. Круг вопросов, решаемых Генеральным штабом, был весьма обширен. Он охватывал все стороны жизни и деятельности вооруженных сил. Через Генеральный штаб, а также через штабы стратегических направлений и фронтов, представителей Ставки ВГК, органы наркоматов обороны и ВМФ обеспечивалась координация действий сухопутных войск, ВВС, ВМФ, сил ПВО страны, решались многие другие вопросы.

Важные функции выполнял корпус офицеров Генерального штаба, представители которого постоянно находились в войсках. С их помощью Генеральный штаб не только получал необходимую информацию о состоянии дел в войсках, но и осуществлял проверку выполнения директив, приказов и распоряжений Верховного главнокомандования. Офицеры Генерального штаба оказывали активную помощь командующим и штабам в организации управления войсками.

Решения Ставка ВГК принимала после тщательного их обсуждения. Нередко перед принятием решения в Ставку вызывали командующих фронтами, видами вооруженных

сил и родов войск, где заслушивались их соображения и расчеты, с учетом которых вносились поправки в разрабатываемые Генеральным штабом планы. Кроме того, Ставка ВГК направляла своих представителей и уполномоченных во фронты для контроля и оказания практической помощи в реализации замыслов высшего военного руководства. Все это способствовало повышению эффективности военного руководства и управления войсками. Институт представителей Ставки ВГК в войсках появился с переходом Вооруженных сил СССР к широким наступательным действиям, с увеличением размаха операций, к которым привлекались силы нескольких фронтов, авиации и Военно-морского флота. В этой связи возникла необходимость в четкой координации их действий в несколько иной форме, чем та, которая применялась ранее.

В начале войны, когда обстановка на фронте менялась очень быстро, связь между фронтами и Ставкой ВГК оказалась недостаточно устойчивой и управление войсками было крайне затруднено, возникла необходимость приблизить стратегическое руководство к войскам. В этих целях 10 июля 1941 г. было создано промежуточное звено управления — главные командования стратегических направлений: Северо-Западного, Западного и Юго-Западного, а впоследствии и Северо-Кавказского. В задачи этих командований входили оперативно-стратегическое руководство фронтами и флотами, действовавшими на этих направлениях, координация их усилий, осуществление контроля над выполнением директив Ставки, руководство работой тыла. Их деятельность сыграла определенную положительную роль, однако в конкретной обстановке лета 1941 г. при недостаточной материально-технической базе управления войсками они не смогли резко улучшить руководство фронтовыми объединениями. Ставка ВГК вынуждена была нередко управлять фронтами напрямую. Когда положение на фронтах несколько стабилизировалось, главные командования направлений были упразднены. Ставка ВГК стала осуществлять руководство боевыми действиями на фронтах через своих представителей. Обладая большими полномочиями и опытом стратегического руководства, представители Ставки ВГК самостоятельно и творчески решали на месте вопросы, возникавшие при реализации замыслов и решений Верховного главнокомандования. Находясь непосредственно на фронте, они контролировали своевременность выполнения приказов и директив Ставки, оказывали помощь командованию фронтов в подготовке и ведении операций, организовывали взаимодействие сил и средств, участвовавших в стратегической операции, координировали действия фронтов. С весны 1944 г., когда фронт вооруженной борьбы отодвинулся далеко на запад, в целях повышения оперативности руководства войсками на представителей Ставки возлагалось в отдельных случаях непосредственное руководство операциями фронтов и групп фронтов. На завершающем этапе войны с сокращением линии советско-германского фронта и уменьшением числа действующих фронтов надобность в промежуточных звеньях стратегического руководства отпала.

Таким образом, развитие советской военной стратегии в годы Великой Отечественной войны характеризовалось полным использованием экономических, моральных, военных возможностей страны, решительностью целей в кампаниях и операциях, применением видов военных действий в соответствии с возможностями, стратегическими целями и обстановкой, правильным определением главных направлений и умелым использованием резервов, творческими методами руководства вооруженными силами. В ходе войны советская военная стратегия доказала свое превосходство над немецко-фашистской стратегией, несмотря на крупные преимущества, которые имела нацистская Германия в начале войны.

Сложившаяся за годы войны система стратегического руководства характеризовалась высокой степенью централизации на уровне Ставки ВГК и Генерального штаба. Ее структура создавалась и совершенствовалась на основе принципов коллегиальности, сочетавшейся с единоначалием, четкого разделения функций между различными органами управления, персональной ответственности каждого руководителя за порученный участок работы. О жизненности и эффективности такой структуры свидетельствует тот факт, что советской военной стратегией в годы Великой Отечественной войны были успешно решены многие сложнейшие проблемы, основные из которых рассмотрены выше. Это являлось прочной

базой, на которой от кампании к кампании возрастал уровень стратегического мастерства советских полководцев, увеличивались размах и результативность стратегических операций.

Опыт Великой Отечественной войны подтвердил, что теория советского оперативного искусства, разработанная в предвоенные годы, в основном правильно отражала вопросы подготовки и ведения фронтовых и армейских операций. В годы войны на основе приобретенного опыта и в соответствии с изменявшимися условиями эта теория получила дальнейшее развитие.

Во время войны фронт являлся высшим оперативно-стратегическим объединением советских войск. Фронтовая операция в большинстве случаев была составной частью стратегической операции, в которой фронт выполнял крупные оперативные задачи. Лишь в некоторых операциях стратегическая задача решалась силами одного фронта (Львовско-Сандомирская 1-го Украинского фронта, Петсамо-Киркенесская Карельского фронта и другие). Фронт, участвовавший в стратегической операции группы фронтов, проводил, как правило, несколько последовательных по глубине оборонительных или наступательных операций (Западный фронт под Москвой в 1941 г. — октябрьскую и ноябрьскую оборонительные операции, 3-й Белорусский фронт в Белорусской наступательной операции — Витебско-Оршанскую, Минскую, Вильнюсскую и Каунасскую). Каждая последующая операция начиналась после достижения фронтом целей первой операции и постановки ему задачи, решение которой часто требовало создания новой группировки сил и средств, организации взаимодействия, изыскания новых форм оперативного маневра. Подготовка последующей операции чаще всего проводилась в ходе предшествующей. В ряде же случаев для пополнения и перегруппировки войск делались паузы продолжительностью в несколько суток.

Фронты действовали на главном или вспомогательном направлении, находились, как правило, в первом эшелоне и лишь в редких случаях составляли резерв Ставки ВГК (битва под Москвой — Резервный фронт, под Курском — Степной). В ходе войны произошло превращение фронта из стратегического в оперативно-стратегическое объединение.

Армия являлась основным оперативным объединением сухопутных войск, находясь в первом (втором) эшелоне фронта или в резерве. В рамках фронтовой операции общевойсковая армия в тесном взаимодействии с другими армиями проводила две-три последовательные армейские операции. Иногда общевойсковые армии решали задачи на самостоятельных направлениях (Отдельная Приморская армия в Крымской операции 1944 г.). Танковые армии предназначались для решения оперативных задач самостоятельно и во взаимодействии с другими объединениями. Их, как правило, по распоряжению Ставки ВГК включали в состав фронтов, действовавших на важнейших направлениях. Во фронтовых наступательных операциях танковые армии использовались на направлениях главных ударов в качестве подвижных групп, которые являлись основным средством развития тактического успеха в оперативный. В некоторых случаях танковая армия в начале операции входила в состав первого эшелона фронта, действуя в самостоятельной полосе (Корсунь-Шевченковская, Дебреценская, Будапештская операции). В оборонительных операциях танковые армии обычно составляли второй эшелон фронта и предназначались для нанесения контрударов (1-я и 2-я танковые армии в битве под Курском), а иногда использовались и для занятия обороны подготовленных оборонительных рубежей в глубине. Воздушная армия фронта предназначалась для совместных действий с сухопутными войсками, а также для решения ряда самостоятельных задач во всех видах боевой деятельности. Боевой состав объединений зависел от важности выполняемых ими задач, а также от возможностей экономики страны. Общей тенденцией, проявившейся в годы войны, являлось увеличение их боевой мощи, что способствовало достижению более решительных целей в операциях.

В годы Великой Отечественной войны наступательные операции являлись основной формой ведения боевых действий фронтов и армий. Их цель заключалась в разгроме крупной группировки противника и овладении районами (рубежами), имевшими важное оперативное (при проведении фронтом стратегической операции — стратегическое) значение. В первом и втором периодах войны целью фронтовой операции обычно были разгром 6–12 дивизий

противника и овладение важным районом или рубежом на глубине 60–120 км. В третьем периоде разгрому уже подлежало от 16 до 18 дивизий врага, глубина наступления достигала 250–350 км, а в ряде случаев и более. Цель армейской операции заключалась в разгроме части сил оперативной группировки противника в составе 3–6 дивизий и развитии наступления на глубину 50–80 км в первом периоде, 100–150 км во втором и третьем периодах войны. Задачи танковым армиям определялись, как правило, на глубину фронтовой операции. Конечная цель операции фронта (армии) достигалась путем последовательного выполнения ближайшей и дальнейшей задач. Действия войск для выполнения ближайшей задачи планировались более подробно и, как правило, по дням. Возрастание мощи и боевых возможностей объединений, необходимость преодоления увеличивающейся по глубине и силе обороны противника обусловили изменения и других показателей размаха операций. Так, произошло некоторое сокращение ширины полос наступления и продолжительности операций, увеличились темпы наступления, которые во многих важнейших операциях третьего периода войны для стрелковых войск составляли 20–30 км, для танковых — 30–40 км, а в ряде случаев 50–70 км в сутки.

Анализ опыта боевых действий свидетельствует, что в годы войны постоянно шли поиски творческого применения разнообразных способов проведения операций, наиболее целесообразного использования сил и средств, улучшались способы прорыва обороны противника и развития успеха в оперативной глубине, совершенствовалось применение родов войск и управление ими. Принимая решение, командующий фронтом (армией) исходил из цели и задач, поставленных Ставкой ВГК (фронтом), замысла стратегической (фронтовой) операции и условий складывающейся обстановки. При этом изыскивались наиболее совершенные способы разгрома главной группировки противника.

Широкое применение нашло нанесение ударов по сходящимся направлениям в целях окружения и уничтожения вражеских группировок. Правда, в первый период войны советским войскам далеко не всегда удавалось достигать поставленной цели на окружение, что являлось следствием недостатка сил и средств, особенно танковых и механизированных войск, и необходимого опыта у командных кадров. В последующем в ряде фронтовых операций достигалось окружение и уничтожение противника (Воронежский фронт — под Россошью и Острогожском в 1943 г., 1-й Белорусский фронт — в районе Бобруйска в 1944 г. и другие). Еще больше операций на окружение и уничтожение противника было осуществлено во взаимодействии с соседними фронтами в стратегических операциях. При невозможности или нецелесообразности проведения операции на окружение в замысле операций фронтов и армий предусматривалось нанесение фронтальных ударов на большую глубину в целях рассечения группировки врага на части, стремительного преследования противника и уничтожения его порознь.

Важнейшим условием достижения успеха операции являлось правильное определение направления главного удара. Оно обычно указывалось вышестоящим командованием (Ставкой ВГК, фронтом) в зависимости от замысла стратегической (фронтовой) операции. Опыт свидетельствует, что на выбор направления главного удара наибольшее влияние оказывали характер обороны противника, состояние своих войск, условия местности, начертание линии фронта, время, отводимое на подготовку операции. Преобладало стремление нанести главный удар по слабому (уязвимому) месту в обороне противника на местности, которая допускала возможность использования всех родов войск и кратчайшим путем выводила на тылы и фланги основной группировки врага в целях ее полного разгрома.

В ряде операций главные удары наносились и по сильным группировкам противника. Особенно это характерно было для операций, которые готовились при отсутствии достаточного времени на перегруппировку сил и средств (например, Воронежский и Степной фронты в Белгородско-Харьковской операции в августе 1943 г.), и для операций третьего периода войны, которые начинались с захваченных плацдармов на крупных водных преградах (Висло-Одерская, Берлинская операции). Как показал опыт, эффективность нанесения главного удара по сильным местам в обороне противника во многом обусловливалась возрастанием

во фронтах и армиях средств, способных подавить оборону противника на большую глубину (артиллерии и авиации), и сил для быстрого развития успеха (танковых армий, танковых и механизированных корпусов). Одним из решающих факторов, обеспечивающих успешное проведение операции, являлось массирование сил и средств на избранных направлениях. В начале войны из-за отсутствия опыта и достаточного количества сил и средств эта задача решалась далеко не полностью. С выходом директивы Ставки ВГК от 10 января 1942 г. о наступлении ударными группировками и переходе к артиллерийскому наступлению степень массирования сил и средств непрерывно повышалась. Это достигалось как за счет возрастания боевых возможностей соединений и объединений, так и за счет предельного ослабления второстепенных направлений, нарезки узких участков прорыва, неравномерного распределения средств, что позволяло усиливать соединения, наступавшие на главном направлении. В результате во втором и третьем периодах войны на участках прорыва, составлявших 5–15% от общей полосы наступления фронта, сосредоточивалось до половины и более стрелковых соединений, большая часть артиллерии, авиации и почти все танки. В армиях же на участках прорыва в 6–14 км сосредоточивалось до 70–80% сил и средств.

Общей тенденцией в совершенствовании оперативного построения войск являлось качественное усиление всех его элементов и появление новых. В начале войны из-за недостатка сил и средств оперативное построение фронтов было в основном одноэшелонным при наличии слабых резервов и авиации. В армиях иногда выделялся второй эшелон или резерв в составе одной-двух дивизий. В ряде случаев создавалась подвижная группа из кавалерийских соединений и отдельных танковых бригад. Во втором и особенно в третьем периодах войны оперативное построение стало более глубоким. В ряде операций фронты имели двухэшелонное построение. Первый эшелон фронта состоял из общевойсковых армий. Во второй эшелон входили одна, а иногда две общевойсковые армии. Подвижные группы включали от одной до трех танковых армий, одну-две конно-механизированные группы или отдельные танковые (механизированные) корпуса. Создавались фронтовые зенитно-артиллерийские группы, более сильные резервы из всех родов войск и подвижные отряды заграждений (ПОЗ). Значительно возросла мощь авиационных группировок фронтов, основу которых составляли воздушные армии.

С переходом на корпусную организацию усилился состав армий первого эшелона, а при построении объединения в два эшелона во второй эшелон стал выделяться стрелковый корпус. В отдельных случаях армии имели и три эшелона. Такое построение применялось главным образом в условиях, когда они действовали на флангах ударных группировок фронтов и должны были, используя успех на главном направлении, развивать наступление в сторону одного из флангов (например, 57-я армия 3-го Украинского фронта в Ясско-Кишинёвской операции). Типичным стало создание в армиях, действующих на направлениях главных ударов, подвижных групп из отдельных танковых (механизированных) корпусов. Значительно усилились артиллерийские группы, в состав которых включали артиллерийские дивизии, иногда и корпуса прорыва, а в состав зенитно-артиллерийской группы — зенитно-артиллерийские дивизии РВГК. Значительно усилился и артиллерийско-противотанковый резерв. В армиях, как правило, создавали подвижный отряд заграждений, окончательно оформившийся как новый элемент оперативного построения во втором периоде войны. В целом значительное усиление первого оперативного эшелона позволяло более успешно решать задачи прорыва обороны противника, а наличие крупных сил во вторых эшелонах и резервах обеспечивало возможность наращивать усилия в ходе боевых действий и поддерживать необходимое превосходство над противником на глубину всех операций.

Получило развитие и искусство ведения наступательных операций. Первый этап большинства наступательных операций фронтов (армий) составлял прорыв вражеской обороны. При этом наиболее важной задачей являлся прорыв тактической зоны обороны противника, в пределах которой сосредоточивалось до 80% всех его сил и средств. Темпы прорыва тактической зоны обороны противника постоянно возрастали. Если в первом периоде войны для прорыва слабой и относительно неглубокой (3–4 км) вражеской обороны затрачивалось двое-

трое суток, то в третьем периоде более сильную тактическую зону, состоявшую из двух полос (глубиной 12 км и более), советские войска в большинстве случаев преодолевали в течение двух дней, а в ряде операций — в первый же день наступления (1-й Прибалтийский фронт, 5-я и 39-я армии 3-го Белорусского, 65-я армия 1-го Белорусского фронта в Белорусской операции 1944 г., 27-я армия 2-го Украинского фронта в Ясско-Кишинёвской операции 1944 г. и другие).

Фронтовые и армейские наступательные операции начинались с огневого поражения противника путем проведения артиллерийской и авиационной подготовки. В операциях первого периода, вследствие того, что основную массу артиллерии фронтов (армий) составляла немногочисленная артиллерия дивизий и небольшое количество артиллерийских частей РВГК, а также из-за недостатка боеприпасов и коротких сроков проведения артиллерийской подготовки, советским войскам не удавалось достичь надежного поражения даже неглубокой, сравнительно слабой обороны противника. Малоэффективным было и авиационное воздействие из-за слабости и немногочисленности штурмовой и бомбардировочной авиации. Все это отрицательно сказывалось на темпах прорыва обороны. Ставка ВГК, обобщив опыт первых наступательных операций, потребовала перейти к практике артиллерийского наступления. Сущность его заключалась в непрерывной поддержке пехоты и танков массированным огнем артиллерии в течение всего периода наступления.

Предусматривались следующие периоды артиллерийского наступления: артиллерийская подготовка атаки, артиллерийская поддержка атаки и артиллерийское обеспечение действий пехоты и танков в глубине обороны противника. При прорыве укрепленных районов предусматривался предварительный период (от нескольких часов до нескольких суток) для разрушения оборонительных сооружений противника. В конце первого периода войны зародилась новая форма оперативного применения авиации — авиационное наступление. Сущность его заключалась в непрерывной поддержке с воздуха наступающих войск фронта на всю глубину операции. Авиационное наступление включало два периода: авиационную подготовку атаки и авиационную поддержку (сопровождение) наступающих войск. В свою очередь, авиационная подготовка подразделялась (с 1944 г.) на предварительную и непосредственную. Выработанная и оправдавшая себя на практике стройная система боевого применения артиллерии и авиации наряду с возрастанием количества и качества военной техники обеспечивала более надежное поражение противника перед началом атаки, причем не только на переднем крае. Глубина одновременного подавления вражеской обороны в период артиллерийской подготовки возросла с 2,5–5 км в 1941–1942 гг. до 8–10 км и более в 1945 г.

Опыт войны показал, что эффективность огневого поражения значительно зависела от творческого подхода к построению артиллерийской подготовки и времени ее проведения. График построения артиллерийской подготовки включал периоды огневых налетов, разрушения и подавления в различном сочетании. Характерным было и то, что в связи с увеличением глубины и прочности обороны противника и недостаточным количеством артиллерии большого калибра в первом и втором периодах войны наблюдалось увеличение продолжительности артиллерийской подготовки с 80–90 минут под Москвой и Сталинградом до 140–175 минут под Курском. Со второй половины 1943 г. наблюдалась тенденция сокращения продолжительности артиллерийской подготовки с одновременным увеличением времени на огневые налеты. В отдельных случаях она проводилась как один мощный огневой налет продолжительностью 20–25 минут (1-й Белорусский фронт в Висло-Одерской и Берлинской операциях). Увеличение времени на огневые налеты, плотности артиллерии на участках прорыва, а также возрастание силы ударов авиации в период авиационной подготовки обеспечивали достаточно надежное поражение обороны противника, причем в более короткие сроки.

Наращивание усилий в целях быстрого преодоления вражеской обороны и развития успеха в высоких темпах в оперативной глубине обеспечивалось вводом в сражение вторых эшелонов и резервов. Новым в развитии военного искусства явилось широкое применение для наращивания усилий крупных масс танковых и механизированных войск, используемых

в качестве подвижных групп фронтов и армий. Состав этих групп, способы ввода в сражение и их действия в годы войны постоянно совершенствовались. В наступательных операциях зимой 1941–1942 гг. во фронтах, как правило, подвижные группы не создавались. Командующие армиями создавали такие группы из отдельных танковых бригад, батальонов, лыжных батальонов и кавалерийских дивизий. Однако эти группы, как показал опыт, не могли успешно решать поставленные перед ними задачи. С лета 1943 г. в качестве подвижных групп фронтов стали использоваться танковые армии однородного состава. В первом периоде войны выявилось, что подвижные группы для развития успеха целесообразно вводить тогда, когда система противотанковой обороны врага нарушена. Этот опыт был обобщен в приказе наркома обороны № 325 от 16 октября 1942 г. В нем давались принципиальные установки об использовании танковых частей и соединений. Танковые (механизированные) корпуса предлагалось использовать для развития успеха в оперативной глубине на главном направлении после выхода наступающей пехоты в район артиллерийских позиций противника. Чтобы не допустить снижения темпов наступления при отсутствии штатных танков в стрелковых корпусах (дивизиях), в большинстве случаев в первый же день операции вводились в сражение подвижные группы общевойсковых армий. На тех направлениях, где армейские подвижные группы не действовали, нередко в целях завершения прорыва тактической зоны обороны использовалась часть сил подвижной группы фронта. В итоге решалась задача своевременного наращивания усилий стрелковых соединений и обеспечения прорыва в высоких темпах, значительно ускорялся процесс перерастания тактического успеха в оперативный. Благодаря возросшей ударной силе стрелковых соединений, а также умелой организации последовательного ввода на одном направлении сначала подвижной группы армии, а затем фронта (1-й и 3-й Белорусские фронты в Белорусской операции) произошло освобождение подвижных групп фронтов от задач завершения прорыва тактической обороны, что сохраняло их силы и средства, создавало более благоприятные условия для стремительного развития операции на большую глубину.

Опыт войны свидетельствует, что важнейшим условием успешного осуществления ввода подвижных групп в сражение являлось всестороннее его обеспечение. Оно возлагалось на общевойсковые армии, в полосах которых вводились подвижные группы, и воздушные армии фронтов. С началом выдвижения танковой армии для ввода в сражение авиация прикрывала ее с воздуха, осуществляла авиационную поддержку при вводе армии в сражение и при ее наступлении в оперативной глубине, уничтожая войска и огневые средства противника, препятствовавшие продвижению танков. Она также вела борьбу с резервами противника, его контрударными и отходящими группировками, решала задачи воздушной разведки. В ряде операций (Орловская, Львовско-Сандомирская) перед вводом танковой армии в сражение проводилась короткая по времени, но мощная авиационная подготовка. Для непосредственной поддержки и прикрытия танковой армии в операциях 1943 г. выделялось по одной штурмовой и истребительной авиадивизии, в операциях 1944–1945 гг. по мере увеличения боевого состава воздушных армий — по два авиационных корпуса (штурмовых, истребительных, бомбардировочных) и более.

В годы войны непрерывно совершенствовалось преследование врага, возрастали темпы и глубина преследования. Так, если в первом периоде войны темпы преследования составляли 8–12 км в сутки, то во втором и особенно в третьем периодах они достигали: для стрелковых соединений — 25–40 км, для танковых и механизированных — 40–70 км в сутки. По опыту большинства наступательных операций третьего периода войны преследование велось во всей полосе фронта (армии) на глубину 150–250 км и более. Осуществлялось как параллельное, так и фронтальное преследование противника. Наилучшие результаты достигались при умелом сочетании обоих способов. При этом большая часть сил использовалась для преследования противника по параллельным путям его отхода, а меньшая — с фронта. Успех зависел также от подвижности войск. Это обусловило то, что главную роль при преследовании стали играть танковые и механизированные соединения. Действуя по отдельным направлениям и на широком фронте, они отрывались от стрелковых войск на 60–80 км.

Боевой опыт свидетельствует, что важную роль играли передовые отряды. Используя промежутки в обороне врага и не ввязываясь в бои за отдельные опорные пункты, они, действуя на удалении 20–30 км от главных сил, захватывали важные рубежи и объекты и удерживали их до подхода главных сил, упреждали неприятеля в выходе на тыловые рубежи, нарушали коммуникации и планомерный отход его войск. Для поддержания тесного взаимодействия с танковыми и механизированными соединениями от стрелковых войск тоже высылались подвижные передовые отряды, которые обеспечивали возможность главным силам осуществлять преследование противника в походных порядках. Достижению высоких темпов способствовала непрерывность преследования, осуществляемого днем и ночью, что не давало противнику времени на организацию обороны на промежуточных рубежах. Все это позволяло войскам с ходу преодолевать промежуточные рубежи и водные преграды.

Важная роль отводилась авиации, решавшей задачи непосредственной поддержки наступавших войск. Однако опыт показал, что решить в полной мере задачи непрерывной авиационной поддержки, особенно на заключительных этапах операций, удавалось не всегда. Одной из причин этого являлось отставание с перебазированием авиации. В результате противнику иногда удавалось достигать превосходства в воздухе и наносить ощутимые удары по наступавшим войскам. Поэтому одной из задач подвижных войск в ходе преследования являлись захват и удержание аэродромов противника.

Существенная роль в развитии успеха операции отводилась вторым эшелонам. Чаще всего они использовались после ввода в сражение подвижных групп армий (фронтов) в оперативной глубине. Вторые эшелоны армий в большинстве случаев вводились для прорыва армейского и промежуточных рубежей обороны противника, а вторые эшелоны фронтов — после прорыва армейского оборонительного рубежа, иногда на заключительном этапе фронтовой наступательной операции (5-я гвардейская армия 1-го Украинского фронта в Львовско-Сандомирской операции). Характерной задачей вторых эшелонов являлось наращивание усилий на направлении главного удара армии (фронта) или же там, где обозначился наибольший успех. Решение последней задачи наряду с совершенствованием организации перегруппировок вторых эшелонов сочеталось с умелым проведением командующими фронтами (армиями) маневра других сил и средств на это направление.

Опыт войны показал, что на успех наступления большое влияние оказывало своевременное материальное обеспечение войск. Наибольшие трудности в ходе преследования ощущались в обеспечении горючим, потребность в котором увеличивалась по мере роста размаха наступательных операций и технической оснащенности войск. Случалось, что из-за несвоевременной подачи горючего танковые и механизированные соединения, действующие далеко впереди стрелковых соединений, в отрыве от тылов, вынуждены были делать остановки в ожидании его подвоза (при освобождении Правобережной Украины, в Белорусской, Висло-Одерской и других операциях). Для преодоления этих трудностей решениями военных советов фронтов (армий) заблаговременно создавались повышенные запасы горючего непосредственно в частях, подразделениях и на боевых машинах. В отдельных случаях для его доставки использовалась авиация. Принимались меры по захвату и использованию трофейного горючего. В целях сохранения темпов преследования нередко практиковалась передача оставшегося в танковых корпусах (армиях) горючего в танковые и механизированные бригады, выделенные в передовые отряды. Одновременно принимались меры по ускорению его подвоза главным силам.

Важнейшим условием достижения конечных целей наступательных операций являлась высокая эффективность управления войсками как при подготовке, так и в ходе операций. Это обеспечивалось приведением систем управления (органов и средств) в соответствие с характером вооруженной борьбы, рациональной организацией деятельности командующих и штабов, применением целесообразных методов и форм их работы, поддержанием высокого уровня боеспособности войск, устойчивости и непрерывности руководства ими в наступлении. Стиль управленческой деятельности стал характеризоваться деловитостью и целеустремленностью, сочетанием коллегиальности и единоначалия. Утвердилась практика

организации взаимодействия на местности (на глубину видимости) и ее макетах, главным образом в форме проигрывания возможных вариантов предстоящих действий.

Развитие способов подготовки и ведения наступления в годы войны шло по пути дальнейшего совершенствования теории и практики глубокой наступательной операции. Это проявилось в возрастании размаха операций, более четком определении места и роли в них фронтовых и армейских объединений с одновременным повышением их боевой мощи и возможностей, в изыскании наиболее совершенных, исходя из условий конкретно складывавшейся обстановки, способов разгрома противостоящего противника, в решительном массировании сил и средств на избранном направлении и совершенствовании оперативного построения войск. Рациональный подход при подготовке операций фронтов и армий обеспечивал возможность разрешения таких наиболее важных проблем военного искусства, как надежное огневое поражение противника и быстрый прорыв его глубокоэшелонированной подготовленной обороны, ведение наступления в высоких темпах и на большую глубину, достижение поставленных целей в большинстве операций. Дальнейшее развитие получили вопросы боевого применения танковых и механизированных соединений и объединений. Значительно возросла роль артиллерии и авиации как основных средств огневого поражения противника.

Оборонительные операции в годы Великой Отечественной войны занимали значительное место в действиях Вооруженных сил Советского Союза, особенно в первом периоде войны. Фронтовые оборонительные операции до середины 1943 г. обычно осуществлялись в рамках стратегической оборонительной операции, проводимой силами нескольких фронтов, а на приморских направлениях — и с участием военно-морских сил. Их цель заключалась в том, чтобы остановить наступление противника, нанести ему потери и создать условия для перехода в контрнаступление. Большим разнообразием отличались цели оборонительных операций во втором и третьем периодах войны. В них решались задачи экономии сил и средств для создания наступательных группировок, закрепления достигнутых в ходе наступательных операций рубежей и плацдармов, отражения контрнаступления или контрударов противника, обеспечения флангов наступающих ударных группировок фронта. Отличительной чертой оборонительных операций 1943–1945 гг. являлся их преднамеренный характер. Это стало возможным благодаря общему превосходству в силах и средствах над противником. Стратегической инициативой владело советское командование.

В ходе войны армейские оборонительные операции, как правило, являлись составной частью фронтовой операции. Армии при этом решали и такие задачи, как создание внутреннего или внешнего фронта окружения противника и его блокирование. На пассивных участках советско-германского фронта обороной решалась задача прикрытия труднодоступных операционных направлений: армии Карельского фронта, 8-я и 67-я армии Ленинградского фронта с ноября 1944 по май 1945 г. оборонялись на побережье Финского и Рижского заливов Балтийского моря, 43-я армия 1-го Прибалтийского фронта с октября 1944 до середины 1945 г. удерживала оборону на побережье Балтийского моря.

С началом войны фронты и армии переходили к обороне в невыгодных для них условиях. Не располагая достаточным временем на ее организацию, они были вынуждены проводить оборонительные операции в широких полосах (армии — до 200 км) при подавляющем превосходстве врага в силах и средствах и полном господстве его авиации в воздухе, особенно на направлениях главных ударов. Командующие фронтами в этих условиях стремились создать более сильный первый эшелон. Поэтому оперативное построение фронтов было одноэшелонным с выделением небольших резервов из-за недостатка сил и средств. К концу первого периода войны появились такие элементы оперативного построения, как армейские артиллерийские и зенитно-артиллерийские группы, а также артиллерийско-противотанковый резерв. К этому же времени произошли изменения и в оперативном построении фронтов. Кроме первого эшелона стали создаваться более сильные фронтовые артиллерийско-противотанковые, танковые и другие резервы. В состав оперативного построения включалась воздушная армия. С лета 1943 г. помимо сильных резервов в ряде операций создавались

и вторые эшелоны. Иногда в состав второго эшелона включали не только общевойсковые, но и танковые армии.

Оперативное построение армий в операциях второго и третьего периодов войны чаще всего было одноэшелонным, хотя в ряде случаев они имели и вторые эшелоны. В армиях создавались также общевойсковые и танковые резервы, артиллерийские группы, артиллерийско-противотанковые резервы, специальные резервы. При этом ширина полос обороны армий несколько сократилась. С 1943 г. фронт обычно оборонялся в полосе 250–350 км, а армия в важнейших операциях — в полосе от 40 до 80 км. В этом случае стрелковая дивизия обычно оборонялась в полосе 7–8 км при плотности 20–30 орудий и минометов и до семи танков и САУ на 1 км фронта. Такие плотности обеспечивали успешное ведение оперативной обороны. Усиление элементов оперативного построения, появление новых, их эшелонирование предопределили возрастание глубины обороны объединений, что значительно повысило ее устойчивость и активность.

В оборонительных операциях летне-осенней кампании 1941 г. во фронтах и армиях инженерное оборудование местности ограничивалось в основном пределами первой (главной) полосы. К концу первого периода войны помимо главной полосы на ряде направлений готовились армейский тыловой рубеж, районы, обороняемые резервами, в том числе фронтовыми, а также фронтовые оборонительные рубежи (Сталинградская битва). Наибольшего развития инженерное оборудование местности достигло во втором периоде войны, особенно в условиях преднамеренного перехода войск к обороне, как это имело место в Курской битве. Там глубина подготовленной в инженерном отношении обороны во фронтах достигала в среднем 150–180 км, в армиях — 40–50 км. Во фронте оборудовалось до шести оборонительных полос. Кроме того, создавались промежуточные и отсечные позиции, широко применялись инженерные заграждения, особенно противотанковые. В условиях поспешного перехода к обороне особенностью инженерного оборудования местности являлось то, что плотности инженерных сооружений, количество подготавливаемых оборонительных полос, их глубина и расстояние между ними были несколько меньшими. Обусловливалось это главным образом ограниченным временем и возможностями войск, которые на заключительном этапе операции имели уже значительные потери. Тем не менее, учитывая предшествующий опыт, оперативная оборона советских войск в третьем периоде войны и в этих условиях была достаточно глубокой.

Важное значение в повышении устойчивости обороны имело умелое массирование сил и средств на решающих направлениях. Однако оборонительные операции в начале войны характеризовались относительно равномерным распределением сил, что объяснялось необходимостью оборонять широкие полосы ограниченными силами, а также недостаточным знанием сил и намерений противника. Полосы обороны армий в среднем составляли 70–120 км (по предвоенным взглядам, 80–100 км), но количество соединений в армиях было почти в три раза меньшим, чем предусматривалось до войны. Однако уже в оборонительных операциях на подступах к Ленинграду, Москве и Сталинграду благодаря непрерывному росту боевых возможностей оперативных объединений, приобретенному опыту, нередко удавалось своевременно выявлять замысел противника и отражать его главные удары наиболее сильными группировками войск. Массирование сил и средств на вероятных направлениях главных ударов врага еще более возросло в оборонительных операциях второго и третьего периодов войны.

В достижении успеха оборонительных операций огромную роль играла умело организованная противотанковая оборона, способная противостоять массированным танковым ударам врага. Борьба с танками, составлявшими основную ударную силу наступавших группировок противника, с начала и до конца войны имела первостепенное значение. План противотанковой обороны разрабатывался штабом фронта (армии) с привлечением штабов артиллерии и инженерных войск. Противотанковая оборона включала огонь артиллерии, танков, САУ, средств пехоты, а также инженерные заграждения. Основу ее составляли противотанковые опорные пункты и районы. Для борьбы с танками широко использовалась

авиация, особенно штурмовая, имевшая на вооружении специальные противотанковые бомбы. Совершенствование обороны в противотанковом отношении достигалось своевременным массированием сил и средств на угрожаемых направлениях. Благодаря количественному росту и массированию противотанковой артиллерии ее плотности на важнейших направлениях к концу войны увеличились до 20–35 орудий на 1 км фронта, что позволяло отражать удары танков противника с оперативной плотностью 45–60 танков и штурмовых орудий на 1 км фронта. В первом периоде войны артиллерийско-противотанковый резерв армий не превышал одного-двух артиллерийских полков. В оборонительных операциях второго и третьего периодов войны в его состав выделялось две-четыре истребительно-противотанковые артиллерийские бригады. Во фронтах артиллерийско-противотанковый резерв включал несколько полков или две-три истребительно-противотанковые бригады. Маневр ими позволял повышать плотности противотанковой артиллерии на угрожаемых направлениях. Огонь противотанковых средств сочетался с широким применением противотанковых заграждений, устанавливаемых подвижными отрядами заграждений в глубине обороны.

Высшей формой активности оперативной обороны являлись контрудары. С созданием танковых и механизированных корпусов, танковых армий однородного состава они стали важнейшим средством в руках командующих армиями (фронтами) для проведения контрударов. Вместе с тем слабая эффективность многих контрударов в первом периоде войны в значительной мере была обусловлена поспешностью их организации. Удары чаще всего наносились с фронта по острию вклинившейся группировки противника в условиях слабого ее подавления огнем артиллерии и ударами авиации. Все это приводило к тяжелым затяжным сражениям, а цели контрударов в полной мере не достигались. В дальнейшем совершенствование их подготовки и проведения шло в основном по следующим направлениям: нанесение контрудара по флангам вклинившейся группировки противника, привлечение большего количества сил и средств, надежное обеспечение их огнем артиллерии и ударами авиации, поддержание твердого управления и тесного взаимодействия между элементами оперативного построения, родами войск и авиации.

С увеличением количества артиллерии осуществлялось все более решительное ее массирование на главных направлениях, что позволило повысить средние плотности в оборонительных операциях второго и третьего периодов войны до 50–70 и более орудий и минометов на 1 км фронта. Обычно при подготовке обороны для артиллерии заблаговременно планировалась система огня по вероятным районам сосредоточения и рубежам развертывания войск противника, а также в глубине обороны на случай ее прорыва. Наиболее эффективным мероприятием в обороне по ослаблению готовившегося удара врага являлась артиллерийская контрподготовка, которая совершенствовалась путем привлечения для ее проведения мощной группировки артиллерии, улучшения разведки, более четкого определения целей для огневого поражения и увеличения масштабов — от армейского до фронтового.

В годы войны совершенствовалось и искусство применения авиации в оборонительных операциях. В первом периоде наблюдалось стремление наносить удары по многочисленным наступательным группировкам и объектам тыла противника. Это приводило к тому, что авиация использовалась рассредоточенно и не могла оказать эффективной поддержки оборонявшимся войскам. С формированием воздушных армий во фронтах возможности ее массирования существенно повысились. Авиация стала более успешно вести борьбу с прорвавшимися танковыми группировками противника, с его подходящими резервами, прикрывать свои войска от ударов вражеской авиации, вести разведку и обеспечивать фронтовые и армейские контрудары. Содействуя войскам в проведении оборонительных операций, авиация приобрела некоторый опыт авиационной контрподготовки, которая впервые была проведена во время боев за Сталинград в полосе 62-й армии Сталинградского фронта.

Особенности управления в оборонительных операциях первого периода войны определялись главным образом тем, что в большинстве случаев командующие и штабы имели минимальное количество времени на их организацию. Ограниченными были и привлекаемые силы и средства. Поэтому наиболее характерным в работе органов управления являлось

принятие командующими решений по карте с последующим уточнением отдельных вопросов на местности. Постановка задач осуществлялась, как правило, боевыми распоряжениями. Точно так же доводились задачи при организации контрударов, осуществлении маневра войск в ходе операции и при вводе в сражение вторых эшелонов (резервов). По мере стабилизации обстановки, особенно во втором и третьем периодах войны, стали чаще проводиться рекогносцировки, предшествовавшие окончательному принятию решения командующим. С учетом опыта первых оборонительных операций наметилась тенденция приближения пунктов управления к переднему краю. Она существовала на протяжении всей войны. Наряду с КП (командным пунктом) создавалась разветвленная сеть КНП (командно-наблюдательных пунктов) и НП (наблюдательных пунктов), в том числе начальников родов войск, а также ЗКП (запасных командных пунктов). Значительное внимание уделялось их инженерному оборудованию. Для организации связи, особенно в ходе операции, стало шире использоваться радио, в первую очередь для управления танковыми объединениями и соединениями, а также авиацией.

На полях сражений Великой Отечественной войны тактика, как и другие составные части советского военного искусства, прошла всестороннюю проверку и доказала свою зрелость. Война убедительно подтвердила известное положение о том, что именно от того, насколько умело и искусно действовал личный состав подразделений, частей и соединений на поле боя, насколько умело применял вверенное ему вооружение, зависело воплощение в жизнь оперативно-стратегических замыслов командования. Тактика общевойскового боя в годы войны отличалась применением различных форм и способов наступления и обороны, сочетанием маневра и огня, ведением смелых и решительных действий, нанесением мощных ударов по врагу, четким взаимодействием разнородных сил. Развитие тактики отражало изменения технической базы Вооруженных сил Советского Союза и основывалось на высоких морально-боевых качествах личного состава, возросшем боевом мастерстве солдат и офицеров. В сражениях и операциях проявлялась тактическая зрелость командиров, их способность побеждать врага не числом, а умением.

Применение видов вооруженных сил

Великая Отечественная война приняла характер длительной борьбы, главным образом между сухопутными армиями. Решительные стратегические цели достигались последовательным разгромом основных группировок сухопутных войск противника. Поэтому главная, решающая роль в войне принадлежала сухопутным войскам. Другие виды вооруженных сил, хотя и выполняли самостоятельно ряд важных задач стратегического значения, однако основные усилия направляли на совместные действия с сухопутными войсками.

Сухопутные войска. Основную тяжесть вооруженной борьбы несли сухопутные войска. Их объединения и соединения составляли основу группировок, выполнявших важнейшие задачи вооруженных сил. Сухопутные войска во взаимодействии с ВВС, ВМФ и войсками ПВО страны решали основные задачи во всех стратегических действиях: в обороне — отражали вторжение противника, удерживали занимаемые рубежи и районы, изматывали и обескровливали врага, наносили контрудары, подготавливая условия для перехода в контрнаступление; в наступлении — взламывали стратегический фронт вражеской обороны, громили группировки войск неприятеля, овладевали территорией, важнейшими районами и объектами, закрепляли занятые рубежи.

Военно-воздушные силы. Одной из характерных особенностей Второй мировой и Великой Отечественной войн является массовое использование противоборствующими сторонами и коалициями военно-воздушных сил. На протяжении всей Великой Отечественной войны между советскими и германскими ВВС шли ожесточенные сражения, которые отличалась

большим напряжением, в них участвовали сотни и тысячи самолетов с обеих сторон. Ареной сражений стало воздушное пространство от Баренцева до Черного моря. Военно-воздушные силы — мощный, наиболее мобильный, обладающий большой дальнобойностью вид вооруженных сил — были способны бить врага на земле, в воздухе и на море, оказывая большое влияние на ход и исход вооруженной борьбы.

Германские ВВС получили опыт в военных кампаниях на Западе, а их организационная структура отвечала требованиям ведения большой войны. В отличие от ВВС других стран в состав люфтваффе входили войска ПВО и парашютно-десантные войска. К июню 1941 г. военно-воздушные силы Германии подразделялись на воздушные силы главного командования (воздушные флоты), войсковую авиацию (армейскую и корпусную) и военно-воздушные силы военно-морских сил. Высшим авиационным объединением люфтваффе являлся воздушный флот, к июню 1941 г. их насчитывалось пять (1, 2, 4-й и частично 5-й были задействованы на советско-германском фронте). Каждый из них состоял из авиационных корпусов (один-два), зенитного корпуса и отдельной авиационной эскадры. Авиационный корпус являлся высшим тактическим соединением, включал две-три эскадры бомбардировщиков, одну-две эскадры истребителей, одну-три разведывательные и одну-две транспортные группы. Авиационная эскадра, основное тактическое авиационное соединение, имела две-три авиационные группы (39–47 самолетов каждая). Многие немецкие самолеты по основным летно-тактическим данным превосходили однотипные самолеты советских ВВС. В соответствии с планом войны против СССР группу армий «Север», которая действовала на ленинградском направлении, поддерживал с воздуха 1-й воздушный флот, группу армий «Центр» на московском направлении — 2-й воздушный флот, группу армий «Юг» на киевском направлении — 4-й воздушный флот и румынская авиация, немецкую армию «Норвегия» и две финские армии на севере — 5-й воздушный флот и ВВС Финляндии.

В составе ВВС Германии преобладала бомбардировочная авиация, что соответствовало агрессивным, захватническим целям немецкого командования. На ее долю приходилось 57,8% всего самолетного парка, на долю истребительной авиации — 31,2% и разведывательной авиации — 11%[1]. Всего для ведения войны против СССР к 22 июня 1941 г. военно-воздушные силы Германии и ее сателлитов выделили свыше 4,3 тыс. самолетов, в том числе ВВС Финляндии — 307, Румынии — 393, Венгрии — 48[2]. Сильными сторонами немецкой авиации являлись высокая профессиональная подготовка командного и летного составов, большой боевой опыт, высокая мобильность частей и соединений, способность быстро сосредоточивать усилия, скрытно создавать группировки на наиболее важных направлениях. Летный состав немецких ВВС имел опыт боевых действий в военных кампаниях против Польши, Норвегии, Франции, Англии. С 1940 г. на Германию работала авиапромышленность всех оккупированных ею стран Европы: 57 самолетостроительных и 17 моторостроительных заводов.

Советские ВВС к моменту нападения Германии находились в стадии реорганизации и перевооружения. Авиапромышленность по состоянию на июнь 1941 г. выпустила 2739 самолетов новых типов[3]. Новые советские машины по летно-техническим данным были на уровне требований того времени. Самолетов-штурмовиков типа Ил-2 ВВС других стран, в том числе и Германии, не имели. Однако их было слишком мало, чтобы противостоять вторжению германских ВВС в наше воздушное пространство.

Освоение новой техники задерживалось, перевооружение авиачастей отставало от планов. Еще хуже обстояло дело с освоением самолетов личным составом. После холодной и снежной зимы 1940–1941 гг. весенняя подготовка оказалась также не слишком напряженной, сводилась к аэродромным полетам, «ограниченному» учебному воздушному бою, редкой стрельбе по буксируемым конусам. Командование ВВС приняло решение ограничить пилотаж, поскольку в авариях и катастрофах ежедневно разбивалось два-три самолета. Опасаясь летных происшествий, многие командиры давали подчиненным выполнять лишь наиболее простые упражнения.

К началу войны ВВС Красной армии состояли из авиации Главного командования (дальней бомбардировочной авиации), фронтовой (ВВС военных округов), армейской

(ВВС общевойсковых армий) и войсковой (корпусных авиаэскадрилий) авиации. Авиация Главного командования составляла 13,5%, авиация сухопутных войск — 86,5% (фронтовая — 40,5%, армейская — 43,7%, войсковая — 2,3%). Соотношение родов авиации в составе ВВС западных военных округов было следующим: истребители — 59%, бомбардировщики — 31%, штурмовики — 4,5%, разведчики — 5,5%[4].

К июню 1941 г. в составе ВВС Красной армии было 79 авиационных дивизий и пять авиационных бригад. Дальнебомбардировочная авиация состояла из 13 бомбардировочных и пяти истребительных (вновь формировавшихся) авиадивизий; фронтовая и армейская — из 61 дивизии (девять бомбардировочных, 34 смешанные и 18 истребительных)[5]. Однако к началу войны развертывание авиации завершить не удалось. 25 дивизий, главным образом фронтовой и армейской авиации, не закончили формирование. В составе западных приграничных военных округов к началу войны находилось 32 авиационные дивизии, 121 авиационный полк, в том числе 34 полка, оснащенных новыми самолетами, и 36 корпусных авиационных эскадрилий[6].

Накануне войны советские Военно-воздушные силы возглавлял командующий ВВС — начальник Главного управления генерал П. Ф. Жигарев (с апреля 1942 г. и до конца войны — А. А. Новиков). Дальнебомбардировочная авиация в составе четырех авиакорпусов на западном направлении подчинялась командующему ВВС. Авиационные дивизии и отдельные разведывательные авиационные полки фронтовой авиации входили в состав военных округов и подчинялись командующим ВВС военных округов. Кроме того, вне подчинения Главного управления ВВС находилась авиация Балтийского, Черноморского и Северного флотов.

Важнейшие мероприятия по подготовке театра военных действий были проведены с опозданием. Строительство новых аэродромов вблизи советско-германской границы и реконструкция имевшихся велись недостаточными темпами. Со значительным отставанием от принятых правительством сроков выполнялись мероприятия по рассредоточению и маскировке самолетов на аэродромах. Стремление командования ВВС осваивать новую технику не в тыловых районах, а на аэродромах западных приграничных военных округов приводило к скапливанию десятков и сотен машин, иногда в непосредственной близи от границы. Положение усугублялось тем, что одновременно приходилось формировать новые части и соединения, перевооружать авиаполки и дивизии, проводить реконструкцию большинства приграничных аэродромов, вводить в строй молодых летчиков, перестраивать работу тыла ВВС, осваивать новые средства связи. Все эти процессы протекали болезненно и далеко не всегда организованно.

Война началась в разгар реконструкции и технического переоснащения Вооруженных сил Советского Союза, в том числе и ВВС. В первый же день немецкое командование предприняло массированные воздушные удары по советским аэродромам. Это была хорошо спланированная и подготовленная операция. Изучив в предвоенное время расположение действующих аэродромов, режим их работы, пользуясь скученностью авиатехники, отсутствием маскировки и сколь-нибудь существенных средств ПВО, противник нанес авиации приграничных военных округов огромный ущерб. В этих округах под ударами вражеской авиации оказалось 66 аэродромов, на которых базировалось 65% всей авиации этих округов. Было нарушено управление, взаимодействие авиации с наземными войсками. Уже к 23–26 июня немецкая авиация завоевала господство в воздухе на направлениях главных ударов своих войск, а к 10–15 июля — на всем советско-германском фронте.

Главной задачей ВВС на протяжении всей войны были прикрытие и поддержка сухопутных войск. Тесно взаимодействуя с другими видами вооруженных сил, они принимали активное участие во всех фронтовых и стратегических операциях. При подготовке и в ходе этих операций ВВС вели воздушную разведку, прикрывали свои войска и их тылы от ударов с воздуха, уничтожали войска и военную технику противника на поле боя и в оперативной глубине. На поддержку и прикрытие сухопутных войск и сил флота были направлены главные усилия ВВС (46,5% самолето-вылетов фронтовой авиации и 40,4% самолето-вылетов авиации дальнего действия).

Первый период Великой Отечественной войны, с 22 июня 1941 по ноябрь 1942 г., был характерен упорной борьбой в воздухе, перевооружением авиации, освоением летным составом новой, поступающей от промышленности авиационной техники, совершенствованием организационной структуры авиационных объединений, соединений, частей, созданием авиационных резервов, возрастанием централизованного руководства всех видов авиации. Немецкое командование ставило своей целью уничтожить советскую фронтовую авиацию главным образом на аэродромах. Советское командование противопоставило массированным налетам немецких ВВС активные наступательные воздушные бои истребительной авиации, проводимые в границах каждого фронта, чередуемые с периодическими авиационными ударами по аэродромам. Упор был сделан на изматывание и обескровливание сил противника. Воздушные бои не утихали ни днем, ни ночью.

Попытки германского командования уничтожить советские ВВС внезапными налетами на аэродромы практически провалились. Относительно большие потери были лишь в западных приграничных военных округах, но авиасоединения Северного и Южного фронтов, внутренних военных округов, а также дальнебомбардировочная авиация имели минимальные потери. На отдельных направлениях советская авиация не только активно вела воздушные бои, но и уничтожала самолеты врага на аэродромах. Так, в течение 25–30 июня 1941 г. объединенными силами ВВС Северного фронта, Балтийского и Северного флотов были нанесены авиационные удары по 39 аэродромам Финляндии и Северной Норвегии, где базировались эскадры 5-го воздушного флота Германии, с целью ослабить северную авиационную группировку и сорвать готовившиеся налеты на Ленинград. По данным воздушного фотоконтроля, советские летчики вывели из строя более 130 вражеских самолетов[7]. По размаху действий, привлекаемым силам и результатам эти удары можно считать первой воздушной операцией советских ВВС. В начале июля 1941 г. по указанию Ставки ВГК 125 самолетов дальнебомбардировочной авиации нанесли удар по 14 аэродромам, а ВВС Северного, Северо-Западного, Западного и Юго-Западного фронтов — по 28[8].

Борьба в воздухе продолжалась на всех стратегических направлениях действий сухопутных войск и при отражении налетов вражеской авиации на Москву, Ленинград и другие объекты тыла страны. Ожесточенные сражения развернулись на дальних и ближних подступах к Ленинграду. В июле — сентябре в налетах на город на Неве в общей сложности участвовало 4306 немецких самолетов, но к городу сумели прорваться лишь 508 бомбардировщиков[9].

Налеты на Москву стали единственной в своем роде в 1941 г. операцией люфтваффе, целью которой было разрушить город, парализовать работу правительственного аппарата и транспорта, создать панику среди населения. Ни одной из этих задач немецкая авиация не решила. С 22 июля по 15 августа на Москву было совершено 18 ночных налетов. Из 1700 самолетов к столице прорвалось всего 70. На подступах к Москве истребители и зенитная артиллерия ПВО страны вместе с истребительной авиацией фронтов уничтожили 200 вражеских самолетов.

Битва под Москвой явилась важнейшим этапом первого периода сражений в воздухе. Она характерна тем, что после напряженных боевых действий на этом направлении впервые за войну нашими ВВС было завоевано оперативное господство в воздухе. Авиационная группировка захватчиков была значительно ослаблена. Постепенно инициатива переходила к советским летчикам. Уже на начальном этапе битвы советскому командованию удалось организовать эффективные удары авиации по наступавшим мотомеханизированным группировкам противника. В этих ударах участвовали части фронтовой и армейской авиации совместно с истребителями ПВО Москвы, дальнебомбардировочной авиацией, резервными авиагруппами, авиаполками Московского военного округа. Потери немецкой авиации резко возросли. Ежемесячно только на советско-германском фронте из строя выходили 741 самолет и 318 экипажей люфтваффе[10]. За второе полугодие 1941 г. были уничтожены или повреждены 6225 немецких самолетов, из них 4643 составили фронтовые потери, в том числе на советско-германском фронте — 3827 или 82%[11]. К потерям добавился и рост количества боевых машин, требующих ремонта. Если в разгар лета 1941 г. в исправном состоянии находилось

65–68% немецких самолетов, то теперь не более 54%[12]. Негативно отразился на боевых возможностях люфтваффе кризис авиапромышленности Германии, пик которого пришелся на позднюю осень 1941 г.

Потери советских ВВС были значительными: за полгода страна лишилась более 20 тыс. самолетов[13], практически все довоенные запасы были исчерпаны. Но немцы не смогли подавить нашу авиапромышленность, воспрепятствовать эвакуации предприятий на восток и тем более помешать готовить новые кадры. Перестройка народного хозяйства на военные рельсы, эвакуация большинства авиазаводов в восточные районы страны и ввод их в строй в короткие сроки, самоотверженность тружеников тыла позволили постоянно наращивать производство боевых машин и восполнить тяжелые потери. Если в 1941 г. советская авиапромышленность выпустила 15 735 самолетов всех типов (без морской авиации), включая 12 377 военных[14], то немецкая — только 12 401 машину, в том числе 8886 военных[15]. Начиная с 1942 г. и до конца войны шло непрерывное наращивание темпов выпуска самолетов. В 1942 г. по сравнению с 1941 г. производство самолетов всех типов возросло в 1,7 раза и составило за год 25 436 самолетов[16]. На фронт отправлялись полки на истребителях МиГ-3, ЛаГГ-3, Як-1, штурмовиках Ил-2, бомбардировщиках Пе-2, выпуск которых развернули перед войной. Началось широкое применение авиации, прежде всего легкомоторной (бипланов У-2 и других устаревших типов), а также дальних бомбардировщиков ночью и днем в сложных метеоусловиях.

Ожидая скорого и неизбежного падения Москвы, германское командование начало вывод значительных сил авиации (вместе с управлениями одного из авиакорпусов и всего 2-го воздушного флота) из Центральной России в Германию и Италию. В результате уже в конце ноября 1941 г. немцы утратили господство в воздухе на московском направлении, что стало одной из причин, почему они не смогли взять советскую столицу. Вскоре люфтваффе лишились господства и на других стратегических направлениях.

Непрерывное расширение военного производства дало возможность советскому командованию все больше и больше увеличивать по сравнению с довоенным временем число боевых самолетов в частях и соединениях действующей армии. В марте 1942 г. была создана авиация дальнего действия (АДД). Дальние бомбардировщики использовались преимущественно для нарушения перевозок врага, разрушения железнодорожных станций и портов в его тылу.

Одновременно с количественным ростом советских ВВС менялось соотношение между старыми и новыми типами самолетов. Уже к 1 ноября 1942 г. в ВВС осталась лишь треть самолетов старых типов. Они находились главным образом в авиации дальнего действия и ночной бомбардировочной авиации, на недействующих фронтах, в учебных частях. Одновременно в стране шла усиленная подготовка летных кадров.

Совершенствовалась и организационная структура объединений, соединений и частей ВВС. По решению Государственного Комитета Обороны в мае — ноябре 1942 г. вместо ВВС фронтов и общевойсковых армий на советско-германском фронте были созданы 13 воздушных армий и четыре воздушные армии на Дальнем Востоке. Это дало возможность командованию фронтов сосредоточивать усилия всех сил авиации на главных направлениях действий сухопутных войск, а Ставке ВГК и командованию ВВС Красной армии — использовать силы нескольких воздушных армий смежных фронтов в интересах решения крупных оперативно-стратегических задач, в том числе более эффективно вести борьбу за стратегическое господство в воздухе. Создавались и мощные авиационные резервы. В августе 1942 г. началось формирование авиационных корпусов и отдельных авиационных дивизий РГК. Всего до конца 1942 г. было сформировано 13 авиационных корпусов.

Увеличивало свою авиационную группировку и германское командование. Оно вернуло на советско-германский фронт многие части, которые были пополнены, переоснащены, получили отдых. Если зимой противник имел около 1,5 тыс. самолетов, то к маю это количество превысило 2 тыс. (без учета примерно 300–350 транспортных, связных и курьерских машин)[17]. ВВС Красной армии могли противопоставить им 4 тыс. машин фронтовой авиации[18]. Немецкое командование сосредоточило свои наиболее боеспособные авиагруппы

(до 60% общего числа) на южном крыле советско-германского фронта, последовательно и энергично концентрируя силы на одном из направлений. На важнейших направлениях немецкая авиация за счет интенсивной боевой работы выполняла свыше тысячи боевых вылетов в сутки, что сказывалось на общем ходе сражения. Господство в воздухе вновь оказалось в руках противника. В боях под Сталинградом лучшие германские летчики-истребители впервые применили в широких масштабах тактику «свободной охоты», контролировали небо над переправами, а также вблизи советских аэродромов, где регулярно сбивали взлетавшие и приземлявшиеся самолеты. Пользуясь благоприятной ситуацией, люфтваффе вечером 23 августа 1942 г. осуществили массированный налет на Сталинград, в ходе которого почти полностью сожгли деревянную часть города; в огне пожарищ погибли десятки тысяч человек, особенно пострадали мирные жители.

Чтобы оттянуть силы врага от Сталинграда, советское командование предприняло энергичные контрудары с участием авиации в районе Ржева, южнее Ленинграда, в верхнем течении Дона. Судя по немецким отчетам, в последнем районе авиация врага встретила поздней осенью наиболее ожесточенное противодействие[19]. С конца октября эффективность действий люфтваффе стала снижаться. Это позволило советскому командованию пополнить действующие объединения, накопить резервы.

Одной из наиболее важных и сложных задач в течение всей войны являлась борьба за стратегическое господство в воздухе. Эта задача решалась объединенными усилиями всех видов вооруженных сил, однако решающую роль играли ВВС. 19 ноября 1942 г. начался второй этап сражений в воздухе. Он характерен применением более решительных форм борьбы — воздушных сражений и воздушных операций, проводимых на широком фронте. Советские ВВС добились значительных успехов в борьбе за стратегическое господство в воздухе. Большой урон люфтваффе был нанесен под Сталинградом. «За период с 19 ноября по 31 декабря 1942 г. немцы лишились около 3000 самолетов, — резюмировал промежуточные итоги Сталинградской битвы немецкий историк П. Греффрат. — В это число входят не только сбитые самолеты, но и захваченные русскими на аэродромах. Было потеряно огромное количество боеприпасов, а также много техники и прочего имущества»[20].

К середине 1943 г. было полностью ликвидировано авиационно-техническое превосходство врага и созданы материальные предпосылки для окончательного разгрома люфтваффе и завоевания стратегического господства в воздухе. Большие изменения произошли в самолетном парке советских ВВС. С 1943 г. в истребительной авиации преобладали такие самолеты, как Ла-5ФН, Як-9Т, Як-9Д нескольких модификаций. Это имело решающее значение для завоевания стратегического господства в воздухе. Изменениям подвергся и самолетный парк штурмовой авиации. Были полностью сняты с вооружения И-153, И-15бис и другие. К июлю 1943 г. все полки штурмовой авиации, находившиеся в действующей армии, были вооружены самолетами Ил-2. Подавляющее большинство составляли двухместные машины. Парк фронтовой бомбардировочной авиации почти полностью обновился, главным образом самолетами Пе-2. Поступавшие на вооружение новые скоростные истребители Ла-5, Як-76 и Як-9 давали возможность широко и эффективно вести групповые воздушные бои и сражения с новыми немецкими самолетами типа Ме-109 и ФВ-190.

Готовя весной 1943 г. стратегические наступательные операции, Ставка ВГК поставила перед Военно-воздушными силами задачу: нанести решительное поражение авиации противника и окончательно овладеть стратегическим господством в воздухе. Обозначившийся под Сталинградом перелом в борьбе за стратегическое господство получил дальнейшее развитие в воздушных сражениях на Кубани, военных воздушных операциях советских ВВС.

Воздушные сражения как одна из форм ведения борьбы советской авиации с крупными группами вражеской авиации приобретали главное значение во втором периоде войны. Каждая из сторон стремилась добиться превосходства в воздухе до начала или в ходе проведения операций сухопутных войск. Воздушное сражение можно определить как совокупность групповых воздушных боев, проводившихся последовательно или одновременно истребительной авиацией по определенному замыслу (плану) в целях разгрома (уничтожения) в воздухе

основных сил напавшей или обороняющейся авиации противника. Воздушные сражения возникали и проводились не только над полем боя при прикрытии сухопутных войск, но и при отражении массированных налетов вражеской авиации на важнейшие тыловые объекты страны и в ходе осуществления советскими ВВС массированных авиационных ударов. Однако большинство воздушных сражений проходило в районах боевых действий сухопутных войск. Начиная с лета 1942 г. воздушные сражения, как правило, предусматривались планами боевого использования авиации в операциях сухопутных войск, Военно-воздушных сил, Военно-морского флота и при действиях войск ПВО территории страны.

Наиболее крупные воздушные сражения советских истребителей с вражеской авиацией были проведены летом 1942 г. под Сталинградом, весной и летом 1943 г. на Кубани, при отражении массированного налета на Курск и в Курской битве. Эти сражения, по существу, завершили борьбу за стратегическое господство в воздухе в пользу советских Военно-воздушных сил. Большинство воздушных сражений проводилось на направлениях главных ударов сухопутных войск обеих противоборствующих сторон.

Воздушные сражения на Кубани и под Новороссийском, проведенные весной 1943 г., являлись важнейшим этапом борьбы за стратегическое господство в воздухе, хотя они и были тесно связаны с действиями войск Северо-Кавказского фронта и Черноморского флота. Первое воздушное сражение началось 17 апреля, когда немцы пытались ликвидировать десантные части Красной армии на плацдарме в районе Мысхако. Рано утром противник нанес удар по частям 18-й армии, оборонявшимся на плацдарме. Действия наземных войск врага поддерживали 450 бомбардировщиков и 200 истребителей. С советской стороны для противодействия вражескому наступлению на земле и в воздухе в районе Мысхако привлекалось до 500 самолетов, в том числе 400 истребителей. В этот день немецкие бомбардировщики совершили в данный район более 1100 самолето-вылетов[21]. К 20 апреля по указанию Ставки ВГК на Северо-Кавказский фронт прибыли три авиационных корпуса. Невыгодное для советской авиации соотношение в силах было ликвидировано: количество самолетов в советской группировке было доведено до 900. 20 апреля противник предпринял самое мощное наступление против защитников плацдарма. В критический момент по войскам врага, изготовившимся к атаке, был нанесен массированный удар группой из 60 бомбардировщиков и 31 истребителя. Это явилось неожиданностью для немецкого командования. Вражеская атака захлебнулась. Повторным массированным контрударом группы в 100 самолетов наступление вражеских войск было окончательно сорвано.

Второе воздушное сражение началось 29 апреля. В тот день соединения 56-й армии возобновили наступление, чтобы уничтожить группировку врага на Тамани. Только в первые три часа над полем боя действовало 144 советских бомбардировщика, 82 штурмовика и 265 истребителей. В течение дня произошло 42 групповых воздушных боя. За 12 дней наступления 4-я воздушная армия, ВВС Черноморского флота и две дивизии АДД совершили около 10 тыс. самолето-вылетов, из них около 50% по войскам и технике противника на поле боя. За этот же период было проведено 280 воздушных боев. Враг потерял на земле и в воздухе 368 самолетов. Потери авиации Северо-Кавказского фронта составили 70 самолетов. Советская авиация полностью захватила инициативу и господство в воздухе.

Третье воздушное сражение на Кубани произошло в период с 26 мая по 7 июня, когда войска 56-й и 37-й армий Северо-Кавказского фронта возобновили наступление. За первые три часа боя вражеская авиация совершила более 1500 самолето-вылетов. Ей удалось временно захватить инициативу в воздухе. Шли непрерывные групповые воздушные бои. Командование 4-й воздушной армии постоянно наращивало силы истребителей в воздухе. Инициатива постепенно переходила на сторону 4-й воздушной армии. В первых числах июня обозначился перелом, советские истребители стали хозяевами кубанского неба.

Крупнейшее воздушное сражение было проведено советскими истребителями 2 июня 1943 г. В этот день немецкая авиация силами более 540 самолетов, включая 424 бомбардировщика, предприняла массированный налет на железнодорожный узел Курск. Налет осуществлялся шестью эшелонами (пять дневных и один ночью) с разных направлений.

Его отражали 280 истребителей 16-й и 2-й воздушных армий, 106-й и 101-й истребительных авиационных дивизий ПВО. К противодействию была привлечена и зенитная артиллерия Курской группы противовоздушной обороны. В ходе ожесточенных сражений советские истребители не смогли сдержать натиск немецких групп, и около 100 вражеских бомбардировщиков прорвались к Курску, нанесли удар по железнодорожному узлу и на 12 часов вывели его из строя. Мощное и организованное противодействие советских истребителей вынудило немецкое командование в дальнейшем отказаться от дневных налетов на крупные тыловые объекты.

Не менее напряженные воздушные сражения между советскими истребителями и вражеской авиацией развернулись в битве под Курском 5–7 июля 1943 г. С началом операции бомбардировщики группами по 100–150 самолетов под прикрытием истребителей обрушились на позиции советских войск. Летчики 16-й и 2-й воздушных армий оказали организованное сопротивление вражеской авиации, которая в первой половине дня 5 июля потеряла 79 самолетов. В результате противодействия наших истребителей и понесенных противником потерь активность вражеской авиации на Центральном фронте снизилась, а на Воронежском фронте враг и вовсе не смог преодолеть сопротивление советских истребителей. Всего за этот день советские летчики сбили в воздушном сражении 260 самолетов. Потери советских авиачастей составили 176 самолетов. В последующие дни борьба в воздухе продолжалась с нарастающей силой. Бросив все силы на поддержку наступавших войск, люфтваффе за первую неделю боев выполнили 8917 самолето-вылетов на северном фасе и 10 930 на южном против 6299 и 7733 вылетов, совершенных ВВС Красной армии (учтены только дневные вылеты)[22].

Добившись первых успехов, немцы преувеличили их значение для хода всей операции. Они недооценили стойкость советской обороны, возросшее мастерство многих летчиков и командиров, огромные возможности тыла. Советские экипажи действовали не всегда умело, но мужественно и самоотверженно. Тесно взаимодействуя с наземными войсками, авиация способствовала срыву вражеского наступления, причем особенно эффективными оказались удары штурмовиков по бронированным целям с использованием специальных противотанковых бомб кумулятивного действия. Четкий план по возмещению потерь, регулярный подход на фронт резервов оказались неприятным сюрпризом для противника. Главной цели операции — прорыва обороны и окружения советских войск в районе Курска — немцы не достигли. «Силы русского врага теперь выросли многократно, — резюмировал немецкий историк К. Беккер. — Провал «Цитадели» является некоей отправной точкой, когда с каждым днем проявлявшаяся все отчетливее слабость сухопутных войск вермахта вынуждала люфтваффе к рассредоточению имевшихся сил на многие участки фронта»[23].

Летом набрала небывалый прежде размах и борьба ночью. Соединения АДД выполнили в 1943 г. почти вдвое больше вылетов, чем в предыдущем. Экипажи самолетов Ил-4, Ли-2, В-25 «Митчелл»[24] и других не только нарушали железнодорожное и автомобильное сообщение неприятеля, разрушали важнейшие узлы, но также бомбили промышленные центры в глубоком тылу, выполняли вылеты к партизанам, решали другие важные задачи. Осознав опасность, противник в середине 1943 г. значительно усилил ПВО, сформировал на восточном фронте несколько подразделений ночных истребителей. В июле — августе над центральным участком советско-германского фронта ночное сражение между 750 дальними бомбардировщиками и примерно 100 ночными истребителями врага по накалу практически не уступало дневному. Бомбардировщики АДД в небе над Курской дугой с 5 июля по 23 августа выполнили около 11,3 тыс. самолето-вылетов, сбросили свыше 15,6 тыс. тонн бомб, потеряв 86 самолетов (немцы недосчитались около 20 ночных истребителей)[25].

Воздушные сражения как одна из форм борьбы за стратегическое господство в воздухе полностью себя оправдали. Усилия авиации сторон на советско-германском фронте направлялись, как правило, на содействие сухопутным войскам, и вся борьба в воздухе велась главным образом в воздушном пространстве на глубину 250–300 км в каждую сторону.

В борьбе за господство в воздухе советские Военно-воздушные силы готовили и проводили самостоятельные воздушные операции на всем советско-германском фронте. Пла-

нирование воздушных операций осуществлялось высшим звеном — Генеральным штабом и командованием ВВС Красной армии.

Первая воздушная операция ВВС была осуществлена 20–28 апреля 1943 г. с целью максимально ослабить противостоявшую авиационную группировку врага и создать условия для завоевания советскими ВВС оперативного господства в воздухе к началу наступления войск Северо-Кавказского фронта. В ней принимали участие четыре воздушные армии (4, 5, 17 и 8-я), соединения АДД и ВВС Черноморского флота. Было произведено 1110 боевых самолето-вылетов, в результате которых уничтожено и выведено из строя 260 вражеских самолетов[26].

Вторая воздушная операция ВВС проводилась 6–8 мая 1943 г. В ней участвовало шесть воздушных армий фронтовой авиации. Предполагалось осуществить четыре массированных авиационных удара по 18 основным аэродромам противника на фронте от Смоленска до Азовского моря — 1200 км. Операция была тщательно разработана и подготовлена во всех звеньях. Задачи воздушным армиям были определены директивами Ставки ВГК от 4 мая 1943 г.: уничтожить авиацию противника на аэродромах и в воздухе, сорвать железнодорожные перевозки и дезорганизовать автомобильное движение на дорогах. Время первого массированного удара по аэродромам определялось с 4 часов 30 минут до 5 часов утра 6 мая с последующим воздействием по ним в течение трех суток[27]. Важная роль в операции отводилась воздушной разведке. К началу операции всем частям, принимавшим участие в первом ударе, были точно известны места стоянок самолетов, расположения средств ПВО и время, когда все самолеты и летный состав противника находятся на большинстве аэродромов. Скрытность и тщательность подготовки воздушной операции обеспечили внезапность и высокую эффективность первого массированного удара. В нем участвовало 434 самолета, которые атаковали одновременно 17 вражеских аэродромов. Противник потерял 194 самолета на аэродромах и 21 самолет в воздушных боях. Советская авиация лишилась 21 самолета. В этот же день был нанесен повторный массированный удар, а 7 мая — третий. 8 мая советские ВВС нанесли четвертый удар. Однако этот удар был самым нерезультативным: удалось уничтожить только шесть вражеских самолетов. Всего за трое суток было произведено 1392 самолето-вылета. В итоге противник потерял 501 самолет[28].

С 8 по 10 июня 1943 г. была проведена третья воздушная операция, в которой участвовали 1, 15 и 2-я воздушные армии, соединения авиации дальнего действия. В ходе операции ударам было подвергнуто 15 вражеских аэродромов. В отличие от майской операции первый удар наносился не утром, а вечером. В операции участвовало 1805 самолетов. Всего противник потерял более 249 самолетов[29].

Вражеская авиация также проводила воздушные операции. Так, с 4 по 28 июня 1943 г. атаке подверглись промышленные центры Поволжья. Основными целями авиационных налетов являлись автозавод и завод «Двигатель революции» в Горьком, крекинг-завод и авиазавод в Саратове, Увекская нефтебаза, заводы синтетического каучука и автомобильный в Ярославле, а также минирование нижнего течения Волги. В среднем в каждом рейде бомбардировщик находился в полете 5–5,5 часа. Ущерб оказался существенным. Все перечисленные выше объекты серьезно пострадали. К сожалению, силы и средства ПВО оказались не готовы к подобному развитию событий, выявились слабое взаимодействие различных средств, нечеткое управление истребителями с земли, неумение летчиков действовать ночью без светового обеспечения, опоздания с вылетами[30].

В 1944 г. в ходе главного события года (операции «Багратион») советские ВВС ошеломили врага мощью удара и количеством задействованных сил — примерно 5500 самолетов. «Этим силам немецкие ВВС не могли противопоставить ничего даже приблизительно равноценного», — признавали офицеры вермахта[31]. Основными целями ударной авиации стали наиболее укрепленные узлы неприятельской обороны и районы сосредоточения войск. Маршал Г. К. Жуков, наблюдавший за разгромом крупной окруженной вражеской группировки юго-восточнее Бобруйска, в котором приняло участие свыше 500 самолетов, сбросивших за полтора часа более 160 тонн бомб, отмечал: «Сотни бомбардировщиков наносили удар

за ударом по группе противника. На поле боя возникли пожары: горели многие десятки машин, танков, горюче-смазочные материалы. Все поле боя было освещено зловещим огнем. Ориентируясь по нему, подходили все новые и новые эшелоны наших бомбардировщиков, сбрасывавших на противника бомбы разных калибров. Немецкие солдаты как обезумевшие бросались во все стороны, и те, кто не желал сдаваться в плен, тут же гибли»[32].

С завоеванием советскими Военно-воздушными силами стратегического господства в воздухе были созданы благоприятные условия сухопутным войскам и Военно-морскому флоту для проведения крупных стратегических наступательных операций групп фронтов одновременно на нескольких стратегических направлениях, а Военно-воздушным силам — для более решительного массирования сил в интересах стратегических операций и непрерывных наступательных действий. Немецкие ВВС, наоборот, перешли к оборонительным действиям и уже до конца войны не могли оказывать серьезного влияния на развитие операций своих сухопутных войск. Дневные налеты на объекты глубокого тыла СССР прекратились. «С 1943 г., — писал немецкий генерал К. фон Типпельскирх, — уже никакими способами невозможно было ликвидировать безраздельное господство авиации противника в воздушном пространстве над районами боевых действий»[33].

Важное место в боевой деятельности ВВС занимала воздушная разведка, которая велась в интересах Верховного главнокомандования, командующих видами вооруженных сил, оперативных объединений и командиров соединений. На выполнение задач воздушной разведки фронтовая авиация совершила 11% всех самолето-вылетов.

Наряду с участием во фронтовых наступательных и оборонительных операциях ВВС выполняли ряд самостоятельных задач: разрушение важных военно-промышленных и административно-политических центров противника, разгром крупных группировок войск и ослабление его авиационных группировок, уничтожение оперативных резервов и срыв их маневра путем нарушения железнодорожных и автомобильных перевозок. Впервые в истории войн авиация была привлечена для содействия партизанам в тылу врага (фронтовая авиация, авиация дальнего действия и части гражданского воздушного флота совершили 109 тыс. самолето-вылетов в тыл противника).

Основным принципом стратегического применения ВВС было массирование их усилий на решающих направлениях и участках фронта. Достигалось это выдвижением на эти направления авиационных соединений резерва ВГК, переброской соединений фронтовой авиации с других направлений и привлечением значительных сил авиации дальнего действия. Решением Ставки ВГК создавались мощные авиационные группировки.

Всего за годы Великой Отечественной войны советские ВВС произвели около 4 млн самолето-вылетов, сбросили на врага более 30 млн бомб (700 тыс. тонн)[34] и причинили огромный ущерб его живой силе и технике.

Военно-морской флот. В ходе войны Военно-морской флот выполнял две группы задач: первая (главная) — совместные действия с Красной армией, участие в проведении наступательных и оборонительных фронтовых и стратегических операций на приморских направлениях, в приозерных и приречных районах; вторая — самостоятельные боевые действия на морских сообщениях по защите своих коммуникаций и нарушению морских коммуникаций противника.

Главные усилия флотов и флотилий были направлены на содействие сухопутным войскам. Взаимодействуя с одним или несколькими фронтами, они выполняли следующие задачи: прикрывали приморские фланги сухопутных войск, вели совместно с ними оборону военно-морских баз, портовых городов, приморских плацдармов, осуществляли артиллерийскую и авиационную поддержку приморских флангов фронтов и армий, обеспечивали перевозки войск и грузов морем, перегруппировку войск по водным путям, блокировали с моря и содействовали в уничтожении окруженных и прижатых к побережью группировок противника.

Боевые действия ВМФ по нарушению морских коммуникаций врага имели две цели: нарушить доставку в Германию стратегического сырья (из Финляндии — никеля, из Швеции — железной руды, из Румынии — нефти и прочее); не позволить вражескому флоту ис-

пользовать морские пути для подвоза резервов, вооружения, военной техники, боеприпасов, продовольствия для своих войск, действовавших на приморских направлениях.

Важной задачей ВМФ являлись защита своих морских, озерных и речных коммуникаций, обеспечение перевозки войск, населения, воинских и народно-хозяйственных грузов по водным путям. Всего за годы войны флот обеспечил перевозку по внутренним морским путям более 10 млн человек военнослужащих и гражданского населения, свыше 110 млн тонн воинских и народно-хозяйственных грузов, а также доставку 17 млн тонн грузов от союзников по внешним морским коммуникациям[35].

Балтийский флот и сформированные на его материально-технической базе военные флотилии на Ладожском, Онежском и Чудском озерах в период стратегической обороны взаимодействовали с Северо-Западным, Северным, Ленинградским, Волховским и Карельским фронтами, оказывая им существенную помощь. С переходом советских войск в стратегическое наступление силы флота, следуя за наступающими войсками Красной армии на запад, на завершающем этапе войны в 1944–1945 гг. оказывали содействие войскам Ленинградского, 1-го и 2-го Прибалтийских, 2-го и 3-го Белорусских фронтов в уничтожении группировок немецких войск в Прибалтике, Восточной Пруссии и Померании. В условиях стремительного наступления советских войск на запад и невозможности использования крупных надводных кораблей из-за серьезной минной опасности в прибрежных районах Балтийского моря, а береговой артиллерии из-за большой удаленности фронта от их месторасположения для артиллерийской поддержки сухопутных войск широко применялась имевшая высокую подвижность и маневренность морская железнодорожная артиллерия. Морская артиллерия наиболее интенсивно использовалась для поддержки сухопутных войск в таких видах боевых действий, как оборона военно-морских баз, десантирование, прорыв мощных оборонительных рубежей противника, отражение танковых атак и прочее. Артиллерия флота решала поставленные перед ней задачи, как правило, в тесном взаимодействии с войсковой артиллерией, что обеспечивалось оперативным подчинением морской артиллерии командующим артиллерией армий и фронтов и совместным планированием боевого использования морской и армейской артиллерии в оборонительных и наступательных операциях.

Более 400 тыс. моряков сражались в годы войны на сухопутных фронтах. Только в ноябре 1941 г. было сформировано и отправлено на важные участки фронта 25 морских стрелковых бригад. Шесть бригад и отряд моряков приняли участие в битве под Москвой.

Содействие сухопутным войскам в разгроме группировок врага на приморских направлениях при ведении фронтовых и армейских наступательных операций осуществлялось прежде всего путем высадки морских десантов. За время Великой Отечественной войны было высажено свыше 120 оперативных, тактических, разведывательно-диверсионных десантов общей численностью до 250 тыс. человек[36]. Оперативные десанты численностью до 40–60 тыс. человек высаживались для овладения плацдармами на побережье, занятом противником, с целью развить наступление на новом направлении или овладеть важными островными районами (Керченско-Феодосийская 1941–1942 гг., Керченско-Эльтигенская 1943 г., Моонзундская 1944 г. десантные операции). Десанты высаживались также для нанесения ударов во фланг и тыл оборонявшимся на приморских направлениях вражеским группировкам, их окружения и разгрома совместно с наступающими с фронта войсками (Новороссийская 1943 г., Туапсинская 1944 г. десантные операции), а также для овладения островами (Курильская десантная операция 1945 г.) и решения других задач.

По своей численности балтийские десанты были различны: от роты и батальона до армейского корпуса. Подавляющее большинство десантов носило тактический характер. Всего за время войны Балтийский флот высадил 24 десанта, и только один из них, высаженный на Моонзундские острова осенью 1944 г., носил оперативный характер. Восемь десантов высадили Ладожская и Онежская флотилии[37]. Наиболее крупный из них в составе двух бригад морской пехоты был высажен Ладожской флотилией летом 1944 г. в районе р. Тулоксы. Северный флот за время войны высадил 22 десанта общей численностью 19 700 человек. Черноморский флот в Великую Отечественную войну приобрел, пожалуй, наибольший

боевой опыт и в проведении десантных операций, и в высадке тактических десантов. В ходе войны он осуществил четыре десантные операции (Керченско-Феодосийскую, Южно-Озерейскую 1943 г., Новороссийскую и Керченско-Эльтигенскую) и высадил 20 тактических десантов. В этих десантах были высажены 80 тыс. человек и большое количество боевой техники и военных грузов[38].

Крупнейшей из операций являлась Керченско-Феодосийская, в которой силами Черноморского флота и Азовской военной флотилии на Керченский полуостров было высажено две армии (44-я и 51-я) и открыт новый Крымский фронт. И хотя в этой операции имел место ряд существенных недостатков, она явилась хорошей школой для командования Азовской военной флотилии, многих соединений Черноморского флота в организации и проведении последующих десантных операций, осуществленных флотом в период наступления Красной армии на побережье Черного моря в 1943–1944 гг.

По замыслу и сложности выполнения наиболее дерзкой десантной операцией, проведенной Черноморским флотом и войсками Северо-Кавказского фронта в сентябре 1943 г., по праву можно считать Новороссийскую операцию, в ходе которой флот успешно высадил десант в сильно укрепленный и обороняемый порт Новороссийск, оказал большую помощь войскам 18-й армии в прорыве мощной обороны противника и освобождении города и порта, являвшихся ключом к освобождению Таманского полуострова от немецких войск.

В ходе подготовки и ведения десантных операций успешно решались вопросы завоевания господства в воздухе в районе высадки десанта. Для подавления противодесантной обороны и прикрытия десантов помимо кораблей широко привлекалась авиация флота и фронта. В операциях 1943–1945 гг. значительная часть десантов высаживалась, как правило, после артиллерийской и авиационной подготовки. Так, в Керченско-Эльтигенской операции плотность артиллерии при высадке десанта составляла 55 орудий на 1 км фронта, а его действия на берегу поддерживали более тысячи самолетов 4-й воздушной армии Северо-Кавказского фронта и Черноморского флота. С переходом войск фронта (армии) в наступление силы флота принимали участие в артиллерийской и авиационной подготовке прорыва обороны противника, а также поддерживали войска в наступлении вдоль побережья.

Использовались все виды морской авиации: бомбардировочная, минно-торпедная, штурмовая, истребительная и разведывательная. Но особенно интенсивно и с большим напряжением действовала бомбардировочная, штурмовая и истребительная авиация. Морская авиация вела боевые действия как самостоятельно, так и во взаимодействии с авиацией Красной армии. В совместных действиях с сухопутными войсками морская авиация решала различные задачи: вела разведку, наносила бомбоштурмовые удары по войскам и аэродромам противника, узлам сопротивления и опорным пунктам, уничтожала вражеские артиллерийские и минометные батареи, наносила удары по танковым колоннам, железнодорожным станциям, мостам и переправам, прикрывала свои войска с воздуха и вела борьбу с вражеской авиацией.

В период стратегической обороны советских войск на ленинградском направлении авиация Балтийского флота почти полностью использовалась для непосредственной поддержки сухопутных войск и прикрытия их с воздуха от ударов вражеской авиации. И только с конца 1944 г. она была перенацелена на решение задач на морском направлении в целях уничтожения вражеских кораблей и транспортов в море и нанесения ударов по базам и портам противника.

В ходе Великой Отечественной войны авиация Балтийского флота совершила 46 тыс. самолето-вылетов для непосредственного содействия сухопутным войскам и уничтожила сотни танков, орудий и минометных батарей, тысячи автомашин, сотни складов, железнодорожных эшелонов и десятки тысяч солдат и офицеров врага[39]. Успешно действовала и авиация Северного флота, которая в период войны совершила 57 203 самолето-вылета и вместе с зенитчиками флота уничтожила 1300 вражеских самолетов[40]. За годы войны для ударов по базам, портам и судам в море черноморские авиаторы совершили 21,5 тыс. самолето-вылетов и сбросили на вражеские суда 4209 тонн бомб и 276 торпед, израсходовали около 172 тыс. снарядов и поставили 708 мин[41]. В результате боевого воздействия морской

авиации противник понес большие потери в боевых кораблях и транспортном флоте. За время войны авиация флота потопила 319 боевых кораблей и вспомогательных судов и 170 судов общим тоннажем 224 396 брутто-тонн. Было повреждено 373 боевых и вспомогательных судна и 146 судов общим тоннажем 297 911 брутто-тонн[42].

Расширение масштабов применения сил флота в совместных операциях потребовало изменений в планировании и организации их действий. Если в 1941–1942 гг. действия флота планировались в рамках фронтовых (армейских) операций, то с 1944 г. они, как правило, стали составной частью стратегических операций. Так, в Крымской операции наряду с содействием войскам 4-го Украинского фронта и Отдельной Приморской армии Черноморский флот выполнял самостоятельную задачу по срыву морских сообщений противника между Крымом и Румынией и блокаде вражеских войск в Крыму. В Ясско-Кишинёвской операции Черноморский флот одновременно с содействием войскам 3-го Украинского фронта наносил массированные удары по вражеским портам (Констанца, Сулин).

Для решения задач по прикрытию приморских флангов сухопутных войск с 1943 г. основными способами действий флотов стали нанесение ударов по морским силам противника авиацией и торпедными катерами, постановка минных заграждений, нанесение бомбоштурмовых ударов по военно-морским базам и аэродромам.

В ходе стратегической обороны флот прикрывал фланги войск с моря, вел борьбу с вражеской артиллерией, наносил артиллерийские и авиационные удары по наступающим войскам противника, а также высаживал десанты на его фланги и в тыл. Авиация флотов, как правило, целиком переключалась на содействие оборонявшимся войскам. В обороне Ленинграда участвовала почти вся корабельная и береговая артиллерия Балтийского флота.

Оперативное искусство ВМФ обогатилось большим опытом обороны военно-морских баз. Расположенные на флангах советско-германского фронта, они имели важное оперативно-стратегическое значение для поддержания устойчивости стратегической обороны Вооруженных сил Советского Союза. Большие трудности в организации обороны военно-морских баз были связаны с тем, что эти базы, хорошо защищенные с моря, почти не имели заранее подготовленных оборонительных рубежей на суше. Поэтому сухопутные направления оказались наиболее уязвимыми. Этот опыт был учтен при организации обороны Одессы, Севастополя, Ленинграда и других приморских городов. Наиболее эффективной формой организации совместных действий сухопутных войск с флотом при обороне военно-морских баз явилось создание оборонительных районов. Упорная борьба за базы сковывала на длительное время крупные силы противника и создавала серьезную угрозу на флангах и в тылу вражеских войск.

В период обороны Ленинграда его защита являлась основным направлением боевой деятельности Балтийского флота, а содействие войскам Ленинградского фронта, оборонявшим город, — главной его задачей, в решении которой участвовали основные силы флота. Балтийские моряки вступили в борьбу с противником на дальних подступах к Ленинграду и задолго до подхода его к городу. Обороняя военно-морские базы Либаву, Таллин, Ханко и Моонзундские острова, они отвлекали с ленинградского стратегического направления крупные силы противника. Оборона военно-морских баз и островов сковала на различные сроки до десяти немецких дивизий, замедлила темпы наступления врага на Ленинград и тем дала возможность советскому командованию организовать оборону города до подхода к нему войск вермахта. Важную роль сыграла также длительная защита передового оборонительного рубежа, созданного флотом на линии полуостров Ханко — остров Осмуссар. Удержание этого рубежа вплоть до эвакуации с Ханко в конце ноября — начале декабря 1941 г. военно-морской базы лишило противника возможности организовать морские воинские перевозки для группы армий «Север».

Для усиления войск Ленинградского фронта Балтийский флот передал в его распоряжение свыше 85 тыс. моряков в составе морских бригад, батальонов, маршевых рот и 32 артиллерийские батареи калибра 75–152 мм[43]. Начиная с сентября 1941 г., когда немцы, подойдя вплотную к Ленинграду, попытались с ходу захватить город, введя в бой крупные силы танков

и авиации, и до окончательного разгрома немецких захватчиков под Ленинградом в 1944 г. сотни орудий морской артиллерии вели огонь по противнику, уничтожая его живую силу и военную технику. С воздуха удары по врагу наносила морская авиация, которая в тесном взаимодействии с авиацией фронта громила врага. Сотни зенитных орудий и истребителей флота участвовали в противовоздушной обороне города. С начала войны и до марта 1943 г. Балтийский флот передал Ленинградскому фронту 125 тыс. своих моряков, которые мужественно сражались на суше и заслужили высокую оценку командования фронта. Моряков, как правило, посылали на самые опасные участки фронта. Они сражались под Красным Селом, у Пулковских высот, на ораниенбаумском плацдарме, в районе Невской Дубровки, под Шлиссельбургом.

Особенно важную роль в обороне Ленинграда на всех этапах борьбы за город сыграла морская артиллерия — корабельная, береговая, железнодорожная и зенитная. Командование фронта и флота широко и эффективно использовало ее в боях на подступах к Ленинграду, в непосредственной борьбе за город, в контрбатарейной борьбе с артиллерией противника, обстреливавшей Ленинград, во всех наступательных операциях фронта, при разгроме вражеских войск под Ленинградом и на Карельском перешейке.

За весь период обороны Ленинграда артиллерия флота провела 26 614 стрельб с общим расходом 371 080 снарядов калибра от 100 до 406 мм, не считая стрельб артиллерии более мелкого калибра[44]. 60% израсходованных снарядов приходилось на контрбатарейную борьбу с артиллерией противника, пытавшейся варварскими обстрелами разрушить город и подавить волю его защитников к сопротивлению. После отражения сентябрьского штурма, в котором артиллерия флота также сыграла важную роль, контрбатарейная борьба стала главной задачей артиллерии флота в течение всего периода блокады Ленинграда. И только при проведении наступательных операций фронта морская артиллерия переключилась на поддержку наступления сухопутных войск. В наиболее важные периоды битвы за Ленинград: отражение сентябрьского штурма, прорыв блокады города, разгром 18-й блокадной армии противника под Ленинградом, Выборгская операция — боевой расход морской артиллерии составлял от 18 до 29 тыс. снарядов, в ряде других операций — от 10 до 14 тыс.

Особую роль в героической обороне Ленинграда играло Ладожское озеро, по которому в годы войны проходила жизненно важная для защитников города коммуникация, связывавшая блокированный город со страной. По ладожской Дороге жизни в осажденный город доставлялись продовольствие, горючее, боевая техника, пополнение для фронта и флота, а из него вывозились раненые воины, гражданское население, промышленное оборудование, культурные ценности. Огромными усилиями воинов фронта, флота и строителей Ладожская трасса превратилась в постоянно действующую артерию, питавшую город, фронт и флот. Она спасла жизни сотням тысяч ленинградцев и позволила накопить в осажденном городе необходимые резервы для прорыва блокады Ленинграда, а затем и полного ее снятия. Общий объем перевозок по Ладожскому озеру с сентября 1941 по декабрь 1943 г. (по ледовой дороге и водным путем) составил 2335 тыс. тонн различных грузов, 124,7 тыс. кубометров дров и 1848,6 тыс. человек. Из этого количества в Ленинград были перевезены 1621,3 тыс. тонн грузов и 401 тыс. человек (в основном пополнение фронту и флоту). Из Ленинграда вывезены 1201,8 тыс. ленинградцев, раненых и больных воинов[45].

Оборона военно-морских баз стала одной из важнейших задач и для Черноморского флота, которую он осуществлял совместно с войсками Красной армии. Германское командование, стремясь уничтожить Черноморский флот, в первую очередь стремилось лишить его системы базирования на театре путем захвата баз с суши. Имея превосходство в силах, германская армия, захватив побережье Черного моря вплоть до Северного Кавказа, попыталась с ходу овладеть военно-морскими базами: Одессой, Севастополем, Новороссийском и Туапсе. Но эти попытки были сорваны совместными усилиями воинов Красной армии и моряков Черноморского флота. 73 дня героически сражались защитники Одессы и только по стратегическим соображениям оставили ее и эвакуировались в Крым. 250 дней сражался с превосходящими силами противника Севастополь. В борьбе за эти базы гитлеровцы поте-

ряли убитыми, ранеными и пленными свыше 450 тыс. своих солдат и офицеров. Что касается Новороссийска, то хотя немцам и удалось овладеть частью города и портом, но они не смогли использовать его для базирования своих кораблей и воинских перевозок. А атаки против Туапсе вообще оказались безрезультатными. Они были отражены советскими войсками и моряками Черноморского флота еще на дальних подступах к базе. В ходе героической обороны Одессы, Севастополя и кавказских баз Черноморский флот решал широкий комплекс разнообразных и сложных задач. Он оказывал большую помощь войскам, оборонявшим базу с сухопутного направления, огнем своей береговой и корабельной артиллерии, действиями авиации и посылкой на сухопутный фронт подразделений морской пехоты, сформированных из личного состава кораблей и частей флота. Особенно большую помощь гарнизонам осажденных с суши военно-морских баз флот оказал путем защиты морских коммуникаций, по которым в Одессу, Севастополь и другие базы доставлялись подкрепления, вооружение, боеприпасы, продовольствие, горючее, медикаменты, а из баз вывозились раненые бойцы, гражданское население, промышленное оборудование, стратегическое сырье. За время обороны военно-морских баз Черноморского флота были перевезены морем 555 тыс. бойцов и офицеров и около полумиллиона человек гражданского населения. Только из осажденной Одессы на кораблях и судах транспортного флота эвакуировали 300 тыс. жителей и оборудование 80 крупных и средних промышленных предприятий.

Важное значение в развитии форм и способов использования ВМФ имели самостоятельные операции по нарушению морских перевозок противника и защите своих морских сообщений. Со второй половины 1943 г. они носили планомерный характер. При проведении этих операций особая роль отводилась торпедоносной и штурмовой авиации, а также подводным лодкам. Большое внимание уделялось также завоеванию господства в воздухе и организации надежной ПВО кораблей в море и базах.

Важным видом содействия флота войскам Красной армии являлось обеспечение воинских перевозок. Эту задачу Балтийский флот начал решать с первых месяцев войны и в чрезвычайно сложной обстановке быстрого продвижения неприятельских войск к Ленинграду. В связи с отступлением советских войск в Прибалтике и на Карельском перешейке флоту пришлось обеспечивать эвакуацию оставшихся в тылу противника воинских гарнизонов, после того как они выполнили свои оборонительные задачи в тылу врага. Так, были эвакуированы гарнизоны Таллина, Ханко, части 50-го стрелкового корпуса из Койвисто, части 19-го стрелкового корпуса и другие. В 1941 г. Балтийский флот и Ладожская флотилия вывезли с изолированных приморских плацдармов около 170 тыс. бойцов и командиров, которые затем участвовали в обороне Ленинграда[46]. С переходом Красной армии в наступление под Ленинградом Балтийский флот продолжал осуществлять воинские перевозки в интересах наступающих войск. Осенью 1943 и зимой 1944 г. он обеспечил перевозку из Ленинграда и Лисьего Носа 2-й ударной армии, а летом 1944 г. — 21-й армии из Ораниенбаума в Лисий Нос. Воинские перевозки производились также на Ладожском и Чудском озерах. Их обеспечивали военные флотилии, действовавшие на этих озерах. Всего же за время войны на Балтийском море и Ладожском озере были перевезены свыше 4 млн тонн воинских и народно-хозяйственных грузов и более 4 млн человек из состава войск и гражданского населения[47].

Общий объем воинских перевозок на Северном морском театре в годы войны составил более 1 млн человек и более 1,6 млн тонн воинских грузов. Кроме того, на судах транспортного флота было перевезено 2 млн тонн народно-хозяйственных грузов. Корабли и авиация флота обеспечили проводку по внутренним коммуникациям 2568 судов в составе 471 конвоя[48]. При этом потери составляли всего 0,47% от общего количества проведенных транспортов.

Еще с большим напряжением Черноморский флот обеспечивал перевозки в осажденный с суши Севастополь. Преодолевая сильное противодействие вражеской авиации, торпедных катеров, подводных лодок и огонь вражеской артиллерии, непрерывно обстреливавшей город, моряки Черноморского флота доставили на транспортах и боевых кораблях в Севастополь свыше 204 тыс. бойцов и офицеров, 42 танка, 21 самолет, 776 орудий, 31 238 тонн боеприпасов и другие грузы[49]. Впервые в истории отечественных подводных сил для этой цели ши-

роко использовались подводные лодки. Они совершили в осажденный Севастополь свыше 80 боевых походов и доставили севастопольцам 3695,6 тонны различных грузов и вывезли из Севастополя 1392 человека[50].

В период обороны Кавказа, несмотря на очень сложную обстановку, Черноморский флот по единственной действовавшей прибрежной коммуникации обеспечил быструю перегруппировку войск и снабжение их всем необходимым. С июля по декабрь 1942 г. на транспортных судах и боевых кораблях были перевезены 156 тыс. бойцов и офицеров, около 36 тыс. эвакуированных жителей прибрежных районов Кавказа, свыше 87 тыс. тонн нефтепродуктов, около 20 тыс. тонн боеприпасов, 78 тыс. тонн продовольствия и других грузов[51]. Несмотря на серьезное противодействие авиации, подводных лодок, торпедных катеров и других сил неприятельского флота, а также ограниченное количество транспортных средств на Черном море, за время войны Черноморский флот обеспечил перевозку 2 642 267 тонн воинских грузов, 1720 танков, свыше 7,5 тыс. орудий, 40 тыс. автомашин, 320 тыс. тонн боеприпасов, 77 тыс. голов скота, 1 млн тонн нефтепродуктов и около 2 млн человек[52].

В достижение коренного перелома в войне Военно-морской флот внес также значительный вклад. Важную роль сыграли оперативные и снабженческие перевозки в интересах войск, транспортирование народно-хозяйственных грузов на морских театрах и прифронтовых речных и озерных бассейнах. Большое значение имело обеспечение перевозок нефти и нефтепродуктов по Каспийскому морю и Волге. В 1943 г. Государственный Комитет Обороны возложил задачу организации этих перевозок на наркома ВМФ и командующего Волжской флотилией. Успешное ее решение позволило удовлетворить возросшие потребности фронтов и военной промышленности в топливе. Только в 1942–1943 гг. Каспийским морем было перевезено 21 млн тонн нефти, по Волге — 12 млн тонн[53]. В этом несомненная заслуга Каспийской и Волжской флотилий.

При нарушении морских сообщений противника подводные лодки в 1941–1943 гг. действовали, как правило, одиночно. Затем они стали использоваться в оперативном взаимодействии с морской авиацией и торпедными катерами. Конвои противника подвергались ударам на всем маршруте их следования. Высокий коллективный подвиг в 1942 г. совершили подводники Балтики. Преодолев опаснейший противолодочный рубеж, они тремя эшелонами (всего 25 подводных лодок) прорвались в Балтийское море и существенно нарушили морские коммуникации врага. В 36 боевых походах было потоплено 47 и повреждено четыре транспорта противника[54]. В результате потопления трех крупных транспортов на Балтике, в том числе лайнера «Вильгельм Густлофф» подводной лодкой С-13 под командованием А. И. Маринеско, противник потерял 15 тыс. человек. Немецкий адмирал Ф. Руге назвал гибель этих транспортов катастрофой[55].

Торговые и военные моряки выполняли задачу государственной важности по обеспечению перевозок грузов, поступавших в Советский Союз из США и Англии по закону о ленд-лизе. Характерной особенностью боевой деятельности Северного флота по нарушению коммуникаций противника являлось использование для решения этой задачи разнородных сил: подводных лодок, авиации, надводных кораблей и береговой артиллерии. Главными силами в борьбе на коммуникациях с начала войны и до второй половины 1943 г. были подводные лодки, которые и добились наибольшего успеха. А с конца 1943 г. и до окончания войны на первое место по результативности вышла авиация. Опыт действий флота на коммуникациях показал, что задача нарушения вражеских морских перевозок наилучшим образом решается при непрерывности этих действий и хорошо организованном взаимодействии разнородных сил, при правильном распределении их по зонам действий и охвате всей коммуникации от портов погрузки до портов назначения.

Существенную помощь Северному флоту в борьбе с общим врагом оказывали наши союзники — Англия и США, которые в годы войны поставляли нам вооружение, боеприпасы, продовольствие, горючее, некоторые виды стратегического сырья и промышленного оборудования в обмен на сырье. Многое из того, что поставлялось в нашу страну союзниками во время войны, особенно корабли, самолеты, продовольствие, другие виды снабжения,

оставалось в Мурманске и Архангельске и использовалось для усиления Северного флота. Так, рост корабельного состава Северного флота во время войны, за исключением подводных лодок, происходил в основном за счет поступления кораблей от союзников. Поступившие из США и Англии тральщики, торпедные катера и большие охотники, вооруженные электромагнитными тралами, радиолокационными и гидроакустическими приборами, значительно усилили Северный флот[56]. В середине 1944 г. по договоренности с союзниками в счет репараций с Италии Северному флоту были переданы во временное использование линейный корабль, крейсер, девять эскадренных миноносцев и четыре подводные лодки[57]. И если линейный корабль и крейсер ввиду того, что угроза со стороны немецких крупных надводных кораблей на Севере в это время уже отпала, практически нами не использовались, то эскадренные миноносцы и подводные лодки принимали активное участие в боевых действиях Северного флота во второй половине 1944 и в первой половине 1945 г. Большое количество самолетов, полученных от союзников, действовало в составе ВВС Северного флота, причем их число в ходе войны непрерывно увеличивалось. Так, в 1942 г. их было 31, в 1943 г. — 115, в 1944 г. — 136, в 1945 г. — 411[58].

Большую помощь союзники оказали Северному флоту и Беломорской военной флотилии в обеспечении проводки конвоев по северной морской трассе между портами Англии и Советского Союза. В конвойных операциях участвовали крупные силы союзного флота, в том числе линкоры, авианосцы, крейсеры, эскадренные миноносцы, подводные лодки и другие корабли. Участие в этих операциях мощных группировок надводных сил, которых у Северного флота не было, не позволило гитлеровскому командованию широко использовать свои линкоры и крейсеры, сосредоточенные в водах Северной Норвегии, для нанесения ударов по нашим внешним коммуникациям. При обеспечении конвойных операций на севере союзный флот уничтожил два германских линкора, 21 подводную лодку и несколько других кораблей[59].

Многое сделали также моряки Тихоокеанского флота и Каспийской флотилии, обеспечивавшие безопасность плавания и доставку грузов через порты Дальнего Востока, Персидский залив и Каспийское море.

В результате активных действий на морских коммуникациях и против баз противника в период войны был нанесен значительный ущерб германской военной экономике, которая недополучила тысячи и тысячи тонн ценнейшего сырья и топлива — северного никеля, шведской железной руды, румынской нефти. Произошли также существенные срывы в снабжении приморских группировок войск противника.

В боевых действиях на коммуникациях Балтийский флот потопил в море и в базах 624 судна общим тоннажем 1590 тыс. брутто-тонн[60]. 415 судов было уничтожено авиацией, семь — подводными лодками, 90 — надводными кораблями, 60 подорвалось на минах и погибло, 10 уничтожено береговой артиллерией[61]. Среди боевых кораблей, уничтожение которых подтверждено противником, числятся два линейных корабля, броненосец береговой обороны, три крейсера, 16 эскадренных миноносцев, 18 сторожевых кораблей, 16 подводных лодок, 13 надводных минных заградителей, 59 тральщиков, 53 различных боевых катера и около 60 различных вспомогательных судов[62].

В целях нарушения морских перевозок противника подводные лодки Черноморского флота совершили 425 боевых походов, израсходовали 387 торпед и 689 снарядов, поставили 558 мин. Ими было потоплено 24 десантные баржи, тральщик и 65 различных судов общим водоизмещением около 146 тыс. брутто-тонн, повреждено две десантные баржи и 12 транспортных судов общим тоннажем 47 700 брутто-тонн. Результативность действий подводных лодок Черноморского флота была значительно ниже, чем на других наших морских театрах. В борьбе с морскими перевозками противника на Черном море принимали участие надводные корабли: крейсеры, эскадренные миноносцы, торпедные и сторожевые катера. Наиболее активно на коммуникациях действовали торпедные катера, которые за время войны совершили 867 выходов, тогда как эскадренные миноносцы — 36, а крейсеры — всего два[63]. Ограниченное использование крупных надводных кораблей объясняется серьезной

воздушной опасностью на театре, что требовало надежного истребительного прикрытия, а истребителей было недостаточно. Их не хватало даже для сопровождения бомбардировщиков и торпедоносцев при действиях против конвоев в море. После гибели лидера «Харьков» и двух эскадренных миноносцев при набеге на Ялту и Феодосию в 1943 г. Ставка вообще запретила использование кораблей Черноморской эскадры для таких целей. Действуя против морских перевозок противника, надводные корабли израсходовали около 3 тыс. снарядов и 150 торпед, поставили 870 мин и 160 минных защитников. Ими было потоплено 33 боевых корабля и вспомогательных судна и 20 транспортов, повреждено 27 боевых кораблей и вспомогательных судов и два торговых судна[64].

Флоты и флотилии приобрели большой опыт в организации защиты морских сообщений. Переход транспортов в пункт назначения осуществлялся в составе конвоев, а также перевозки проводились одиночно следовавшими транспортами. Их проводка организовывалась в порядке повседневной боевой деятельности флота. Для обеспечения крупных переброс войск и важных грузов проводились специальные морские операции. В таких операциях обычно участвовали соединения надводных кораблей, крупные силы авиации и подводные лодки. За время войны в северные порты СССР было проведено 40 конвоев, а в обратном направлении — 36 союзных конвоев[65]. На транспортах, входящих в состав этих конвоев, было перевезено 4 млн тонн различных грузов.

В целом боевая деятельность Военно-морского флота в годы войны отличалась широким применением разнородных сил, высокой активностью и решительностью, четким взаимодействием с сухопутными войсками в интересах решения главных задач вооруженной борьбы на советско-германском фронте. От ударов советского ВМФ противник потерял на морских театрах сотни боевых кораблей и катеров, большое количество вспомогательных судов и транспортов.

Большую помощь сухопутным войскам оказывали и речные военные флотилии. Перед войной в составе Военно-морского флота имелось три флотилии: Днепровская, Каспийская и Краснознаменная Амурская. Летом 1940 г. Днепровскую флотилию расформировали и на ее базе создали две новые флотилии: Пинскую и Дунайскую. В ходе Великой Отечественной войны в связи с глубоким проникновением немецкой армии на территорию Советского Союза возникла необходимость создания ряда новых флотилий, в том числе Азовской, Волжской, Ладожской, Онежской, Беломорской и других, которые вместе с флотами приняли активное участие в борьбе с немецкими захватчиками и внесли существенный вклад в победу над Германией.

В первый период войны, когда Красная армия испытывала недостаток в артиллерии, и особенно подвижной, Дунайская, Днепровская и Волжская флотилии оказали большую помощь войскам в обороне на рубежах Дуная, Днепра и Волги. Артиллерия кораблей широко использовалась для борьбы с пехотными и танковыми колоннами немцев, подавления артиллерии и других огневых средств, прикрытия переправ войск, непосредственной поддержки стрелковых соединений. В последующие периоды войны артиллерийская поддержка также была распространенным видом боевой деятельности речных флотилий. Однако рост ударной мощи Красной армии заметно понизил роль артиллерийской поддержки со стороны речных флотилий. Высокие плотности артиллерийского огня, широкое использование танков и авиации в наступательных операциях вполне обеспечивали прорыв обороны противника и развитие наступления в ее глубине. Роль артиллерии десятка катеров в Берлинской операции, в которой Красная армия использовала 41 600 орудий и минометов, 6300 танков и 8400 самолетов, можно считать только символической.

В боевой деятельности речных флотилий важное место занимали десантные действия. Дунайская флотилия в 1944–1945 гг. осуществила высадку 20 десантов с общим количеством около 28 тыс. человек. Почти столько же десантов высадила Амурская флотилия за короткий период кампании на Дальнем Востоке. Подавляющая часть десантов на речных театрах относится к периоду наступления Красной армии. Высокая маневренность соединений кораблей и их огневая мощь позволяли им осуществлять стремительные прорывы и высадку

десантов в глубине обороны противника. Десанты в условиях речного театра так же, как и на приморском направлении, способствовали повышению темпов наступления сухопутных войск, создавали угрозу окружения противника, нарушали его коммуникации. Для высадки десантов привлекались подразделения и части морской пехоты, имевшиеся в составе флотилий или приданные им, а также армейские подразделения. Отсутствие специальных десантно-высадочных средств, как и на морских театрах, отрицательно сказывалось на десантных действиях речных флотилий. Привлекаемые для этой цели бронекатера имели единственное преимущество — бронирование, защищавшее часть десанта от пуль и осколков.

В годы Великой Отечественной войны определилось возросшее значение речных коммуникаций для перегруппировки войск, обеспечения фронта и снабжения тыловых районов, перевозки стратегических грузов и гражданского населения. В условиях потери важных железнодорожных магистралей, а затем их разрушения отступающим противником внутренние водные пути играли очень важную роль в различных видах перевозок. Во фронтовой полосе противник воздействовал на внутренние водные пути всеми видами оружия в пределах их дальности; опасными для речных продольных коммуникаций и переправ стали прорывы танковых и механизированных частей. Но главным и наиболее опасным средством воздействия на речные коммуникации, в том числе расположенные в глубоком тылу, стала авиация с ее огромными возможностями действовать на большие расстояния, наносить бомбоштурмовые удары по судам и портам, осуществлять минные постановки на больших участках речных коммуникаций.

Заметно возросло и значение речных флотилий в обеспечении судоходства по рекам. Задача защиты речного судоходства стала одной из главных, а в некоторых случаях единственной задачей речной флотилии. По условиям и способам выполнения эта задача делилась на две одинаково важные по своей значимости: организацию и обеспечение переправ войск и техники через реки и организацию и обеспечение воинских и народно-хозяйственных перевозок вдоль речных коммуникаций.

Большую работу по обеспечению сил флотов и флотилий в военные годы проделали тыловые органы, части и учреждения ВМФ в центре, на флотах и в военно-морских базах. За годы войны общий расход по ВМФ составил 5338 торпед, 54 858 морских мин, 3647 тралов, 73 484 глубинные бомбы, 11,5 млн снарядов и мин, 38,5 тыс. тонн авиационных бомб, 6,2 млн тонн топлива, 1,3 млн тонн продовольствия, 1,5 млн комплектов обмундирования[66]. Только на трех действующих флотах было отремонтировано 8815 кораблей и судов[67].

Успехи, достигнутые советскими моряками в борьбе с германским флотом в Великой Отечественной войне, достались им высокой ценой. В ходе войны Балтийский флот потерял от воздействия противника 307 боевых кораблей и 374 вспомогательных судна и транспорта[68]. Наибольшие потери флот понес в 1941 г. (133 боевых корабля, 292 транспорта и вспомогательных судна). Половину боевых кораблей флот потерял в результате подрыва на минах, а половину вспомогательных судов в базах и портах — от огня неприятельской артиллерии с берега[69]. Значительные потери флот понес и в подводных лодках — 47 единиц, что составило 72% от общего числа лодок, имевшихся в составе флота к началу войны[70]. Больше половины из них погибли в результате подрыва на минах, особенно при форсировании плотных минных заграждений, поставленных немцами в Финском заливе. Потери германского флота от боевого воздействия сил Балтийского флота распределяются так: 61% от авиации, 21% от мин, 10% от подводных лодок, 6% от надводных кораблей, 2% от установленной на берегу артиллерии[71].

Общие потери немецкого флота на Северном театре составили 214 кораблей и вспомогательных судов[72]. От воздействия разнородных сил Черноморского флота Германия и ее союзники за время войны потеряли: 451 боевой корабль и вспомогательное судно и 284 транспортных судна общей вместимостью 444 563 брутто-тонн потоплены; получили повреждения 373 боевых корабля и вспомогательных судна и 146 транспортных судов вместимостью 297 911 брутто-тонн[73].

Немалые потери в борьбе с германо-румынским флотом на Черном море понес и советский флот. За время войны Черноморский флот потерял 299 боевых кораблей различных классов, в том числе крейсер, 13 лидеров и эскадренных миноносцев, два сторожевых корабля, 46 торпедных катеров, 25 подводных лодок, 87 охотников за подводными лодками и сторожевых катеров, 86 тральщиков и катерных тральщиков, 26 бронекатеров и ряд других. Наибольшие потери флот понес от воздействия вражеской авиации, которая потопила 98 кораблей и различных катеров; 90 кораблей и катеров потопила береговая и армейская артиллерия, 76 погибло на минах. Кроме того, противник потопил 434 вспомогательных судна и транспорта. В судах наибольшие потери были от вражеской авиации, которая потопила 246 судов, 106 судов было уничтожено береговой и армейской артиллерией и 62 погибли на минах[74]. Всего за время войны Черноморский флот потерял 633 корабля и судна.

Заслуги Военно-морского флота в Великой Отечественной войне высоко оценены Родиной. Многие соединения и корабли награждены орденами, удостоены звания гвардейских и почетных наименований. Флот дал Родине более 500 Героев Советского Союза. Успешные действия советских моряков неоднократно отмечались в приказах Верховного главнокомандующего, благодарностями командования фронтов и армий. Великая Отечественная война еще раз доказала правильность всего исторического опыта нашего многовекового государства, выражающегося в необходимости иметь мощный флот в борьбе с любым противником.

Войска ПВО страны. Предназначенные для обеспечения воздушной безопасности страны и важнейших объектов вооруженных сил, войска противовоздушной обороны в течение всей войны прикрывали крупные административно-политические и промышленные центры Советского государства, особенно Москву, Ленинград, Баку. В первом периоде войны на выполнение этой задачи привлекалось три четверти всех сил и средств войск ПВО страны. Во втором и третьем периодах войны удельный вес сил и средств, выделяемых на прикрытие крупных центров, последовательно снижался.

Другой важной задачей была противовоздушная оборона путей сообщения. Удельный вес сил и средств, выделяемых для решения этой задачи, непрерывно увеличивался до конца 1944 г. Важной задачей войск ПВО страны с началом войны стала противовоздушная оборона глубинных промышленных районов (Днепропетровского, Донбасского, Ярославского, Горьковского, Куйбышевского, Сталинградского и других), которая создавалась по мере того, как эти районы оказывались в пределах досягаемости вражеской авиации. На ее выполнение в первом периоде войны использовалось 13% истребительной авиации, до 8% зенитной артиллерии среднего и более 11% малого калибра.

Противовоздушную оборону главных группировок сухопутных войск войска ПВО страны осуществляли в тесном взаимодействии с силами ПВО фронтов и флотов. Новым явлением в применении войск ПВО страны явилось их участие во фронтовых и стратегических операциях. Соединения и части ПВО вместе с соединениями и частями других видов вооруженных сил непосредственно участвовали в прикрытии от ударов с воздуха ключевых объектов тыла и сухопутных войск, поддерживали их оборонительные и наступательные действия, непосредственно участвовали в боях против наземных войск противника. Такое использование войск ПВО страны было обусловлено тем, что германское командование применяло авиацию в основном на поле боя и в прифронтовой полосе, а советские сухопутные войска не имели достаточного количества сил и средств для надежного прикрытия своих группировок войск и важных объектов тыла.

Таким образом, в годы Великой Отечественной войны советское военное искусство развивалось и совершенствовалось в тесной взаимосвязи всех трех его составных частей — стратегии, оперативного искусства и тактики — в зависимости от условий и особенностей боевой обстановки. Выдающаяся победа Вооруженных сил Советского Союза в этой войне продемонстрировала всему миру передовой характер советского военного искусства и показала, что оно являлось действительно высшим в то время достижением теории и практики ведения войны и военных действий.

Разведка и контрразведка накануне и в годы войны

Основными советскими разведывательными службами накануне и в годы Великой Отечественной войны являлись внешняя разведка органов государственной безопасности (НКВД — НКГБ) Советского Союза (далее — внешняя разведка) и Разведывательное управление Генерального штаба РККА (далее — военная разведка).

Внешняя разведка. В военной области внимание внешней разведки сосредоточивалось главным образом на крупных военно-стратегических проблемах, имеющих важное политическое значение. Попадающую в ее поле зрения другую конкретную военную информацию внешняя разведка передавала коллегам в военную разведку по принадлежности. Данное обстоятельство зачастую не учитывается в некоторых исторических исследованиях, вследствие чего происходит некорректное отождествление внешней и военной разведок. В действительности каждая из них занималась своим делом, взаимодействуя между собой при решении общих вопросов. В этой связи деятельность внешней и военной разведок рассматривается раздельно.

Ко второй половине 1930-х гг. внешняя разведка на регулярной основе снабжала советское руководство секретной, в том числе упреждающей информацией об основных военно-политических шагах Германии и других западных держав. Внешняя разведка добыла документальные секретные материалы о планах вооружения Германии; о предстоящих шагах по окончательному отбрасыванию всех ограничений, накладывавшихся Версальской системой; об инструкциях немецкому представителю в Женеве по поводу предстоящего выхода Германии из Лиги Наций; о замыслах по согласованию совместных агрессивных действий с Италией и Японией. Внешняя разведка доложила секретные сведения о подготовке Германией захвата Австрии, предстоящем поглощении А. Гитлером Чехословакии, о готовившемся нападении на Польшу. Достаточно полно и достоверно освещался политический курс США, Великобритании, Франции, Италии, Польши и других государств, важных с точки зрения обеспечения безопасности СССР. В 1937 г. руководство страны было информировано о намерениях Германии и планировании предварительного создания на территории Польши плацдарма для подготовки вторжения. Тем самым внешняя разведка установила, что непосредственным шагам по подготовке нападения на СССР будет обязательно предшествовать захват немцами Польши.

Характерной особенностью деятельности внешней разведки накануне войны, свидетельствовавшей о ее высоком профессионализме, была существенная доля достоверной секретной информации, добытой в результате получения доступа к шифрам и кодам ряда ведущих государств. Ей удалось добиться значительных результатов в области научно-технической разведки. Однако развернутые массовые репрессии в стране в полной мере коснулись и разведки. Было уничтожено около 60% личного состава. Жертвами репрессий стали в первую очередь опытные, отстаивавшие принципиальные позиции сотрудники.

Во второй половине 1938 г. положение во внешней разведке было проанализировано на заседании Политбюро ЦК ВКП(б), после чего приняты меры по совершенствованию оперативной деятельности с тем, чтобы развернуть широкую разведывательную работу за рубежом по всем основным линиям: политической, научно-технической и контрразведывательной. Разведка была пополнена молодыми кадрами. Главные усилия концентрировались на странах оси Берлин — Рим — Токио и их союзниках. Большое внимание уделялось отслеживанию политики ведущих западных государств по отношению к фашистскому блоку, их попыткам направить гитлеровскую агрессию в сторону СССР.

Уже в январе 1941 г. разведкой были добыты сведения о существовании немецкого плана нападения на СССР (план «Барбаросса»), хотя точное его название стало известно лишь в конце войны. Позднее удалось получить информацию о цели предстоящей войны, методах и средствах достижения этой цели, о союзниках Германии в предстоящем походе на Восток и, наконец, о сроках нападения на СССР — то есть по всем основным разделам указанного плана.

Добытые внешней разведкой данные при их корректном анализе давали необходимое представление о содержании плана «Барбаросса». Однако имелись серьезные факторы, которые осложняли подобный анализ. К их числу следует прежде всего отнести беспрецедентные по своим масштабам и согласованности комплексные меры по введению советского руководства в заблуждение, проводившиеся немцами на общегосударственном уровне. Осуществлявшаяся немцами кампания дезинформации с использованием военных, дипломатических, пропагандистских, административных возможностей и каналов спецслужб представляла собой такую угрозу безопасности страны, с которой СССР столкнулся, пожалуй, впервые.

Что могла разведка противопоставить этому? В идеальном случае — достать сам план дезинформационных мероприятий. В реальной жизни идеальные варианты — это исключение, а правилом является упорное, кропотливое добывание информации по частям. Такие сведения внешняя разведка получила. В частности, берлинская резидентура сообщила о проведении немцами дезинформационных мероприятий, направленных на обеспечение скрытности подготовки нападения на Советский Союз. К их числу относились в том числе и ложные тезисы о наличии серьезных разногласий по поводу войны с СССР между военным командованием и МИД Германии. С конца 1940 г. внешняя разведка стала получать сведения, которые опровергали основной дезинформационный тезис Берлина, что война с СССР начнется только после победы над Англией, и позволяли руководству страны сделать правильные выводы[75].

Сама внешняя разведка в рассматриваемый период не уполномочивалась делать какие-либо выводы и прогнозы по добываемой информации. Данное обстоятельство было серьезным изъяном в ее деятельности. Причиной сложившегося положения стал установленный И. В. Сталиным порядок доклада разведывательной информации, когда внешняя разведка направляла ему агентурные сообщения без каких-либо собственных корректировок, дополнительных пояснений, выводов и прогнозов. Сообщались только краткие сведения и источники. В связи со сложившимся режимом личной власти все оценки, выводы и прогнозы, следовавшие после ознакомления с материалами внешней разведки, И. В. Сталин делал сам на основе собственных критериев. Тем самым он замкнул на себя поток «сырой» информации, которая не прошла через сито экспертов. Это открывало возможность для попадания к нему недостаточно проверенных, а иногда и дезинформационных сведений. Кроме того, во внешней разведке в тот период отсутствовало информационно-аналитическое подразделение, которое осуществляло бы профессиональную фильтрацию разведывательных материалов.

В итоге получилось так, что И. В. Сталин сам принимал решения о том, что в докладывавшихся ему сообщениях верно, а что нет. Естественно, сведения, в большей степени созвучные его представлениям, воспринимались благожелательно, а противоречившие им — с раздражением и соответствующими гневными резолюциями. В результате были созданы условия, в которых даже наличие достоверных данных не гарантировало от неверных выводов и принятия ошибочных решений, чреватых трагическими последствиями.

Оценивая итоги работы внешней разведки в 1938–1941 гг., сложно не согласиться с тем, что это был самый тяжелый период в ее деятельности. В напряженной атмосфере приближавшейся войны и острой потребности в достоверной информации внешняя разведка принимала энергичные меры по восполнению своего кадрового состава, восстановлению связи с агентурным аппаратом и расширению его за счет приобретения новых источников. Не везде удалось компенсировать понесенный в ходе репрессий ущерб в полной мере. С частью ценной агентуры контакт был потерян. Были допущены просчеты в подготовке резидентур к работе в военных условиях.

Тем не менее основные позиции в разведывательной деятельности были удержаны и по ряду направлений расширены. Это позволило решить основные задачи, стоявшие перед внешней разведкой в критический предвоенный период: добыть необходимую информацию о подготовке Германии к нападению на СССР; об основных этапах германской экспансии в Европе; о планах включения балканских стран в хозяйственную систему Германии; о политическом и экономическом проникновении Германии в сопредельные с СССР страны —

Иран, Афганистан, Финляндию, Румынию и создании в этих странах стратегических баз и разведпунктов на границах с Советским Союзом; об оценке США военно-промышленного комплекса Германии; о некоторых оппозиционно настроенных лицах в Германии, способных при определенных условиях вести работу против нацистского режима; о позиции Японии в отношении Советского Союза; о подходах ведущих западных держав к оказанию поддержки нашей стране в случае нападения Германии. Были также получены многочисленные ценные научно-техническое сведения, военно-технические материалы и образцы, внесшие существенный вклад в укрепление обороноспособности страны. Таким образом, внешняя разведка в предвоенный период смогла дать достаточно полную развернутую картину подготовки Германии к нападению на СССР.

В годы войны удалось вывести в Германию и союзные ей страны 97 разведчиков-нелегалов. Они добывали представляющую интерес военную и политическую информацию. Вместе с тем их деятельность на территории Германии без связи с ценной агентурой не могла полностью удовлетворить потребности Центра в необходимой стратегической информации. Эта задача успешно решалась с участием резидентур в третьих странах, где имелись более благоприятные возможности для работы по немецкой проблематике.

В соответствии с задачами, поставленными перед внешней разведкой, была активизирована работа в ведущих странах — союзниках СССР — Англии и США. Главным ее направлением стало добывание имеющейся у них информации о военно-политических планах и мероприятиях гитлеровской верхушки, которой союзники по разным причинам не делились с нашей страной. Внимательно отслеживались также позиции англичан и американцев в отношении Советского Союза, объемы реальной военно-технической помощи, которую они могли оказать нам, их конфиденциальные контакты с немецким руководством, устремления английских и американских спецслужб в работе по СССР. Интересовали внешнюю разведку и современные научно-технические разработки союзников, которые могли быть использованы в борьбе с Германией, а также на перспективу.

Важная особенность разведдеятельности в Англии заключалась в том, что английские спецслужбы еще до войны смогли расшифровать немецкие коды и получили доступ к секретной переписке по радиоканалам верховного главнокомандования со штабами групп армий и других подразделений германской армии. В этих документах раскрывались конкретные планы боевых операций против советских войск. Нет нужды объяснять чрезвычайную ценность такой информации для нашего командования. Поскольку английское руководство тщательно скрывало наличие подобных материалов, агентура внешней разведки была нацелена на приобретение доступа к ним. Эта задача была в значительной степени решена через «кембриджскую пятерку». В конце сентября 1941 г. лондонская резидентура сообщила о планах англичан по созданию в течение ближайших двух лет атомного оружия. Конкретные данные содержались в добытом секретном докладе премьер-министру У. Черчиллю. Это способствовало в совокупности с другими сведениями активизации наших исследований в указанной сфере[76].

В сентябре 1943 г. резидентура сообщила в Центр о результатах переговоров лидеров США и Англии в августе 1943 г. в Квебеке. Указывались конкретная дата открытия второго фронта в 1944 г. и кодовое название операции — «Оверлорд». Кроме того, Центр был информирован о разработке специального плана «Рэнкин», предусматривавшего более раннюю высадку союзников в Европе, если гитлеровский режим начнет разваливаться под ударами Красной армии или в результате действий внутренней оппозиции. Союзниками ставилась задача достичь Берлина не позднее русских[77]. Лондонская резидентура внесла существенный вклад в освещение планов английского руководства по послевоенному устройству Германии и мира, а также по подготовке англичан и американцев к встречам большой тройки в Тегеране, Ялте и Потсдаме.

Центр уделял повышенное внимание активизации разведывательной работы и в США. Весьма эффективно американские резидентуры действовали по линии научно-технической разведки. Были приобретены ценные источники, способные добывать важную ин-

формацию о ходе работ американцев по созданию атомного оружия. Существенный интерес для укрепления нашей обороноспособности представили секретные материалы в области реактивной авиации, радиолокации, электроники, ракетостроения[78].

Резидентуры в Турции располагали достаточно эффективным агентурным аппаратом, позволявшим получать интересующую Центр информацию, в том числе по Германии и ее сателлитам. Центр был своевременно информирован о секретных турецко-германских переговорах по поводу возможного вступления Турции в войну на стороне А. Гитлера после захвата немцами Кавказа. Это позволило руководству нашей страны принять адекватные меры по сдерживанию Турции. Резидентура добыла достоверные данные о том, что турки не вмешаются в советско-английскую операцию по вводу войск в Иран[79]. Данное обстоятельство сыграло существенную роль в процессе принятия решения о реализации указанного плана. Источники внешней разведки в Турции внимательно отслеживали попытки немецких представителей наладить через турок конфиденциальные контакты с американцами и англичанами в целях заключения сепаратного перемирия за счет интересов Советского Союза.

Большая работа была проведена по обеспечению безопасности Тегеранской конференции руководителей союзных держав в 1943 г. Имеющаяся агентура была также задействована для получения информации о позициях американцев и англичан на переговорах, которая дополняла сведения, полученные разведкой из других загранаппаратов. В ходе этой работы удалось подтвердить данные о готовящемся немецкими спецслужбами покушении на участников встречи. Операция немцев получила кодовое название «Длинный прыжок». Предпринятыми усилиями летом 1943 г. была обнаружена передовая группа немецких диверсантов, сброшенных на парашютах в 70 км от Тегерана. Все они были арестованы. Одновременно совместно с англичанами были нейтрализованы активные немецкие разведчики в Иране и разгромлена их агентурная сеть[80]. Все это способствовало успешному проведению встречи в верхах. Большая группа сотрудников внешней разведки, осуществлявших информационное и оперативное обеспечение переговоров, была удостоена высоких государственных наград.

Существенное внимание внешняя разведка уделяла в годы войны Афганистану. Это объяснялось тем, что германские спецслужбы создали в стране сильную агентурную сеть, которая имела связи среди влиятельных представителей афганской военно-политической верхушки. Данная агентура активно использовалась для подрывной работы против СССР как в самом Афганистане, так и на территории советских среднеазиатских республик. С учетом данных обстоятельств борьба с фашистской агентурой являлась одной из основных задач кабульской резидентуры, в результате выполнения которой подрывная работа немецких спецслужб против СССР с территории Афганистана была практически парализована.

После перелома в ходе боевых действий против нацистской Германии и наметившейся перспективы перехода к освобождению не только нашей страны, но и оккупированных европейских стран перед разведывательными органами Советского Союза встали новые задачи. Приближавшийся конец войны повысил потребность в сведениях о будущем устройстве мира и Европы, о предстоящих событиях и вероятных изменениях в отношениях между союзниками. Иными словами, резко возрастало значение объективных прогнозов развития ситуации. Для решения указанных задач внешняя разведка нуждалась в специальном информационно-аналитическом подразделении. Уже 7 декабря 1943 г. в составе 1-го управления НКГБ СССР (наркомат был повторно создан 14 апреля 1943 г. путем выделения из НКВД СССР) впервые в его истории был сформирован информационно-аналитический отдел (ИНФО)[81].

Упорядочение анализа, обработки и реализации разведывательной информации привело к качественно новому, более высокому уровню деятельности внешней разведки. Среди документов, подготовленных новым подразделением, следует отметить обзор, в котором анализировались планы германского руководства на советском фронте, особенно на Курской дуге, а также предстоящие действия союзников в Средиземноморье и Италии. Эксперты ИНФО участвовали в подготовке объединенного доклада разведорганов о современном положении гитлеровской Германии и ее возможностях для дальнейшего ведения войны. Сформулированные в данных материалах прогнозы полностью подтвердились.

Как показывает анализ деятельности внешней разведки в период Великой Отечественной войны, она достойно выполнила возложенные на нее руководством страны задачи. В частности, несмотря на трудности первого этапа войны и утерю связи с агентурой в ряде стран, внешняя разведка смогла квалифицированно мобилизовать все имеющиеся и вновь приобретенные возможности, в том числе в третьих странах, для добывания необходимой секретной информации по Германии и ее сателлитам.

Внешняя разведка вела активную и результативную борьбу с гитлеровской агентурой и прогерманскими организациями в нейтральных странах.

В годы войны 1-е управление добилось существенных успехов в области научно-технической разведки. Особо необходимо отметить добывание секретных материалов, касающихся всех основных аспектов создания атомного оружия, а также новых перспективных направлений в области сверхзвуковой реактивной авиации, радиотехники, радиолокации, электроники, ракетостроения, ракетного топлива. Существенный вклад в создание советского атомного щита внесли выдающиеся разведчики П. Р. Квасников, А. А. Яцков, В. Б. Барковский, А. С. Феклисов, которым уже после распада СССР было присвоено звание Героя России.

Военная разведка. В июне 1940 — июне 1941 г. силами военной разведки было добыто значительное количество сведений, вскрывавших нарастание военной угрозы со стороны Германии безопасности СССР. За этот период времени от руководителей зарубежных резидентур и от начальников разведывательных отделов штабов западных военных округов в Разведывательное управление Генерального штаба Красной армии поступило около 267 донесений, из них 129 было направлено высшему политическому руководству СССР, наркому обороны и начальнику Генерального штаба[82].

Сведения о подготовке Германии к войне против СССР поступали в Москву от военных разведчиков генералов В. И. Тупикова, И. А. Суслопарова, полковников Г. М. Ерёмина, Н. Д. Скорнякова, Л. А. Сергеева, А. Н. Яковлева. Разведчики-нелегалы А. М. Гуревич, Р. Зорге, Г. Марлей и другие также сообщали о подготовке Германии к войне против СССР.

Важные сведения поступали в Москву из Берлина от полковника Н. Д. Скорнякова. 29 декабря 1940 г. он направил в Центр донесение руководителя разведгруппы Ильзе Штёбе (псевдоним Альта). В донесении сообщалось о том, что А. Гитлер утвердил план войны против СССР[83]. После доклада этого сообщения советскому руководству начальник Разведывательного управления генерал-лейтенант Ф. И. Голиков направил полковнику Н. Д. Скорнякову указание уточнить полученные сведения. Уже 4 января 1941 г. в Центр поступило донесение, в котором подтверждались сведения Альты[84]. Это донесение также было доложено И. В. Сталину, В. М. Молотову, С. К. Тимошенко и К. А. Мерецкову.

В январе — июне 1941 г. в Центр поступили 10 донесений от полковника Г. М. Ерёмина (псевдоним Ещенко), который был военным атташе в Бухаресте. Они раскрывали различные направления подготовки Германии к войне против СССР[85].

Военный атташе СССР в Германии генерал В. И. Тупиков (псевдоним Арнольд) в апреле 1941 г. направил в Центр графическую «Схему возможных вариантов действий Германии против СССР». Один из трех представленных В. И. Тупиковым вариантов действий немецких войск точно отражал замысел плана нападения Германии на СССР[86].

Ценные сведения поступали в Разведывательное управление от Рихарда Зорге (псевдоним Рамзай), Герхарда Кегеля и других разведчиков. Г. Кегель, который числился в Разведуправлении под условным индексом «Х», 21 июня 1941 г. сообщил о том, что «война Германии против СССР начнется в ближайшие 48 часов». Вечером того же дня он уточнил, что в германском посольстве в Москве «все считают, что наступающей ночью начнется война»[87]. На основе указанных донесений 21 июня И. В. Сталину, В. М. Молотову и С. К. Тимошенко было доложено о том, что наступающей ночью Германия может напасть на СССР.

Военные разведчики работали за рубежом в условиях активной дезинформационной кампании, которую проводило германское руководство. Поэтому среди донесений военных разведчиков встречались и сообщения, в которых упоминались разные сроки возможного нападения Германии на СССР. Однако подавляющее большинство разведывательных доне-

сений достоверно отражало нарастание военной угрозы со стороны Германии. К сожалению, многие сведения не были учтены советским руководством.

Важные задачи военная разведка решала в битве под Москвой. Главные усилия были направлены на добывание сведений о замыслах германского командования, составе группировки немецких войск, действовавших на московском направлении, а также на получение достоверных сведений о том, не вступят ли Япония и Турция в войну против СССР на стороне Германии. Эти задачи решали разведчики-нелегалы, а также резиденты военной разведки, сотрудники Разведывательного управления, которые действовали в Лондоне, Вашингтоне, Женеве, Анкаре и Токио.

О том, что Япония в 1941 г. не вступит в войну против СССР, сообщали в Центр Р. Зорге из Токио, Л. А. Сергеев (псевдоним Морис) из Вашингтона и Ш. Радо (псевдоним Дора) из Женевы. Рихард Зорге 14 сентября 1941 г. сообщил: «Японское правительство решило не выступать против СССР в текущем году»[88]. Сведения подобного характера поступили в Центр и от резидента военной разведки в Швейцарии Шандора Радо. Из Анкары поступали донесения, многие из которых были важны для правильного понимания реальных целей внешнеполитического курса турецкого правительства. На основе полученных сообщений Ставка ВГК приняла решение о переброске в район советской столицы войск с Дальнего Востока, Сибири и Средней Азии. Это позволило укрепить оборону столицы и в итоге добиться крупного успеха.

Важную роль в битве под Москвой сыграли и силы войсковой разведки. Разведотделом Западного фронта с 1 июля по 1 августа были переброшены в тыл противника около 500 разведчиков, 17 партизанских отрядов, 29 разведывательно-диверсионных групп[89]. В тылу противника на московском направлении действовали разведывательные отряды «Огонь», «Ястреб», «Абрам», «Игорь», «Профессор», «Бравый», «Рябчик», «Смелый» и другие.

Разведчики добывали сведения, которые позволяли своевременно вскрывать переброски вражеских войск. Они разрушали шоссейные дороги и мосты через водные преграды, мешая немцам использовать резервы. Усилиями разведывательно-диверсионных отрядов и групп под откос были пущены многие эшелоны противника с военной техникой, личным составом и боеприпасами, уничтожены командные пункты, узлы связи, аэродромы и склады[90].

Оценивая деятельность военной разведки в битве под Москвой, генерал армии С. М. Штеменко, который в 1941 г. работал в Оперативном управлении Генерального штаба, писал: «...в период битвы под Москвой мы знали о противнике достаточно много, чтобы точно определить замысел, характер и направления его действий. Нам была известна степень напряжения сил немецко-фашистских войск на всем фронте их наступления. Поэтому Советское Верховное командование приняло решение на переход в контрнаступление под Москвой в наиболее подходящий для этого момент»[91].

Весной 1942 г. резиденты военной разведки добыли сведения о подготовке Германии к применению на советско-германском фронте химических отравляющих веществ[92]. По мере поступления в Центр эти сведения докладывали Верховному главнокомандующему[93]. Советское правительство поставило в известность премьер-министра Великобритании о подготовке Германии к химической войне[94]. Согласованные действия руководителей СССР и Великобритании сорвали планы А. Гитлера по применению химического оружия.

Выполняя задание Центра, резидентуры военной разведки «Дора» в Женеве, «Брион» и «Эдуард» в Лондоне, «Омега» в Вашингтоне начиная с марта 1942 г. активизировали свою деятельность по добыванию сведений о планах немецкого командования на лето 1942 г. Силами этих резидентур был вскрыт замысел германского командования по проведению операций на южном фланге советского фронта. Первое донесение поступило в Разведывательное управление Генерального штаба 3 марта 1942 г. Разведчик майор А. Ф. Сизов (псевдоним Эдуард) сообщил из Лондона, что Германия планирует «весной 1942 года начать наступление в направлении Кавказа»[95]. 12 марта руководитель резидентуры военной разведки в Швейцарии Ш. Радо доложил в Центр о том, что «основные силы немцев будут направлены против южного крыла восточного фронта с задачей достигнуть рубежа реки Волга и Кавказа, чтобы

отрезать армию и население центральной части России от нефтяных и хлебных районов»[96]. 5 марта агент Долли сообщил о содержании бесед японского посла в Берлине с министром иностранных дел И. фон Риббентропом, которые состоялись 18, 22 и 23 февраля. В этих беседах И. фон Риббентроп сообщил японскому послу о том, что «в операциях Германии против СССР в 1942 году первостепенное значение будет играть южный сектор восточного фронта. Именно там начнется наступление»[97]. Эти донесения разведчиков были использованы командованием военной разведки для подготовки специального сообщения членам Ставки ВГК «О планах Германии на 1942 год»[98].

Летом 1942 г. резидент Ш. Радо направлял в Москву сведения об объемах выпуска германской военной промышленностью самолетов, танков, артиллерийских орудий, перебросках воинских частей противника на южный участок советско-германского фронта. Достоверные сведения о противнике добывали агенты Люци, Лонг, Луиза и другие[99].

Основные положения немецкой директивы на летнее наступление стали известны Разведывательному управлению задолго до ее подписания. Генерал армии С. М. Штеменко писал: «...летом 1942 года замысел врага захватить Кавказ тоже был раскрыт достаточно быстро. Но и на этот раз у советского командования не было возможности обеспечить решительные действия по разгрому наступающей группировки противника в короткий срок»[100].

С помощью источника, который имел псевдоним Знаток, была вскрыта англо-американская договоренность «до весны 1943 года второго фронта в Европе» не открывать[101].

В апреле 1943 г. была проведена реорганизация системы разведки Наркомата обороны. Были созданы Главное разведывательное управление (ГРУ) НКО, ответственное за организацию и проведение стратегической агентурной разведки, и Разведывательное управление Генерального штаба Красной армии (РУ ГШ КА), ответственное за организацию деятельности оперативной и тактической разведки. До окончания Великой Отечественной войны эта система военной разведки не изменялась.

Больших успехов добилась дешифровальная служба ГРУ. Она сумела прочитать немецкие телеграммы, зашифрованные машинкой «Энигма». Были раскрыты основные немецкие и японские системы общевойсковых, политических и дипломатических шифров, шифры немецкой разведки, прочитано более 50 тыс. шифротелеграмм противника[102]. Важные сведения о противнике добывали силы радиотехнической разведки.

ГРУ НКО и РУ ГШ КА добыли значительное количество разведывательных сведений, которые позволили заблаговременно вскрыть планы германского командования на лето 1943 г. Сведения о подготовке наступления немцев в направлении Курска поступали от военных разведчиков генерал-майора И. А. Склярова (псевдоним Брион), полковника А. Ф. Сизова (псевдоним Эдуард), Л. А. Сергеева, Ш. Радо и других. 22 апреля в Центр поступило сообщение от резидента ГРУ в Женеве Ш. Радо, который сообщил, что на совещании в Берлине «принято решение о мероприятиях, обеспечивающих немецкие наступательные операции в мае и июне в южном секторе советско-германского фронта. Операции эти имеют ограниченные цели — захват Курска и Ворошиловграда»[103].

В первой декаде мая военный разведчик Л. А. Сергеев докладывал: «...Немцы ставят задачей текущим летом не захват новых территорий, а уничтожение Красной армии. Главный удар немцев в летней кампании будет из района Курск, Орел в направлении на Воронеж»[104]. Агентурные источники из Германии сообщили о том, что немецкая промышленность выпускает танки «тигр» и «пантера», которые поступают на вооружение дивизий, направляющихся на советский фронт[105].

Резидентуры зарубежной разведки ГРУ НКО за два месяца до начала операции «Цитадель» добыли достаточно сведений, позволивших Ставке ВГК своевременно провести сложные подготовительные мероприятия к сражениям на Курской дуге.

Напряженно действовала оперативная разведка. Разведотделы Брянского, Центрального и Воронежского фронтов направили в тыл неприятеля около 50 разведывательных групп. Партизанские отряды, действовавшие на Украине и особенно в Белоруссии уничтожали немецкие эшелоны с личным составом, военной техникой и боеприпасами[106]. Войсковые

разведчики на одном из участков фронта захватили в плен солдата 168-й пехотной немецкой дивизии. Он сообщил, что наступление назначено на рассвете 5 июля. Эти сведения были подтверждены другими источниками и доложены советскому командованию[107].

Оценивая деятельность всех видов военной разведки накануне и в ходе Курской битвы, Маршал Советского Союза Г. К. Жуков писал: «Благодаря блестящей работе военной разведки весной 1943 года мы располагали рядом важных сведений о группировке немецких войск перед летним наступлением. Хорошо работающая разведка была также одним из слагаемых в сумме причин, обеспечивших успех этого величайшего сражения»[108].

Военная разведка сумела добыть ценные сведения и военно-политического характера, которые были использованы членами советской правительственной делегации в ходе переговоров с лидерами США и Великобритании на Тегеранской конференции.

В 1943 г. при начальнике Генерального штаба была создана Группа по обобщению и анализу сведений о противнике (Группа по разведке). Главной ее задачей являлась оценка данных, поступавших в Москву от всех органов разведки и контрразведки НКО, НКВД, НК ВМФ, Главного управления «Смерш» и партизанских штабов. Деятельностью Группы по разведке руководил генерал-полковник Ф. И. Голиков.

На основе добытых разведывательных сведений о противнике Группа по разведке в 1943 г. подготовила несколько важных документов, в которых оценивалось состояние вооруженных сил Германии, ее экономики, военной промышленности и стратегических резервов. Эти доклады направлялись И. В. Сталину, членам ГКО и начальнику Генерального штаба.

В 1943–1944 гг. стратегической агентурной разведкой Наркомата обороны были добыты ценные сведения военного и военно-политического характера. Силы оперативной разведки провели специальные операции по уничтожению представителей А. Гитлера в Белоруссии. В ходе Варшавского восстания по указанию Верховного главнокомандующего в столицу Польши была направлена группа военных разведчиков, которая помогала советскому командованию оказывать помощь восставшим полякам. Этой группой руководил разведчик И. А. Колос[109]. Важные сведения о противнике добывали фронтовые разведчики Г. И. Братчиков, И. Н. Банов, А. Д. Попов, Ф. И. Кравченко, Н. П. Фёдоров и другие.

На завершающем этапе войны командование Разведывательного управления Генерального штаба забрасывало в тыл противника радиофицированные разведывательные группы. В их состав входили военные разведчики — офицеры Красной армии, а также антифашисты — немцы, поляки, чехи, словаки. Эти разведгруппы действовали эффективно, добывали ценные сведения и проводили в тылу противника диверсионные акты, наносившие ему значительный материальный ущерб. Одну из таких групп возглавлял польский поручик Я. Ментким (псевдоним Бернард). Руководимая им разведгруппа за сентябрь 1944 — февраль 1945 г. передала в штаб 1-го Белорусского фронта более 120 радиограмм о перебросках немецких войск, создании оборонительных рубежей, оборудовании стартовых площадок для ракетных установок ФАУ-2[110].

В годы Великой Отечественной войны военная разведка добыла важные сведения о работах в Англии и США по созданию атомной бомбы. В целях концентрации усилий советской разведки по добыванию атомных секретов, в начале 1944 г. в Москве было проведено совещание руководителей военной разведки и разведки НКВД. Главным разведывательным органом СССР, ответственным за добывание сведений о производстве в США атомного оружия, была определена разведка Наркомата внутренних дел СССР. Было принято решение о передаче разведке НКВД всех агентов военной разведки, которые имели доступ к атомным секретам США. Продолжали действовать в США разведчики-нелегалы А. А. Адамс, Ж. А. Коваль и Я. П. Черняк. Сотрудники ГРУ смогли добыть около 5875 листов секретных документов, раскрывавших технологию производства атомной бомбы, и 25 ценных образцов[111].

В целом в годы Великой Отечественной войны военная разведка эффективно решала поставленные перед ней задачи. В 1943–1945 гг. около 200 тыс. военных разведчиков были награждены орденами и медалями, а 581 удостоен звания Героя Советского Союза. Среди них Р. Зорге, Ф. И. Кравченко, Н. П. Фёдоров, Е. Г. Мазаник, М. Б. Осипова, И. Н. Банов,

А. Д. Попов и другие. Звание Героя России присвоено военным разведчикам А. А. Адамсу, В. Д. Волошиной, Ж. А. Ковалю, И. А. Колосу и Я. П. Черняку.

Контрразведка. В сложной обстановке накануне и в ходе Великой Отечественной войны действовали контрразведывательные органы. При подготовке к нападению на СССР немецкое командование особое внимание уделяло разведывательно-подрывному обеспечению будущих боевых действий. Составной частью подготовки войны являлись попытки создать в СССР «пятую колонну» и повстанческие формирования для парализации тыла Красной армии. С каждым месяцем подготовки к войне разведывательная деятельность нарастала. Весьма благоприятные возможности для сбора разведывательных данных с легальных позиций открылись перед германскими спецслужбами в 1939 г. после заключения между Германией и СССР Пакта о ненападении. Германское командование максимально использовало свои возможности для наращивания разведывательной и подрывной деятельности. В условиях значительного роста торговых и экономических связей с СССР на коммерческие и некоторые руководящие посты многих германских фирм назначались кадровые разведчики и опытные агенты, в ряде компаний были учреждены особые подразделения и должности для взаимодействия со спецслужбами Германии.

Военной разведке Германии в интересах вермахта удалось собрать ценную информацию о дислокации и силах частей и соединений Красной армии в западных регионах СССР. В остальном большая часть разведывательных данных, поступавших накануне Великой Отечественной войны из СССР в Германию, носила общий, неконкретный характер — сказался установленный в СССР жесткий контрразведывательный режим. В своей оценке военно-экономического потенциала и мобилизационных возможностей СССР немецкое командование допустило очевидные просчеты.

С началом боевых действий в задачи вражеских агентов, диверсионно-разведывательных групп и их пособников входило добывание военной информации в армейском и фронтовом тылу Красной армии, распространение дезинформационных и панических слухов, совершение диверсий и террористических актов, вывод из строя линий связи, захват, удержание до подхода воинских частей вермахта или уничтожение стратегически важных объектов, имеющих военное значение. Однако в связи с перспективами затяжной войны противник в конце лета 1941 г. вынужден был скорректировать деятельность своих спецслужб. С осени 1941 г. они распространили свои устремления на Поволжье, Урал и Сибирь. Абвер начал создавать новые разведывательные школы и курсы по подготовке шпионов и диверсантов. Первых агентов-выпускников стали забрасывать в глубокий тыл СССР лишь в марте 1942 г. Однако появление под Москвой свежих дивизий Красной армии, сыгравших решающую роль в контрнаступлении, стало для германского командования полной неожиданностью.

Массовой заброской своей агентуры противник пытался осуществить крупномасштабную операцию по разложению советского тыла. Но развернуть масштабную разведывательно-диверсионную деятельность, равно как саботаж и вредительство, опираясь на местное население, было для германских спецслужб нереально: их попытки создать в СССР «пятую колонну» оказались безуспешными. Основной причиной неудач немцев являлось то, что у них не было в достаточном количестве преданных агентов. Ко времени начала заброски агентов-парашютистов в глубокий тыл СССР, то есть к марту 1942 г., со всей очевидностью проявился авантюризм очередного германского «натиска на Восток». Поражение под Москвой негативно отразилось на умонастроениях постоянного и переменного состава школ и курсов абвера. Большинство агентов, завербованных из числа пленных красноармейцев, будучи заброшенными на советскую территорию, по сфабрикованным немцами личным документам устраивались на работу, обзаводились семьями, однако никаких мер по выполнению заданий германской разведки, как правило, не предпринимали и бесследно для своих бывших хозяев растворялись среди населения. Значительное количество агентов германских спецслужб являлись с повинной. Таким образом, надежной сети в промышленных центрах и на железнодорожных коммуникациях СССР германской разведке создать не удалось. Ни разведывательные, ни диверсионные, ни иные подрывные устремления противник через

своих агентов в полной мере реализовать не смог. Подтверждением тому является успешное сосредоточение крупных сил Красной армии под Сталинградом к середине ноября 1942 г., которое для германского командования оказалось неожиданным. Несмотря на масштабность подготовительных мероприятий к контрнаступлению, информация о них к противнику не поступила. Начиная с Курской битвы, деятельность германских спецслужб на советско-германском фронте окончательно перешла на тактический уровень в прифронтовой полосе.

В ходе тяжелейших оборонительных боев летом 1941 г. органы государственной безопасности осуществляли контрразведывательное обеспечение мобилизационного развертывания советских частей и соединений, практически заново налаживали агентурно-оперативную работу в действующей армии, осуществляли государственный контроль над выполнением в войсках директив высшего военно-политического руководства страны. Важным направлением деятельности органов военной контрразведки являлись контрразведывательные мероприятия по защите штабов, узлов связи, войск правительственной связи. Кроме того, на начальном этапе войны основные усилия военных контрразведчиков были подчинены решению задач по оказанию содействия военному командованию в повышении боеспособности частей и соединений, непосредственной борьбе с захватчиками, с подрывной деятельностью германских спецслужб.

В условиях быстрого продвижения вражеских войск в глубь территории Советского Союза важное значение для поддержания высокой организованности и дисциплины на фронте и в тылу приобрели борьба с изменой Родине, антисоветской пропагандой, дезертирством, трусостью, паникерством, решительное пресечение распространения провокационных слухов, а также враждебных действий преступных и других антиобщественных элементов. От результатов этой борьбы в определенной мере зависело укрепление морального духа бойцов на фронте и тружеников в тылу, успех борьбы с врагом в целом.

В общем процессе усиления централизации всех звеньев государственного управления в июле 1941 г. органы госбезопасности подверглись существенной реорганизации. В соответствии с постановлением ГКО от 17 июля 1941 г. третьи управления Наркомата обороны, третьи отделы и отделения фронтов, округов, флотов, армий, корпусов, дивизий преобразовывались в особые отделы, которые были подчинены Управлению особых отделов НКВД СССР. На них были возложены задачи организации борьбы со шпионами, диверсантами, дезертирами, паникерами и трусами в частях и соединениях Красной армии и войск НКВД (10 января 1942 г. аналогичным образом были реорганизованы структуры военной контрразведки Наркомата Военно-морского флота). Вслед за этим 20 июля наркоматы внутренних дел и государственной безопасности были вновь сведены в единый НКВД СССР во главе с Л. П. Берией, его первым заместителем стал бывший нарком госбезопасности В. Н. Меркулов[112].

Учитывая, что противник в начале войны забрасывал непосредственно в прифронтовую полосу парашютные десанты и диверсантов, с первых дней войны важное значение имела охрана тыла действующей армии. Количество агентов немецких разведывательных органов, забрасываемых непосредственно в зону боевых действий Красной армии, постоянно возрастало. Так, в 1941 г. немцы забросили в прифронтовые районы 55% всех агентов, направленных на территорию СССР, в 1942 г. — 54%, в 1943 г. — 53%, в 1944 г. — 63%, в 1945 г. — 88%[113].

Для руководства борьбой с вражескими десантами и диверсантами в НКВД СССР был организован штаб, а в НКВД прифронтовых союзных республик и в некоторых областях и краях РСФСР — оперативные группы, на которые возложена задача по ликвидации вражеских десантов и диверсантов. Борьба с разведывательно-подрывной деятельностью противника в ближайшем тылу стала одной из основных задач особых отделов НКВД, но массовые заброски шпионов и диверсантов в прифронтовую полосу вызвали необходимость привлечения не только оперативных, но и значительных войсковых сил для усиления охраны тыла фронта, обеспечения безопасности стратегических объектов страны. Начальникам охраны войскового тыла подчинялись пограничные и внутренние войска НКВД. В короткие сроки была создана заградительная система. На путях предполагаемого движения агентов противника выставлялись контрольно-пропускные пункты, дозоры и секреты из числа военнослужащих

подразделений заградительной службы. В прифронтовые населенные пункты, на железнодорожные станции направлялись патрули в целях проверки документов и задержания подозрительных лиц. Для осмотра мест вероятного появления агентов противника высылались дозоры, которые вели «зачистку» лесных массивов.

В первые месяцы войны эффективность заградительных мер в тылу действующей армии не отвечала предъявляемым требованиям. Летом 1941 г. несанкционированное оставление частями и соединениями рубежей стало принимать практически массовое явление. В своей директиве от 27 июня 1941 г. 3-е управление НКО СССР потребовало от органов контрразведки активизировать борьбу с дезертирством. Согласно директиве Ставки ВГК от 12 сентября 1941 г. началось создание заградительных отрядов в стрелковых дивизиях Юго-Западного фронта. Вскоре заградотряды были созданы и на других фронтах. Командирами этих отрядов назначались, как правило, сотрудники особых отделов, а личный состав набирался из военнослужащих внутренних и пограничных войск НКВД.

В октябре 1941 г. в докладе члену ГКО Л. П. Берии отмечалось, что с начала войны и до 10 октября сотрудники органов военной контрразведки и заградительные отряды НКВД задержали 657 364 военнослужащих, отставших от своих частей и бежавших с фронта, в том числе заградительными отрядами войск НКВД по охране тыла — 407 395 человек[114]. Из общего числа задержанных 25 878 человек были арестованы, а остальные (632 486 человек) обращены на формирование подразделений и частей и вновь направлены на фронт.

Жесткие решения принимались и в 1942 г. Приказом наркома обороны СССР № 227 от 28 июля 1942 г. были введены чрезвычайные меры, направленные на усиление сопротивления врагу, повышение стойкости войск. Требовалось в составе армии создать «3–5 хорошо вооруженных заградительных отрядов (до 200 человек в каждом)»[115]. Начальниками заградотрядов назначались проверенные в боях сотрудники особых отделов НКВД. Согласно сообщению НКВД СССР в ГКО и Генеральный штаб от 23 сентября 1942 г., заградительными отрядами 62-й и 64-й армий за сутки были задержаны 659 человек[116]. После стабилизации положения на фронтах в конце 1942 — начале 1943 г. масштабы дезертирства уменьшились, хотя отдельные факты встречались до конца войны.

Большую роль органы разведки и контрразведки играли в развитии партизанского движения в тылу врага. С весны 1942 г. при партизанских формированиях стали создаваться оперативно-чекистские группы, выполнявшие, по сути, функции особых отделов в действующей армии. Наиболее эффективно участие органов безопасности в партизанском движении осуществлялось в организации разведывательно-диверсионной и контрразведывательной деятельности, переброске партизанских формирований в тыл противника.

По мере перехода советских войск к активным боевым действиям особое значение приобретала партизанская разведка. В Центральном штабе партизанского движения, республиканских, фронтовых и областных штабах партизанского движения были образованы разведывательные отделы. Во всех партизанских соединениях и отрядах были назначены заместители командиров по разведке, как правило, кадровые сотрудники органов безопасности. Для сбора разведывательной информации велись агентурная разведка, визуальное наблюдение, допрос захваченных пленных, анализ трофейных документов, опрос перебежчиков и местных жителей.

Одним из направлений контрразведывательной деятельности органов безопасности являлось обеспечение безопасности партизанских формирований, их надежное ограждение от подрывной деятельности спецслужб противника. Проводилась тщательная проверка новых лиц, принимаемых в партизанские отряды, обеспечивалась личная безопасность руководства партизанских формирований, осуществлялась дезинформация противника, ликвидация лжепартизанских отрядов. В 1943–1944 гг. органами безопасности на базы крупных партизанских соединений А. Н. Сабурова, С. А. Ковпака, В. А. Бегмы и других были заброшены оперативные группы «Дружба», «Разгром», «За Родину», «Ходоки», «Утес», «Волынцы», «Неуловимые», «Заднестровцы» и «Унитарны», которые занимались контрразведывательной работой по обеспечению безопасности партизанских формирований[117].

В тесной связи с партизанским движением на оккупированной территории с первых же дней войны стало формироваться и быстро получило развитие самостоятельное направление в деятельности органов государственной безопасности — зафронтовая деятельность органов безопасности. Для решения задач деятельности органов безопасности на территории, временно оккупированной немецкими войсками, 5 июля 1941 г. в НКВД СССР была сформирована особая группа, которая подчинялась непосредственно наркому внутренних дел. 3 октября 1941 г. особая группа была преобразована во 2-й отдел НКВД СССР, который возглавил П. А. Судоплатов[118].

Для организации зафронтовой работы в январе 1942 г. в структуре НКВД СССР было создано 4-е управление, основные усилия которого сосредоточивались на организации и руководстве агентурно-разведывательной и диверсионной деятельностью в тылу противника, а также в угрожаемых районах СССР. Непосредственную работу вели оперативные группы. От них поступило 4418 разведывательных сообщений, из них 1358 было передано в Разведывательное управление Генштаба Красной армии, 619 — командующему авиацией дальнего действия, 429 — командующим и военным советам фронтов[119].

Велась большая работа по внедрению в разведывательные и контрразведывательные подразделения неприятеля сотрудников органов государственной безопасности. Это давало возможность снижать активность подрывной деятельности фашистских спецслужб. В 1943 г. за линию фронта были заброшены несколько сотен агентов контрразведывательных подразделений с задачей проникнуть в агентурную сеть разведывательных органов врага, из которых 57 внедрились в немецкие разведывательные органы и школы. В результате их деятельности было установлено 29 таких школ, добыта информация на 690 сотрудников и 1103 вражеских агента, перевербованы 69 агентов, впоследствии явившихся с повинной в советские органы безопасности[120].

Органами безопасности в годы Великой Отечественной войны было подготовлено и направлено в глубокий тыл противника 2222 оперативные группы, в составе которых находились около 15 тыс. оперативных работников. В подготовку чекистов для действий в тылу противника большой вклад внесла Отдельная мотострелковая бригада особого назначения НКВД СССР — она подготовила и направила в тыл противника 244 оперативные группы, насчитывавшие более 7 тыс. человек[121].

Разведывательно-диверсионными резидентурами 4-го управления НКГБ СССР в странах Восточной Европы и Германии были завербованы и легализованы 146 агентов. Многие их них и после окончания войны долго и успешно работали на советскую разведку[122].

Оперативные группы и отряды органов безопасности, действовавшие в тылу противника, уничтожили 157 тыс. немецких солдат и офицеров, ликвидировали 87 высокопоставленных немецких чиновников, разоблачили и обезвредили 2045 агентурных групп противника, пустили под откос 2852 железнодорожных эшелона, разбили и повредили 2923 паровоза, 30 547 вагонов и цистерн с горючим, взорвали 1325 железнодорожных и шоссейных мостов, разрушили свыше 254 км железнодорожного пути, 863 км линий связи, взорвали или сожгли 1364 промышленных предприятия и склада[123].

Около 12 тыс. оперативных работников и бойцов спецподразделений органов безопасности погибли в боях, в ходе разведывательно-диверсионных рейдов по территории противника, в процессе проведения боевых операций по захвату вооруженной агентуры противника, замучены в застенках гестапо и румынской сигуранцы.

Одной из форм организации контрразведывательной деятельности органов безопасности в годы Великой Отечественной войны являлось проведение ими контрразведывательных операций (радиоигр) с немецкой разведкой. Для оказания помощи войскам Красной армии главное внимание уделялось передаче дезинформации. Координацией деятельности органов безопасности по ведению радиоигр занимался вначале НКВД СССР, а с 1943 г. — Главное управление контрразведки «Смерш» НКО СССР.

Органы безопасности приступили к проведению контрразведывательных операций «в эфире» с германскими спецслужбами в 1942 г. Первое время эту работу вели сразу несколько

подразделений: 4-е управление НКВД, 1-й (немецкий) отдел 2-го (контрразведывательного) управления НКВД, в составе которого функционировало специальное отделение по радиоиграм, а также прифронтовые территориальные органы безопасности и внутренних дел. Установление радиосвязи с противником и использование для этой цели задержанных разведчиков могли осуществляться в каждом случае только с санкции и по указанию НКВД. Вся работа по использованию захваченных у германской агентуры радиостанций для дезинформации противника и проведения других агентурных комбинаций находилась в ведении 2-го управления НКВД СССР[124]. Весной 1943 г. все радиоигры были переданы в ведение 3-го отдела Главного управления контрразведки «Смерш» НКО СССР, который стал осуществлять координацию деятельности всех органов безопасности по организации и проведению этого вида контрразведывательных операций. В 4-м управлении НКГБ СССР продолжали вести лишь радиоигры «Монастырь», «Курьеры» и «Березино».

Основной оперативной задачей, которую решали органы безопасности в ходе проведения радиоигр, являлась парализация работы немецких спецслужб по основным линиям их деятельности: ведению разведки в прифронтовой полосе и на транспортных коммуникациях Советского Союза (радиоигры «Опыт», «Загадка», «Находка», «Борисов», «Контролеры», «Лесники»); ведению стратегической разведки в промышленных районах Урала, Сибири и Средней Азии (радиоигры «Фисгармония», «Дуэт», «Патриоты», «Тайник»); проведению на территории СССР диверсий и террористических актов против военных, советских и партийных руководителей («Подрывники», «Десант», «Туман»); созданию в Советском Союзе «фронта сопротивления», или «пятой колонны», путем объединения различного рода антисоветских элементов и обеспечения их необходимым вооружением («Монастырь», «Янус»); организации вооруженных выступлений против советской власти в национально-территориальных образованиях СССР («Арийцы», «Разгром», «Тростники»).

Еще одной задачей в ходе проведения радиоигр стало оказание реальной помощи Красной армии путем систематической передачи противнику дезинформации (радиоигры «Двина», «Узел», «Знакомые», «Развод», «Бурса», «Явка», «Танкист» и другие). Битвы под Сталинградом, Курском, Белорусская и Ясско-Кишинёвская операции советских войск — это далеко не полный перечень сражений, на исход которых в той или иной степени оказала влияние работа советских органов безопасности по дезинформации врага и обеспечению скрытности подготовки к наступлению.

Передача в эфир военной дезинформации проводилась только после утверждения Генеральным штабом текстов радиограмм, подготовленных контрразведчиками, с учетом почерка каждого агента и легенды о его разведывательных возможностях. Была детально отработана тактика ведения игр. Успех контрразведывательных операций отечественных органов безопасности во многом зависел от результатов работы радиоконтрразведывательной и дешифровальной служб, которые использовали новейшие оперативно-технические средства. За годы войны радиоконтрразведка определила местонахождение 1078 вражеских агентов-радистов[125].

Одной из крупнейших радиоигр советской контрразведки в годы Великой Отечественной войны стала игра, получившая кодовое наименование «Монастырь»[126]. Она началась осенью 1942 г. и закончилась весной 1945 г. В ходе этой радиоигры осуществлялись стратегическая дезинформация противника и проникновение в агентурную сеть абвера, действовавшую на территории Советского Союза. В ходе радиоигры (начиная с сентября 1944 г.) неприятелем было совершено 67 самолето-вылетов и сброшены на нашу территорию: 25 германских разведчиков (все арестованы), 13 радиостанций, из которых семь включены в игру с немцами, 644 места различного груза, в том числе 615 комплектов зимнего обмундирования, 20 пулеметов МГ-42, 100 винтовок и автоматов, 35 пистолетов, 2 тыс. гранат, 142 тыс. патронов, более 2,5 тонн мясопродуктов, 370 кг шоколада, 4 тонны хлеба, 400 кг сахара, 100 бутылок вина и прочее. Кроме того, было прислано 2 258 330 рублей советскими деньгами[127].

А всего за годы Великой Отечественной войны спецслужбами СССР было проведено 183 подобные контрразведывательные операции. Благодаря радиоиграм отечественным

органам безопасности удалось практически парализовать разведывательно-диверсионную активность абвера и СД, были арестованы более 400 сотрудников и агентов немецкой разведки, выявлены и разоблачены 1852 вражеских агента. Из них 554 агента-парашютиста входили в состав 172 диверсионных групп, 663 агента — в состав 242 разведывательных групп, 302 агента — в состав 35 разведывательно-диверсионных групп, 109 агентов-диверсантов и 224 агента-разведчика действовали самостоятельно. 681 вражеский агент явился с повинной в органы госбезопасности, 127 были убиты при задержании. У задержанных агентов-парашютистов было захвачено 376 коротковолновых радиостанций[128].

В процессе контрразведывательной деятельности в годы войны отечественные органы безопасности активно вели оперативный розыск сотрудников и агентов немецких спецслужб, обучавшихся в разведывательных и разведывательно-диверсионных школах Германии. Система специальных разыскных мероприятий, проводимых органами безопасности, включала организацию наблюдения за вероятными маршрутами движения шпионов, диверсантов, террористов к объектам их разведывательно-диверсионных устремлений, наблюдение за их родственниками и близкими связями, возможными местами появления или укрытия агентов противника, контроль над эфиром с помощью радиоконтрразведывательной службы в диапазоне волн, используемом противником для связи со своими агентами, выведывание при помощи агентов у родственников или близких связей разыскиваемых лиц об их местонахождении, проверку документов у подозрительных лиц, появившихся в полосе боевых действий или вблизи особо важных объектов промышленности, транспорта и связи, использование в розыске контрольно-заградительной службы, поиск агентов противника при помощи агентов-опознавателей и прочее.

Важную роль в розыске агентов противника играли специально созданные для этих целей подвижные оперативно-поисковые группы, укомплектованные из военнослужащих подразделений охраны штабов и подразделений охраны органов военной контрразведки, в которые, как правило, включали опознавателей. Они действовали на коммуникациях, ведущих к линии фронта, в местах вероятных укрытий и маршрутов передвижения агентуры противника, в прифронтовых населенных пунктах.

Важнейшей задачей органов госбезопасности с первых дней Великой Отечественной войны стало участие в перебазировании производительных сил из прифронтовых областей в восточные регионы страны. Одновременно выполнялась задача по уничтожению, выводу из строя или приведению в негодность не эвакуированных объектов экономики, инфраструктуры, материальных ценностей — всего, что могло быть использовано врагом в свою пользу. При этом территориальные органы госбезопасности выполняли функции государственного контроля в целях повышения эффективности работы хозяйственных, советских и партийных органов.

С объединением НКГБ и НКВД в единый Наркомат внутренних дел СССР были восстановлены расформированные в феврале 1941 г. Экономическое и Транспортное управления органов государственной безопасности и их подразделения на местах. Их сотрудники немедленно подключились к контрразведывательному обеспечению перестройки народного хозяйства страны и оказания содействия государственным органам в выполнении военно-хозяйственных планов.

Эффективность обеспечения безопасности экономики СССР в период Великой Отечественной войны во многом зависела от морально-патриотического состояния тыла. Доверие граждан к высшему политическому руководству страны в условиях крайнего напряжения физических и духовных сил являлось существенным фактором производительного труда и гарантированного снабжения фронта. Замалчивание, а порой и искажение реального положения дел на фронте, в экономике, жесткая цензура, ограничение каналов информации неизбежно приводили к появлению различного рода слухов. Для их предупреждения, борьбы с ними использовались в основном карательные методы. В промышленных городах, на предприятиях противниками советской власти очень часто распространялись листовки, письма с призывами к забастовкам. В них также распространялась информация о бедственном

положении людей, критиковались местные и центральные органы власти за неспособность защитить интересы народных масс. Распространение такой информации квалифицировалось как преступление, их исполнители подлежали розыску и уголовному наказанию.

Трудности и лишения военного времени подавляющее большинство трудящихся переносило мужественно и терпеливо. Вместе с тем проявления недовольства рабочих и служащих были бы абсолютно незначительными, если бы не многочисленные факты бездушного отношения к согражданам со стороны государственных и партийных чиновников. В деятельности районных, городских и областных исполкомов выявлялись нарушения законов при назначении пособий и льгот семьям красноармейцев. Территориальные органы государственной безопасности систематически получали тревожные сведения о фактах с «возможными политическими последствиями». Информация «о нездоровых политических настроениях трудящихся» потоком шла в инстанции, но обстановка почти не менялась, а в ряде случаев становилась даже хуже прежней. Различные нарушения местные органы власти допускали и при решении хозяйственных задач. Практиковались разного рода мобилизации и дополнительные виды трудовой повинности, у населения нередко изымали строительные материалы без всякого документального оформления, отбирали домашних животных в счет уплаты государственных налогов и поставок и прочее. Должностные преступления носили массовый характер. Органы государственной безопасности вскрывали многочисленные факты злоупотреблений служебным положением и информировали о них местные комитеты ВКП(б).

Осуществляя всестороннюю подготовку к войне, спецслужбы Германии тщательно изучали политические процессы в Советском государстве, стремясь вскрыть негативные факты и явления. Они фиксировали трудности и сложности национального вопроса в СССР и делали ставку на разжигание сепаратизма и межнациональной вражды во время войны. Спекулируя на фактах необоснованных репрессий, негативных моментах при осуществлении карательной политики, спецслужбы Германии, опираясь на агентуру, которую они имели в Польше, западных областях Украины и Белоруссии, Прибалтийских республиках и в других регионах страны, организовывали вооруженное националистическое подполье. Фашистская разведка активно предпринимала попытки использовать своих агентов из представителей антисоветских грузинских, армянских, азербайджанских, северокавказских эмигрантских организаций для разжигания повстанческой и диверсионно-террористической деятельности на Северном Кавказе и в Закавказье.

В 1941–1943 гг. органы безопасности вели борьбу в основном с формированиями, созданными немецко-фашистскими захватчиками в тылу советских войск в отдельных районах страны, главным образом на Северном Кавказе. Действовавшие еще в 1920–1930-х гг. в Северокавказском регионе банды с началом войны стали пополняться дезертирами из Красной армии, националистически настроенными жителями, а также лицами, скрывавшимися от преследования правоохранительных органов. Органы безопасности проводили массовые облавы, прочесывание отдельных участков местности, блокирование населенных пунктов для проверки документов, организовывали службу заграждения.

В целях усиления борьбы с различными националистическими подпольными формированиями органы безопасности начали активно вести агентурно-оперативную работу. На территории Северного Кавказа стал использоваться так называемый секторный метод. Всего было организовано 15 оперативных секторов, которым подчинялись районные и участковые оперативно-чекистские группы. Оперативные сектора находились в Грозненской области (пять секторов), в Дагестанской (пять), в Кабардинской (три), Северо-Осетинской АССР (один), в Грузинской ССР (один)[129]. Такой вид организации борьбы с бандгруппами и различными формированиями оказался наиболее эффективным на Северном Кавказе. Всего в 1941–1945 гг. на Северном Кавказе было ликвидировано 18 националистических формирований и около 850 бандгрупп, задержаны 30 130 дезертиров и уклонившихся от службы в армии, 13 723 преступных элемента[130].

С 1944 по весну 1945 г. центр тяжести борьбы с националистическим подпольем переместился на территорию Западной Украины, Западной Белоруссии и республик Прибалтики.

В это время органам НКВД — НКГБ пришлось дополнительно решать задачу борьбы с открытым организованным сопротивлением многочисленных и хорошо вооруженных крупных формирований националистического подполья. Особенно сложная обстановка сложилась в Западной Украине и Литве. Общая численность обученных формирований ОУН — УПА в Западной Украине оценивалась немцами в 80–100 тыс. бойцов. По заявлениям самих украинских националистов, она доходила до 400 тыс., а некоторые из них утверждали, что до 1 млн человек[131]. В ноябре 1944 г. в лесах Литвы находились примерно 33 тыс. человек, Латвии — 20 тыс. человек, а «лесное братство» Эстонии объединяло 15 тыс. человек[132]. По оперативным данным НКГБ — НКВД, на территории ряда западных областей Белорусской, Украинской ССР и Виленской области Литовской ССР активную борьбу вели польские подпольные организации и их вооруженные формирования, насчитывавшие до 100 тыс. человек, из которых 50% были вооружены стрелковым оружием[133].

После изгнания немецких оккупантов с территории западных областей Украины и Белоруссии, республик Прибалтики борьба с националистическим подпольем велась слабо. Местные органы власти уделяли этому вопросу недостаточное внимание. Осенью 1944 г. в решениях ЦК ВКП(б) «усиление борьбы против буржуазных националистов» стояло четвертым вопросом[134]. И лишь в конце 1944 г. на базе Отдела НКВД СССР по борьбе с бандитизмом было образовано Главное управление НКВД СССР по борьбе с бандитизмом (ГУББ НКВД СССР)[135]. В дополнение к имевшимся четырем бригадам внутренних войск НКВД (10 тыс. человек.) и четырем пограничным полкам по охране тыла (4 тыс. человек) в Ровенскую и Волынскую области (Западная Украина) были дополнительно направлены две дивизии, четыре бригады, один кавалерийский полк и один танковый батальон войск НКВД общей численностью 28 тыс. человек. На Западную Украину были командированы заместители наркома внутренних дел С. Н. Круглов и И. А. Серов с группой квалифицированных работников НКВД — НКГБ СССР[136]. Численность войск НКВД в Литве сначала была доведена до 10 тыс. человек, а вскоре их количество увеличилось до 13 тыс., еще 8 тыс. человек охраняли границу, железные дороги, линии правительственной связи и несли конвойную службу. Для оперативного руководства и координации действий войск НКВД был создан штаб по оперативному руководству чекистско-войсковыми операциям по ликвидации вооруженных формирований в Прибалтике во главе с командующим войсками НКВД Прибалтийского военного округа генерал-майором В. Н. Головко.

В первой половине 1944 г. войска НКВД вели боевые действия фактически «вслепую», по спешно составленным планам операций, без учета анализа особенностей тактики бандитских групп. Низкое качество подготовки боевых операций, слабые навыки привлекаемых сил, несогласованные действия зачастую приводили к срыву этих операций. Борьба с националистическим подпольем не давала желаемых результатов. Во второй половине 1944 г. допущенные ошибки были учтены. Органами безопасности стали создаваться небольшие оперативные группы из числа оперативных сотрудников и офицеров войск НКВД, которые вели преследование и ликвидацию бандгрупп. В националистические формирования стали активнее внедряться агенты органов безопасности, перед которыми ставились задачи по подведению их под удар подвижных опергрупп и по ликвидации главарей. Велась активная работа по разложению националистических формирований, склонению их участников к явке с повинной в органы безопасности. В результате проведенных мероприятий в 1944 — начале 1945 г. многих участников УПА удалось уничтожить или арестовать. Почти весь руководящий состав вооруженных формирований, в том числе и командующий УПА Д. Клячковский по прозвищу Клим Савур, был ликвидирован. Это привело к разложению части вооруженных формирований, многие их участники явились с повинной в органы НКВД и гарнизоны внутренних войск.

После значительных потерь в людской силе и утраты большого количества материально-технических баз главари ОУН изменили тактику: крупные вооруженные формирования были рассредоточены на мелкие (по 30–50 человек), боевики ушли в глубокое подполье и совершали внезапные налеты, устраивали засады, нападая на мелкие войсковые подразделения, обозы, местных активистов, минировали железнодорожные пути.

Учитывая изменившуюся обстановку и методы действий вооруженных формирований, органами безопасности были внесены коррективы в тактику борьбы с ними. Были созданы три оперативные группы, дислоцировавшиеся в Ровно, Львове и Луцке, которые действовали до августа 1945 г. В результате проведенных агентурно-оперативных и оперативно-войсковых мероприятий количество бандитских формирований значительно сократилось, их активность снизилась. Однако полностью ликвидировать националистическое подполье на Украине, в Белоруссии и Прибалтике к концу Великой Отечественной войны не удалось. Эта цель была достигнута лишь к середине 1950-х гг.

Отечественные органы государственной безопасности внесли весомый вклад в победу советского народа. Внешняя разведка, контрразведка, пограничные войска, специальные технические службы в борьбе с подрывной деятельностью спецслужб иностранных государств прошли суровую проверку в годы войны, с честью выполнили возложенные на них задачи.

Полководцы и военачальники Великой Отечественной

Тотальный характер войн с привлечением многомиллионных армий и значительного количества военной техники и различного оружия, начиная как минимум с Первой мировой войны, обусловил существенный рост потребности в управлении воюющими массами, совершенствовании уровня руководства вооруженной борьбой и, следовательно, неизмеримо повысил роль руководящих лиц. Особые требования стали предъявляться к уровню профессиональной квалификации командно-начальствующего состава вооруженных сил. Вторая мировая война закрепила тенденцию постоянного роста требований к военной элите как важнейшую характеристику современных войн[137].

В среде высших командиров армии и флота особую роль играла та категория, которую составляли полководцы и флотоводцы. Таковыми в военно-исторической литературе принято именовать военачальников оперативно-стратегического уровня, то есть командующих фронтами и армиями (общевойсковыми, танковыми и воздушными), командующих флотами и флотилиями[138].

Насколько же адекватными тем требованиям, которые предъявила Великая Отечественная война, оказались квалификация и деятельность высшего командного состава Вооруженных сил Советского Союза, какими факторами был обусловлен его решающий вклад в победу над фашистской Германией? «Война — самая суровая проверка умения управлять войсками... — считал Маршал Советского Союза А. М. Василевский. — Решающим мерилом успешной полководческой деятельности в годы войны, конечно, являлось искусство выполнять задачи стратегических, фронтовых и армейских операций, наносить противнику серьезные поражения». И далее: «Наши командующие фронтами и армиями располагали знаниями и опытом, они были талантливыми военачальниками, умеющими правильно оценивать оперативно-стратегическую обстановку, принимать более удачное и неожиданное для врага решение по ней, совместно со своим штабом разработать наиболее простой, но не шаблонный, а выгодный для войск план проведения операции, быстро и тщательно подготовить войска для выполнения принятого решения»[139].

И. В. Сталин, лидер Советского государства, специального военного образования не имел. Полученное им в 1943 г. маршальское звание стало первым в его военной биографии. В годы войны он занимал шесть высших постов в партии и государстве: секретаря ЦК ВКП(б), председателя Совета народных комиссаров СССР, председателя Государственного Комитета Обороны, председателя Ставки Верховного главного командования, Верховного главнокомандующего Вооруженными силами Советского Союза, наркома обороны СССР. Учитывая менталитет советского народа и крайнюю степень централизации государственной власти, принятие им на себя важнейших государственных обязанностей в целом положительно

сказалось на отражении фашистской агрессии. Как политический руководитель он имел немало достоинств. Маршал А. М. Василевский, чаще других полководцев встречавшийся с И. В. Сталиным, считал его, особенно со второй половины Великой Отечественной войны, «самой сильной и колоритной фигурой стратегического командования»[140]. Маршал отмечал в Верховном главнокомандующем огромный природный ум, удивительно большие познания, способность аналитически мыслить, жесткую требовательность. С таким выводом выражали солидарность многие полководцы, государственные и военные деятели. Верховный всегда хорошо представлял себе обстановку на фронтах, твердо помнил состав и дислокацию резервов. Благодаря феноменальной памяти он знал не только командующих фронтами и армиями, но и многих командиров корпусов и даже дивизий. Он поддержал выдвижение ряда военачальников, ставших гордостью вооруженных сил: К. К. Рокоссовского, Л. А. Говорова, И. Д. Черняховского, П. С. Рыбалко, П. А. Ротмистрова, К. С. Москаленко, других талантливых маршалов и генералов.

В то же время выполнение И. В. Сталиным функций Верховного главнокомандующего было весьма противоречивым. На его деятельности, особенно в первые годы войны, отрицательно сказывались отсутствие систематизированных военных знаний и боевого опыта, недостаточное стремление опираться на профессиональных военных и гипертрофированная вера в собственную непогрешимость. Неоспоримо его умение быстро вникать в суть сложных военно-политических вопросов и подчинять интересам политики решение экономических и стратегических проблем. Например, У. Черчилль был поражен, насколько быстро, буквально молниеносно «русский диктатор» раскрыл суть показанного ему плана «Торч» по высадке союзников в Северной Африке, над которым, как писал британский премьер, «мы так настойчиво бились на протяжении ряда месяцев»[141].

Однако И. В. Сталин нередко превращал политику в самоцель, не учитывая при этом военно-стратегические соображения. Скажем, в 1942 г. по следам успешной Московской битвы он, вопреки точке зрения Г. К. Жукова и мнению Генерального штаба, настоял на плане стратегического наступления на всем протяжении советско-германского фронта, хотя сил и средств у Красной армии для этого не было. Подобный просчет обернулся тяжелыми поражениями в районе Любани, в Крыму и под Харьковом и утратой завоеванной стратегической инициативы.

По поводу способностей вождя к стратегическому руководству войсками высказано немало точек зрения, в том числе и противоречащих друг другу. «До Сталинградской битвы И. В. Сталин практически слабо разбирался в вопросах военной стратегии и еще хуже в оперативном искусстве, — подчеркивал Г. К. Жуков в своих мемуарах. — Слабо разбирался и в организации современных фронтовых и еще хуже армейских операций. В начале войны он пытался проявить свое личное оперативно-стратегическое творчество, основанное на его опыте времен Гражданской войны, но из этого ничего хорошего не получилось. До разгрома немецких войск в районе Сталинграда он имел поверхностное понятие о взаимодействии в операциях всех родов войск и видов вооруженных сил»[142]. По свидетельству полководца, Верховный главнокомандующий только через полтора года войны начал более или менее разбираться в тактических и оперативно-стратегических вопросах. Эту точку зрения разделял и маршал А. М. Василевский: «Завершился процесс роста И. В. Сталина как военачальника после Сталинградской и особенно после Курской битв, когда он поднялся до вершин стратегического руководства. Теперь Сталин стал мыслить категориями современной войны»[143].

Наибольшее влияние на становление И. В. Сталина как Верховного главнокомандующего, по мнению историков, оказали маршалы Б. М. Шапошников, А. М. Василевский, Г. К. Жуков и генерал армии А. И. Антонов. Так, А. И. Антонов, став в конце 1942 г. начальником Оперативного управления и заместителем начальника Генштаба, а по существу выполняя обязанности начальника в связи с постоянным пребыванием А. М. Василевского на фронтах, сумел сделать то, что многим представлялось немыслимым — упорядочить деятельность самого Верховного главнокомандующего. Были установлены точные сроки обработки поступающей с фронта информации, определено время докладов руководителей

важнейших структур Генерального штаба и Наркомата обороны, касающихся положения на фронтах, результатов разведки, тылового обеспечения, формирования резервов и прочего. Если до этого доклады И. В. Сталину об обстановке на фронтах строились во многом произвольно, а делали их разные и далеко не всегда самые квалифицированные лица вплоть до комиссара Генштаба, то А. И. Антонов убедил Верховного главнокомандующего в необходимости ввести эту работу в строго упорядоченное русло. Теперь обстановка докладывалась трижды в сутки: в течение дня, как правило, по телефону, а поздно вечером А. И. Антонов подводил итоги лично.

По мере накопления опыта войны ошибок и просчетов у Верховного главнокомандующего стало заметно меньше. И. В. Сталин уже более взвешенно и здраво оценивал возможности Красной армии и потенциал противника. Так, в ходе подготовки Курской битвы он, помня о неудачных попытках стратегического наступления в 1942 г., предпринятого под его давлением, одобрил план, который предусматривал переход к преднамеренной обороне, хотя Вооруженные силы Советского Союза уже обладали достаточным потенциалом для наступления. Обескровив врага в оборонительных боях, выбив его танки, советские войска перешли в контрнаступление и в короткий срок отбросили противника за Днепр.

В И. В. Сталине совмещались, казалось бы, диаметрально противоположные черты: всемерное радение о величии Советского Союза и самонадеянность, в 1941–1942 гг. поставившая страну на грань национальной катастрофы; внимание к кадрам и редкая жестокость к людям-«винтикам»; стратегический ум и поощрение тщеславия. Своим личным триумфом он обязан народу.

Что же касается командующих, то их деятельность была во многом предопределена позицией Верховного главнокомандующего по вопросам планирования, обеспечения и организации боевых действий, а также его отношением к конкретному военачальнику. В годы Великой Отечественной войны должности командующих фронтами занимали 43 маршала и генерала (таблица 1). Динамика изменений в этой категории военачальников в течение первого периода войны была чрезвычайно высокой. Совпали сразу несколько факторов: образование новых оперативно-стратегических объединений, гибель нескольких генералов, постоянная замена одних командующих другими по причине выявившейся в сражениях профессиональной несостоятельности многих маршалов и генералов. Потребность в подготовленных военачальниках резко выросла, а даже небольшой резерв командных кадров оперативно-стратегического и оперативного уровня отсутствовал. Негативную роль сыграла и чистка армии от неугодных военачальников в 1930–1941 гг. Пик пришелся, как известно, на 1937–1938 гг., но и в годы Великой Отечественной войны, особенно в 1941 г., наблюдались ее рецидивы[144]. По некоторым подсчетам, общее число лиц высшего командного, начальствующего и политического состава РККА (от бригадного до высшего звена), репрессированных в 1936–1941 гг., составило 932 человек, в том числе 729 были расстреляны[145]. Накануне и в первый год Великой Отечественной войны примерно 60 генералам, адмиралам, комдивам, комбригам и им равным удалось выйти на свободу и вернуться в строй, среди них К. К. Рокоссовский, К. А. Мерецков, А. В. Горбатов, К. Н. Галицкий, Л. Г. Петровский.

Из-за острейшего кадрового голода за первые 14 месяцев войны на должностях командующих фронтами побывали 36 человек. Это много, учитывая, что в этот период действовало от пяти до десяти фронтов. Так, на Западном фронте за четыре месяца войны сменились семь командующих. «Мы не имели заранее подобранных и хорошо обученных командующих фронтами, армиями, корпусами и дивизиями, — признавал Г. К. Жуков. — Во главе фронтов встали люди, которые проваливали одно дело за другим (Павлов, Кузнецов, Попов, Будённый, Черевиченко, Тюленев, Рябышев и др.). На армии ставились также малоизученные и неподготовленные люди. Иначе и не могло быть, так как подготовленных еще в мирное время кандидатов на фронты, армии и соединения у нас не было. Людей знали плохо. Наркомат обороны в мирное время не только не готовил кандидатов, но даже не готовил командующих фронтами и армиями»[146]. Показательно, что эти нелицеприятные выводы Г. К. Жуков сделал не много лет спустя, а, что называется, по горячим следам, в 1944 г. Так что острота проблемы

Командующие фронтами в годы Великой Отечественной войны

И. Р. Апанасенко

П. А. Артемьев

И. Х. Баграмян

И. А. Богданов

С. М. Будённый

А. М. Василевский

Н. Ф. Ватутин

К. Е. Ворошилов

Л. А. Говоров

Ф. И. Голиков

В. Н. Гордов

А. И. Ерёменко

М. Г. Ефремов

Г. К. Жуков

Г. Ф. Захаров

М. П. Кирпонос

Ф. И. Кузнецов

П. А. Курочкин

Р. Я. Малиновский

И. И. Масленников

М. А. Пуркаев

М. А. Рейтер

К. К. Рокоссовский

Д. И. Рябышев

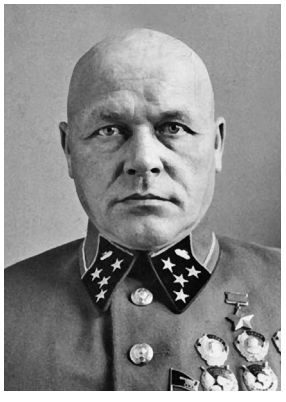
М. П. Ковалёв

Д. Т. Козлов

И. С. Конев

Ф. Я. Костенко

К. А. Мерецков



Д. Г. Павлов

И. Е. Петров

М. М. Попов

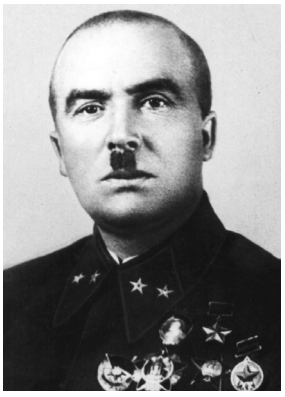
П. П. Собенников

В. Д. Соколовский

С. К. Тимошенко

Ф. И. Толбухин

И. В. Тюленев



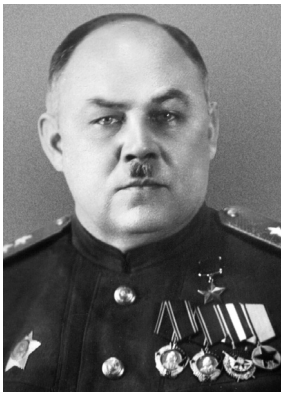
И. И. Федюнинский

В. А. Фролов

М. С. Хозин

Я. Т. Черевиченко

И. Д. Черняховский



Н. Е. Чибисов

Начальники Генерального штаба РККА в годы Великой Отечественной войны

Г. К. Жуков
(январь — июль 1941 г.)

Б. М. Шапошников
(июль 1941 — май 1942 г.)

А. М. Василевский
(май 1942 — февраль 1945 г.)

А. И. Антонов
(февраль 1945 — март 1946 г.)

Командующие флотами в годы Великой Отечественной войны

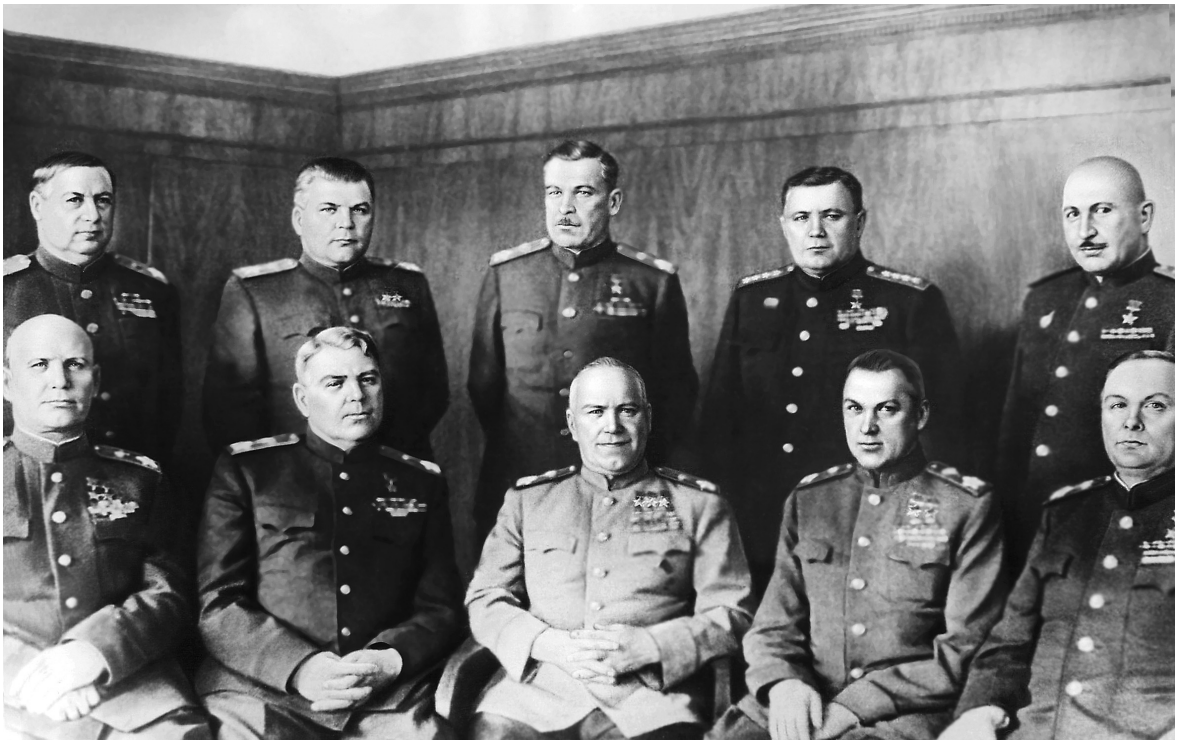
Л. А. Владимирский

А. Г. Головко

Ф. С. Октябрьский

В. Ф. Трибуц

И. С. Юмашев



Командующие фронтами на заключительном этапе Великой Отечественной войны.
Слева направо сидят: И. С. Конев, А. М. Василевский, Г. К. Жуков, К. К. Рокоссовский, К. А. Мерецков;
стоят: Ф. И. Толбухин, Р. Я. Малиновский, Л. А. Говоров, А. И. Еременко, И. Х. Баграмян

осознавалась еще в ходе войны, и заместитель Верховного главнокомандующего говорил о ней в свойственной ему манере — предельно откровенно, не сглаживая углов.

Корпус командующих фронтами, по существу, сформировался лишь к осени 1942 г. В последующие 32 месяца войны такое высокое назначение получили всего семь новых военачальников из 43. Что было общим, типичным для корпуса командующих фронтами? Среди них нет ни одного человека, кто занимал в старой армии сколько-нибудь заметный пост. Большинство по происхождению крестьяне, реже — рабочие и мещане. А. М. Василевский — сын священника. Г. К. Жуков, К. К. Рокоссовский, И. С. Конев, С. К. Тимошенко, А. И. Ерёменко, С. М. Будённый вышли из солдатской среды императорской армии. А. М. Василевский, Л. А. Говоров, Ф. И. Толбухин, И. Х. Баграмян дослужились там до офицеров, но невысокого ранга. Лишь М. А. Рейтер имел полковничий чин. Потом они добровольно вступили в Красную армию. Единственный из будущих полководцев — Л. А. Говоров на некоторое время оказался по другую сторону баррикад: в 1918–1919 гг. служил у А. В. Колчака, будучи насильственно мобилизованным. Потом бежал и, встретившись с частями Красной армии, вступил в нее добровольцем. Как ни покажется невероятным, но этот факт биографии на карьере Л. А. Говорова не отразился. Более того, в 1942 г. он, командующий Ленинградским фронтом, был принят в ВКП(б) без прохождения кандидатского стажа, а в 1945 г. удостоился высшего полководческого ордена Победы.

Мастерство будущих крупнейших полководцев Великой Отечественной войны, а тогда довольно молодых полковников, комбригов и комдивов, крепло в 1930-е — начале 1940-х гг. в Испании и Китае, в боях в районе озера Хасан, на р. Халхин-Гол и Карельском перешейке. Много занимались они и военной теорией. В одной из книг Маршала Советского Союза И. Х. Баграмяна есть упоминание о том, что кое-кто из западногерманских генералов-мемуаристов утверждал: русские полководцы побили гитлеровцев потому, что, обучаясь в военной академии рейхсвера, усвоили военную премудрость по рецептам прусской военной школы. И. Х. Баграмян называет такие утверждения зловредной фальсификацией[147]. И не без основания. Советские полководцы учились дома, в военных академиях и на многочисленных курсах усовершенствования командного состава, учились напряженно, в большинстве своем понимая, что в век техники на привычном боевом коне далеко не уедешь. До 1941 г. успели прослушать курс Военной академии Генерального штаба И. Х. Баграмян, А. М. Василевский, Н. Ф. Ватутин, Л. А. Говоров, Г. Ф. Захаров, П. А. Курочкин. Высшее академическое образование имели 32 командующих, то есть каждые трое из четырех.

Таблица 1

Некоторые социально-демографические и служебные характеристики командующих фронтами в годы войны[148]

Фамилия, инициалы	Год рождения	Национальность	Образование*	Пребывание в должности	Причина выбытия с должности
Апанасенко И. Р.	1890	Русский	ВАФ	05.1941–06.1943	Перевод к новому месту службы
Артемьев П. А.	1897	Русский	ВАФ	12.1941–10.1943	Расформирование фронта
Баграмян И. Х.	1897	Армянин	ВАФ, ВАГШ	11.1943–05.1945 (с перерывами)	—
Богданов И. А.	1897	Русский	ВАФ	07.1941–08.1941	Снижение в должности
Будённый С. М.	1883	Русский	ВАФ	06.1941–08.1942 (с перерывами)	Отстранение от должности
Василевский А. М.	1985	Русский	ВАГШ	02.1945–05.1945	Отозван Ставкой ВГК для планирования Дальневосточной кампании

Ватутин Н. Ф.	1901	Русский	ВАФ, ВАГШ	07.1942–02.1944	Гибель в бою
Ворошилов К. Е.	1881	Русский	нет	08.1941–09.1941	Отстранение от должности
Говоров Л. А.	1897	Русский	ВАФ, ВАГШ	06.1942–03.1945	Расформирование фронта
Голиков Ф. И.	1900	Русский	ВАФ	04.1942–04.1943 (с перерывами)	Отстранение от должности
Гордов В. Н.	1896	Русский	ВАФ	07–08.1942	Отстранение от должности
Ерёменко А. И.	1892	Русский	ВАФ	06.1941–05.1945 (с перерывами)	—
Ефремов М. Г.	1897	Русский	ВАФ	08.1941–09.1941	Снижение в должности
Жуков Г. К.	1896	Русский	ВКУКС	08.1941–05.1945 (с перерывами)	—
Захаров Г. Ф.	1897	Русский	ВАФ, ВАГШ	10.1941–11.1944	Снижение в должности
Кирпонос М. П.	1892	Украинец	ВА	06.1941–09.1941	Гибель в бою
Ковалёв М. П.	1897	Русский	ВА	09.1941–05.1945	—
Козлов Д. Т.	1896	Русский	ВАФ	08.1941–05.1942	Отстранение от должности
Конев И. С.	1897	Русский	ВАФ	09.1941–05.1945 (с перерывами)	—
Костенко Ф. Я.	1896	Украинец	КУВНС	12.1941–05.1942	Гибель в бою
Кузнецов Ф. И.	1898	Русский	КУВНС, ВАФ	06.1941–08.1941	Снижение в должности
Пуркаев М. А.	1894	Мордвин	КУВНС, ВАФ	08.1942–05.1945	—
Рейтер М. А.	1886	Латыш	КУВНС, ВАФ	09.1942–07.1943	Снижение в должности
Рокоссовский К. К.	1896	Поляк	КУВНС	07.1942–05.1945	—
Рябышев Д. И.	1894	Русский	ВАФ	08.1941–11.1941	Отстранение от должности
Собенников П. П.	1894	Русский	КУВНС	07.1941–08.1941	Отстранение от должности
Соколовский В. Д.	1897	Русский	ВА	02.1943–04.1944	Отстранение от должности
Тимошенко С. К.	1895	Украинец	ВАК	07.1941–03.1943	Снижение в должности
Толбухин Ф. И.	1894	Русский	ВАФ	03.1943–05.1945	—
Тюленев И. В.	1892	Русский	КУВНС, ВАФ	06.1941–05.1945 (с перерывами)	—
Федюнинский И. И.	1900	Русский	КУВНС	10.1941	Снижение в должности
Фролов В. А.	1895	Русский	ВАФ	08.1941–02.1942	Снижение в должности
Хозин М. С.	1896	Русский	КУКС	10.1941–04.1942	Снижение в должности
Черевиченко Я. Т.	1894	Украинец	ВАФ	10.1941–03.1942	Снижение в должности
Черняховский И. Д.	1906	Украинец	ВАММ	04.1944–02.1945	Гибель в бою
Чибисов Н. Е.	1892	Русский	ВАФ	07.1942	Снижение в должности

* ВАФ — Военная академия имени М. В. Фрунзе; ВАГШ — Военная академия Генерального штаба; ВКУКС — Высшие курсы усовершенствования командного состава; ВА — Военная академия Генштаба; ВАК — Высшие академические курсы при ВА ГШ; ВАММ — Военная академия механизации и моторизации; КУВНС — Курсы усовершенствования высшего начальствующего состава; КУКС — Курсы усовершенствования командного состава.

Не удалось получить академического образования Г. К. Жукову и К. К. Рокоссовскому, но благодаря неустанной самостоятельной работе они свое редкое природное дарование обогатили военной теорией в полном объеме. Известный американский историк Г. Солсбери писал о Г. К. Жукове, что «он знал назубок всю классическую военную литературу от Цезаря до Клаузевица». Что же касается К. К. Рокоссовского, то он всю жизнь был истым книгочеем, неустанно учился, поражая сослуживцев общей и военной эрудицией[149].

Говоря о типичных чертах наших полководцев, уместно вспомнить о досье на них, обнаруженном среди трофейных немецких документов. Министр пропаганды Й. Геббельс 18 марта 1945 г. записал в своем дневнике: «Генеральный штаб прислал мне книгу с биографиями и фотографиями советских генералов и маршалов. Из этой книги можно вычитать много такого, что мы упустили сделать в прошедшие годы. Маршалы и генералы в среднем чрезвычайно молоды, почти ни одного старше 50 лет. За плечами у них богатая политико-революционная деятельность, все они убежденные коммунисты, весьма энергичные люди, и по лицам их видно, что вырезаны они из хорошего народного дерева. В большинстве случаев речь идет о сыновьях рабочих, сапожников, мелких крестьян и т. п. Короче говоря, приходишь к досадному убеждению, что командная верхушка Советского Союза сформирована из класса получше, чем наша собственная... Я рассказал фюреру о просмотренной мной книге Генерального штаба о советских маршалах и генералах и добавил: у меня такое впечатление, что с таким подбором кадров мы вообще конкурировать не можем. Фюрер полностью со мной согласился: наш генералитет слишком стар и слишком израсходовался»[150]. Дело, разумеется, не только в происхождении, не только в политических убеждениях, хотя и они играли огромную роль. Большинство наших полководцев оказались попросту талантливее, нежели гитлеровские фельдмаршалы и генералы. Есть все основания согласиться с утверждением И. Х. Баграмяна, что советские полководцы «по своему профессиональному уровню превзошли военачальников капиталистических стран» (прежде всего, конечно, фашистской Германии)[151].

Однако все это проявилось позже, по ходу войны. Испытания же первыми сражениями не выдержал ни один из командующих созданными 22 июня 1941 г. Северным, Северо-Западным, Западным, Юго-Западным и Южным фронтами: М. М. Попов, Ф. И. Кузнецов, Д. Г. Павлов, М. П. Кирпонос, И. В. Тюленев соответственно. В условиях, когда противник вследствие просчетов высшего политического и военного руководства Советского Союза сразу же захватил стратегическую инициативу, советские войска были бы вынуждены отступать независимо от того, кто ими руководил. Но, учитывая недостаточную подготовленность именно тех лиц, кто 22 июня встал во главе фронтов, события неизбежно должны были принять катастрофический характер, как, собственно, и произошло. За исключением генерала армии И. В. Тюленева, все названные выше генералы стали командующими фронтами «по принадлежности», поскольку руководили соответствующими военными округами, преобразованными во фронты. Но сколько-нибудь серьезного опыта командования объединениями не имели.

Генерал армии Д. Г. Павлов стал командующим Западным особым военным округом, реорганизованным в Западный фронт, немногим более чем за год до начала войны с Германией. Быстрому служебному росту он обязан героическим участием в национально-революционной войне в Испании и Советско-финляндской войне. В Испании он командовал лишь танковой бригадой, на пост командующего пришел с должности начальника Автобронетанкового управления РККА, получив в подчинение сразу 44 дивизии.

Генерал-полковник М. П. Кирпонос, будучи генерал-майором, тоже отличился в войне с Финляндией, где командовал стрелковой дивизией. Потом неполные три месяца возглавлял стрелковый корпус, откуда был назначен сразу командующим Ленинградским, а затем Киевским особым военным округом. Являясь командующим Юго-Западным фронтом, самым крупным по численности войск, имел в подчинении еще большие, чем Д. Г. Павлов, силы — 58 соединений. Новые масштабы оказались обоим военачальникам просто не по плечу. С первых же минут войны они утратили нити управления соединениями фронта, проявили

растерянность, ставили подчиненным войскам нереальные задачи. Это была не столько их вина, сколько беда. И, к глубокому сожалению, горе для вверенных им войск.

По-разному сложилась судьба первой пятерки командующих. Д. Г. Павлов был снят с должности уже через неделю, предан суду Военной коллегии Верховного суда СССР и вместе со своими ближайшими подчиненными расстрелян 22 июля 1941 г. М. П. Кирпонос погиб в окружении 20 сентября 1941 г. Остальные трое военачальников были отстранены от своих обязанностей. Ф. И. Кузнецов вскоре возглавил вновь образованный Центральный фронт, но не справился и с ним. Не проявил он себя и как командарм. В конце концов, И. В. Сталин удалил его из действующей армии, направив командующим одним из тыловых военных округов. И. В. Тюленев в 1942 г. возглавлял некоторое время воевавший Закавказский фронт, где и пробыл до конца войны. И лишь М. М. Попов, самый молодой из указанных лиц (к началу войны ему не исполнилось и 39 лет), позднее смог не только формально, по должности, но и фактически реализовать себя. В ходе войны он командовал армиями, фронтами, а завершил войну начальником штаба Ленинградского фронта.

Несмотря на большие потери и серьезные поражения, которые в начале войны потерпели вверенные им войска, первые командующие фронтами, думается, не заслуживают порицания потомков. Это были храбрые, мужественные люди, они буквально рвались в бой, кое-кто поплатился и жизнью. А воевали они, как умели. В августе 1941 г. И. В. Тюленев, помня о лихих рейдах 1-й конной армии, в которой ему довелось служить в Гражданскую войну, лично повел подчиненных в атаку, получив при этом ранение. И. В. Сталин, которому генерал позвонил из госпиталя, отчитал его за лихачество, резонно заметив, что не дело генерала армии ходить в атаки. И. В. Тюленев тяжело переживал этот разговор и, возвращаясь к нему в своих рассказах, восклицал: «Да мало ли чего не положено! Я ведь человек, а не параграф»[152].

То, что первые командующие оказались не на месте, стало следствием не только их личных и служебных качеств, но и пагубной кадровой политики. Уже первые сражения войны показали, что далеко не все герои боев в Испании, Китае, Монголии, Финляндии, которых И. В. Сталин накануне Великой Отечественной выдвинул на смену прежнему поколению военачальников, справлялись с многотрудными обязанностями. И вновь руководству страны, как и после Советско-финляндской войны, пришлось идти на кардинальное обновление высшего командного состава. Однако, как уже говорилось выше, необходимым кадровым резервом Верховное главнокомандование не располагало, поэтому вынуждено было следовать путем проб и ошибок. Те, кто сменил указанных выше командующих, также сравнительно быстро оставили свои посты.

На Северо-Западный фронт вместо Ф. И. Кузнецова в начале июля 1941 г. был назначен генерал-майор П. П. Собенников. Его опыт руководства армией исчислялся несколькими месяцами, причем в военное время — несколькими днями. Действовал он неудачно и через полтора месяца был заменен, а затем осужден. Президиум Верховного Совета СССР, лишив его генеральского звания и наград, помиловал и направил на фронт. Войну П. П. Собенников закончил в звании генерал-лейтенанта на должности заместителя командующего армией.

Генерал-лейтенант М. М. Попов, переведенный с должности командующего войсками Северного фронта на аналогичную должность на вновь созданный Ленинградский фронт, уже в начале сентября был заменен маршалом К. Е. Ворошиловым. Но И. В. Сталин быстро убедился, что бывший нарком обороны совершенно не владеет мастерством ведения современной войны. «Ставка считает тактику Ленинградского фронта пагубной для фронта, — телеграфировал Верховный главнокомандующий К. Е. Ворошилову 1 сентября 1941 г. — Ленинградский фронт занят только одним: как бы отступить и найти новые рубежи для отступления. Не пора ли кончить с героями отступления? Ставка последний раз разрешает Вам отступить и требует, чтобы Ленинградский фронт набрался духу честно и стойко отстаивать дело обороны Ленинграда». Но чем мог по-настоящему ответить военачальник, придерживающийся архаичных взглядов на военное искусство?

8 сентября гитлеровцам удалось прорваться к Ладожскому озеру и захватить Шлиссельбург. Связь с Большой землей по суше прервалась, город на Неве был полностью блокирован

врагом. Во главе Ленинградского фронта с 10 сентября встал генерал армии Г. К. Жуков. Для К. Е. Ворошилова этот опыт руководства фронтом оказался единственным. От предложения возглавить Волховский фронт он уклонился, заявив, что «не хочет проваливаться на этом деле». Полностью разочаровавшись в бывшем наркоме, И. В. Сталин больше не назначал его на самостоятельную командную работу оперативно-стратегического масштаба.

На западном и юго-западном направлениях поначалу также была сделана попытка прибегнуть к опыту довоенных маршалов. Командующим Западным фронтом был назначен нарком обороны С. К. Тимошенко. 10 июля, когда были учреждены особые органы стратегического управления — главные командования, он возглавил также главкомат на Западном стратегическом направлении. Маршал Советского Союза С. М. Будённый возглавил главкомат Юго-Западного направления (аналогичную должность на Северо-Западном направлении занял К. Е. Ворошилов). Но поскольку перелома в ходе неудачных для Красной армии сражений добиться не удалось, то И. В. Сталин отказался от услуг военачальников, исповедовавших в основном устаревшие представления о природе современной войны, формах и способах ведения боевых действий. С. М. Будённый в сентябре 1941 г. стал во главе Резервного фронта, действовал неудачно, был переведен на Северо-Кавказский фронт, где в августе 1942 г. и завершил ту часть своей биографии, которая была связана с командованием фронтами.

Из трех названных маршалов наиболее достойным, в целом оказавшимся на уровне требований современной войны был С. К. Тимошенко, который сменил С. М. Будённого на посту главкома Юго-Западным направлением и одновременно стал командующим Юго-Западным фронтом вместо погибшего генерал-полковника М. П. Кирпоноса. Бесспорно, он несет значительную долю ответственности за тяжелое поражение советских войск под Харьковом в мае 1942 г., но многое у него и в полководческом активе. Именно руководимые им войска Юго-Западного стратегического направления провели в ноябре 1941 г. первое в истории Великой Отечественной войны успешное контрнаступление в районе Ростова-на-Дону. Зимой 1943 г. он удачно руководил Демянской наступательной операцией на Северо-Западном фронте. Правда, после этого командовать фронтами ему уже не довелось. «Тимошенко в некоторых сочинениях оценивают совершенно неправильно, — высказывал свое мнение Г. К. Жуков, — изображают его чуть ли не как человека безвольного и заискивающего перед Сталиным. Это неправда. Тимошенко — старый и опытный военный, человек настойчивый, волевой и образованный и в тактическом, и в оперативном отношениях. Во всяком случае, наркомом он был куда лучшим, чем Ворошилов, и за тот короткий период, пока им был, кое-что успел повернуть в армии к лучшему. Случилось так, что... ему больше не поручалось командовать фронтами, хотя в роли командующего фронтом он мог быть много сильнее некоторых других командующих, таких, например, как Ерёменко. Но Сталин был на него сердит и после Харькова, и вообще, и это сказалось на его судьбе на протяжении всей войны. Он был человеком твердым, и как раз он никогда не занимался заискиванием перед Сталиным, если бы он этим занимался, вполне возможно, что он получил бы фронт»[153].

И, наконец, о положении с руководством боевыми действиями на Южном фронте. Генерал-лейтенант Д. И. Рябышев, сменивший И. В. Тюленева, командовал войсками около 40 дней. Новый командующий генерал-полковник Я. Т. Черевиченко продержался на должности до декабря 1941 г. К слову, оба они, старые кавалеристы, завершили войну, возглавляя стрелковые корпуса. Вероятно, это и был тот высший предел, на котором они могли успешно действовать, руководя войсками.

1941 г. был не только временем «отбраковки» тех военачальников, которые не смогли достойно проявить себя, управляя войсками фронтов. Все более активно проявляли себя те генералы, которые вынесли на себе основную тяжесть войны в этих и более высоких должностях. Это были полководцы новой формации: И. Х. Баграмян, Н. Ф. Ватутин, Л. А. Говоров, Г. К. Жуков, И. С. Конев, Р. Я. Малиновский, К. А. Мерецков, К. К. Рокоссовский, И. Д. Черняховский и некоторые другие, по праву руководившие решающими сражениями Великой Отечественной войны.

Несложная статистика поможет составить более полное представление о тех полководцах, которые заметно выдвинулись в ходе войны. Она длилась 46 месяцев, и 43 из них командовал фронтами И. С. Конев, более 36 месяцев — Л. А. Говоров, 34 месяца — К. К. Рокоссовский. Свое право вести в сражения огромные массы войск и техники они завоевали неоспоримыми достоинствами: умом, талантом, волей. При этом не следует забывать, что у руля фронтов они вставали не в ореоле славы, а сравнительно молодыми генералами, еще не очень известными. И выдержали конкуренцию с талантливыми военачальниками, назовем хотя бы таких же командующих фронтами и армиями на разных этапах войны: П. И. Батов, А. В. Горбатов, Г. Ф. Захаров, П. А. Курочкин, И. Е. Петров, М. М. Попов, М. А. Пуркаев.

Каждый из них отличался своим полководческим почерком. И. С. Конев, например, обладал редкой интуицией, умело сочетал мощь артиллерии с быстротой, натиском и внезапностью удара. Некоторые зарубежные военные историки называют его «гением внезапности». К началу войны это был вполне сложившийся, с большим опытом руководства войсками на всех уровнях, начиная с подразделения и заканчивая объединениями, военачальник. Военную форму И. С. Конев надел еще в Первую мировую войну. Вступив в Красную армию в августе 1918 г., всю Гражданскую войну прошел комиссаром, но все время тяготел к командной работе. В июле 1926 г. он был назначен командиром-военкомом полка, и уже на следующий год в его аттестации отмечалось, что И. С. Конев — «инициативный, энергичный и решительный командир». С сентября 1937 г. он командир 58-го особого стрелкового корпуса, командующий армией, командующий войсками Забайкальского, Северо-Кавказского (по июнь 1941 г.) военных округов. Много позже, в 1960-е гг., И. С. Конев предельно ясно изложил понимание того, как стать полноценным военачальником, способным командовать крупными соединениями и объединениями. Такого может создать только долгая военная школа, неторопливое, основательное прохождение всех ее ступеней, связанное с устойчивой любовью к пребыванию в войсках, проведению учений, непосредственному командованию, действиям в поле. Без этого, по убеждению маршала, разносторонний человек с хорошим военным образованием, волевой и имеющий свой почерк в действиях на поле боя, не может родиться. Не покомандовав полком, дивизией, корпусом, трудно стать полноценным командующим фронтом[154]. Нет сомнений, что к такому выводу видный полководец пришел, анализируя не только собственную службу, но и боевой путь многих других военачальников, в том числе тех, кто, вспыхнув, как звезда, так же быстро затухал. Маршал знал, о чем говорил. Сам И. С. Конев прошел все ступени без исключения. В годы Великой Отечественной войны командовал 19-й армией, войсками Западного, Калининского, Северо-Западного, Степного и 1-го Украинского фронтов. Ведомые им войска неизменно действовали на важнейших стратегических направлениях и отличились в Московской и Курской битвах, битве за Днепр, Кировоградской, Корсунь-Шевченковской, Уманско-Ботошанской, Львовско-Сандомирской, Висло-Одерской, Берлинской и Пражской операциях. Правда, И. С. Конев не всегда уверенно руководил войсками в обороне, особенно в начале войны. Так, будучи командующим Западным фронтом, защищавшим Москву, в сентябре 1941 г. допустил, как и командующий Резервным фронтом маршал С. М. Будённый, фактический развал фронта. Поправлять дело тогда пришлось Г. К. Жукову.

Непревзойденным мастером боевого применения артиллерии, человеком высочайшей организованности проявил себя Л. А. Говоров. К началу Великой Отечественной войны он был одним из наиболее образованных командиров в Красной армии: окончил Военную академию имени М. В. Фрунзе и Военную академию Генерального штаба РККА, занимался наукой. Во время войны с Финляндией испытал себя как практик в должности начальника штаба артиллерии 7-й армии. Великую Отечественную генерал-майор артиллерии Л. А. Говоров встретил на посту начальника Военно-артиллерийской академии. Когда в ходе битвы под Москвой был ранен командарм 5-й общевойсковой армии генерал Д. Д. Лелюшенко, на его место командующий Западным фронтом Г. К. Жуков выдвинул Л. А. Говорова, который возглавлял артиллерию Резервного и Западного фронтов. И не ошибся. В июне 1942 г. Л. А. Говоров принял командование уже войсками Ленинградского фронта. Этому фронту

он остался верен на протяжении всей войны. Вот один лишь пример его полководческого таланта. Перебравшись в Ленинград, он пришел, казалось бы, к немыслимому для условий блокированного города решению: придать обороне максимально активный характер. Для этого он задумал создать из сил, замкнутых вражеским кольцом, ударную (!) группировку для проведения крупной операции. И этот план методично и настойчиво проводил в жизнь. В течение лета и осени 1942 г. удалось, не нарушая устойчивости обороны, вывести из первого эшелона семь стрелковых дивизий. Забегая вперед, скажем, что созданная из них ударная группировка сыграла ключевую роль при осуществлении операции «Искра» по прорыву блокады Ленинграда. А 27 января 1944 г. под руководством генерала Л. А. Говорова блокада была полностью ликвидирована. Позднее по приказу Ставки он координировал действия своего, а также 2-го и 3-го Прибалтийских фронтов. Стратегические успехи полководца были заслуженно отмечены высшим военным орденом Победы.

Генерал армии К. А. Мерецков в отличие от большинства других полководцев, выдвинувшихся в ходе войны, к ее началу занимал должность заместителя наркома обороны, а до этого был начальником Генерального штаба. В качестве командующего армией отличился в войне с Финляндией, стал Героем Советского Союза. 23 июня он был неожиданно арестован по обвинению в военном заговоре. Только в сентябре, пройдя пытки и издевательства, по прямому указанию И. В. Сталина был освобожден и направлен на фронт. К. А. Мерецков стал командующим 7-й отдельной армией, которая в сентябре 1941 г. остановила наступление противника на рубеже р. Свирь, а затем возглавил 4-ю армию, участвовавшую в разгроме врага под Тихвином. В декабре 1941 г. К. А. Мерецков возглавил вновь образованный Волховский фронт и командовал им до февраля 1944 г. Чаще всего ему приходилось решать очень сложные задачи при ограниченных силах: Ставка направляла резервы в первую очередь на другие фронты, где в тот или иной момент определялся ход войны. Но полководец не подводил и при таком обороте дела. Когда встал вопрос об освобождении Карелии и Заполярья, Ставка, определяя, кому быть командующим Карельским фронтом, протянувшимся от Ладожского озера до полярных морей, вновь остановила выбор на К. А. Мерецкове. При нем войска фронта провели две наступательные операции: Свирско-Петрозаводскую (июнь — август 1944 г.), в ходе которой была освобождена Южная Карелия, и Петсамо-Киркенесскую (октябрь 1944 г.), завершившуюся изгнанием фашистов из Заполярья и северной части Норвегии. Обе эти операции относятся к выдающимся достижениям советского военного искусства, и их автор был по праву удостоен звания Маршал Советского Союза.

Сложная биография выпала на долю К. К. Рокоссовского. Он также подвергся репрессиям, но в отличие от К. А. Мерецкова был освобожден после трехлетнего заключения еще до войны, в марте 1940 г. Он вступил в командование кавалерийским корпусом, то есть вернулся на должность, которую занимал еще в 1936–1937 гг. За эти годы его бывший подчиненный Г. К. Жуков вырос до генерала армии, командующего Киевским особым военным округом. С первого дня Великой Отечественной войны генерал-майор К. К. Рокоссовский сражался во главе мехкорпуса на Юго-Западном фронте, командовал армейской группой, а затем вступил в командование легендарной 16-й армией, героически отстаивавшей Москву. С июля 1942 г. и до конца войны К. К. Рокоссовский командовал фронтами: Брянским, Донским, Центральным, Белорусским, 2-м Белорусским. Он принимал непосредственное участие в руководстве войсками в битвах под Москвой и Сталинградом, на Курской дуге, за освобождение Украины и Белоруссии, в Восточно-Прусской и Восточно-Померанской операциях, в завершающем разгроме нацистской Германии. Его отличали умение гибко маневрировать войсками в ходе операций, исключительно яркое творческое начало при планировании и организации боевых действий, твердый характер и воля. В ходе обсуждения в Ставке плана стратегической операции «Багратион» (по освобождению Белоруссии летом 1944 г.) произошла такая коллизия. Командующий предложил наступать сразу на двух участках фронта — так диктовал характер местности. И. В. Сталин не соглашался. Дважды посылал он командующего в соседнюю комнату «подумать», считая, что следует придерживаться канонов военного искусства, не распылять, как ему казалось, силы, а, наоборот, добиваться подавля-

ющего преимущества на одном участке. Но К. К. Рокоссовский настоял на своем и оказался прав. Начавшееся 24 июня наступление было успешным. За пять дней боев, прорвав оборону врага на 200-километровом фронте, войска 1-го Белорусского фронта окружили и уничтожили бобруйскую группировку и продвинулись в глубину более чем на 100 км. Темп наступления составлял 22 км в сутки. Так настойчивость К. К. Рокоссовского перед лицом Верховного главнокомандующего дала свои плоды. И оценена она была по достоинству: с 29 июня 1944 г. на плечах полководца появились погоны Маршала Советского Союза. 24 июня 1945 г. ему было предоставлено более чем заслуженное право командовать парадом Победы.

Среди выдающихся советских полководцев особо выделяется фигура маршала Г. К. Жукова. Войну он начал на посту начальника Генерального штаба. Однако некоторые историки полагают, что это назначение «следует считать серьезной ошибкой»[155]. Не слишком ли категорично? Вероятно, оно было не самым оптимальным, но никак не ошибкой, учитывая дальнейшую карьеру полководца. В самом деле, смог бы Г. К. Жуков так быстро стать ключевой фигурой в высшем командном составе РККА, если бы начал войну, будучи не начальником Генштаба, а командующим войсками военного округа? Находясь, пусть менее года, на втором по значимости посту в военной организации страны, он изнутри изучил механизм стратегического управления вооруженными силами и получил бесценный опыт управления для его последующей деятельности на постах командующего войсками ряда фронтов, заместителя Верховного главнокомандующего и представителя Ставки ВГК. Г. К. Жуков обладал редчайшим даром предвидения, что в первую очередь отличает талантливого полководца. Подтверждений этому — масса. Например, в июле 1941 г. в ставке германской армии еще только вынашивалась идея поворота части войск, наступавших на Москву, на юг для удара во фланг Юго-Западного фронта, а Г. К. Жуков, тогда начальник Генштаба, уже уловил готовившееся изменение в планах командования противника. Он аргументированно доложил И. В. Сталину свое видение предстоящих событий: противник на московском направлении пока наступать не будет, что же касается войск Юго-Западного фронта, то их следует отвести за Днепр, оставив при этом Киев. Вывод жесткий, суровый, но отражавший складывавшуюся обстановку. Увы, Верховный главнокомандующий не обладал такой прозорливостью и отверг предложение полководца. В результате и Киев был потерян, и войска Юго-Западного фронта разгромлены.

Помимо глубокого, гибкого ума и дара предвидения Г. К. Жукова отличали редкая сила воли, непреклонная решимость выполнить поставленную задачу, твердость управления. Эти качества особенно требовались в условиях сложившегося в СССР жесткого руководства, когда политические руководители, совершенно некомпетентные в военном деле, очень часто имели возможность бесконтрольно вмешиваться в деятельность командующих. Как писал маршал И. Х. Баграмян, Г. К. Жуков обладал «умением смело отстаивать свое мнение и идти к намеченной цели прямым путем, а не робкими зигзагами»[156]. Известно, что первый приход Г. К. Жукова на пост командующего фронтом (Резервным) произошел в результате конфликта с И. В. Сталиным, который назвал «чепухой» предложение начальника Генштаба оставить Киев и подумать о наступлении в районе Ельни. Успешно осуществив в сентябре 1941 г. первую в истории войны наступательную операцию и ликвидировав опасный для левого крыла Западного фронта ельнинский выступ, Г. К. Жуков не только доказал, что советские войска способны успешно наступать, но и заставил Верховного главнокомандующего поверить в его полководческий дар. Г. К. Жуков был назначен командующим Ленинградским фронтом, где менее чем за месяц ему удалось стабилизировать ситуацию, отразить попытки врага взять город и вселить в его защитников веру в победу. В начале октября, когда немцы в районе Вязьмы окружили значительную часть войск Западного (командующий — И. С. Конев) и Резервного (командующий — С. М. Будённый) фронтов и дорога на Москву оказалась открытой, Г. К. Жуков был срочно отозван из Ленинграда и назначен командующим войсками Западного фронта. Как известно, он полностью справился с поставленной задачей. Возглавляемые им войска не только удержали Москву, но и успешно осуществили первую стратегическую наступательную операцию, отбросив врага не менее чем на 150 км на запад.

В августе 1942 г. Г. К. Жуков был назначен первым заместителем наркома обороны. Ранее эту должность занимал Маршал Советского Союза С. М. Будённый, и его замена более чем явственно обозначила направление, по которому в РККА шло обновление корпуса высших военных руководителей. Г. К. Жуков стал также заместителем (единственным) Верховного главнокомандующего. Одно лишь краткое перечисление стратегических операций Красной армии, в разработке и осуществлении которых он принимал активное участие в качестве заместителя Верховного главнокомандующего и представителя Ставки ВГК, говорит само за себя. С августа 1942 по ноябрь 1944 г. в 15 случаях на него возлагалась обязанность по координации действий фронтов. При этом маршал, получив право отдавать приказы и распоряжения их командующим, нес полную ответственность за исход операции. В ходе Сталинградской битвы он координировал действия войск Донского и Юго-Западного фронтов, летом 1943 г. — действия Западного, Брянского, Центрального, а затем Воронежского и Степного фронтов в Курской битве. С июля по ноябрь 1944 г. эта функция лежала на нем при освобождении Белоруссии силами 1-го и 2-го Белорусских фронтов. 1 марта 1944 г. ему пришлось неожиданно, после гибели генерала армии Н. Ф. Ватутина, принять командование войсками 1-го Украинского фронта. Несмотря на то что до начала запланированной Проскуровско-Черновицкой наступательной операции, имевшей целью разгром (во взаимодействии с войсками 2-го Украинского фронта) основных сил немецкой группы армии «Юг», оставались считаные дни, Г. К. Жуков не стал просить отсрочки. Трех дней хватило ему, чтобы не только досконально разобраться в обстановке, но и крепко взять нити управления в свои руки. В ходе операции войска Г. К. Жукова освободили почти 60 украинских городов, в том числе Винницу, Проскуров, Черновцы, вышли к предгорьям Карпат. Именно для того чтобы отмечать успехи в таком вот стратегическом управлении войсками, был учрежден высший полководческий орден Победы. Есть высшая справедливость в том, что первым кавалером это ордена стал Г. К. Жуков. И еще одна блестящая страница его ратной биографии связана с руководством фронтом. Возглавив в ноябре 1944 г. войска 1-го Белорусского фронта, Г. К. Жуков, действуя бок о бок с командованием других фронтов, успешно осуществил Висло-Одерскую, а затем и Берлинскую операции.

Небезынтересны взгляды самого маршала на полководческое искусство. «Чтобы называться полководцем, — говорил он, — надо при всех других положительных личных качествах обладать еще стратегическим талантом и, что не менее важно, с бесстрашием брать на себя ответственность за разработанное и принятое решение, отстаивать это решение, чего бы тебе это ни стоило. Полководец не должен бояться риска. Если бы военное искусство заключалось в том, чтобы избегать риска, то лавровые венки, вероятно, украшали бы весьма посредственные таланты... Мудрость и мужество полководца — это прежде всего мужество и здравый смысл при принятии решений. Полководец, который заглядывает в уставы, чтобы найти там решение стоящей перед ним задачи, так же мало заслуживает доверия, как врач, который при определении диагноза стал бы заглядывать в справочник»[157]. Чтобы высказаться столь веско и убедительно, надо было не только взять на себя, но и с достоинством пронести через всю войну колоссальную тяжесть ответственности за судьбу страны. Тяжесть редкую, неимоверную, но оказавшуюся по плечу Г. К. Жукову. По оценкам многих военных историков, после А. В. Суворова полководца такого масштаба наше Отечество не знало.

Новая генерация командующих фронтами в полной мере утвердилась уже в 1943 г. В 1944 г. их число пополнил лишь один военачальник — генерал-полковник И. Д. Черняховский, начавший войну полковником, командиром танковой дивизии и выросший к моменту трагической гибели в феврале 1945 г. до генерала армии, самого молодого и одного из самых перспективных полководцев Вооруженных сил Советского Союза.

В 1945 г. корпус командующих фронтами пополнился еще одним военачальником — Маршалом Советского Союза А. М. Василевским, принявшим командование войсками 3-го Белорусского фронта после гибели И. Д. Черняховского. Это был выдающийся мастер стратегического планирования. Начальник Генерального штаба с 1942 г., представитель Ставки ВГК в ряде фронтов, он впервые стал командующим фронтом, но тем не менее сумел

проявить себя с самой лучшей стороны. А. М. Василевский обладал редким даром тактично побуждать подчиненных к тому, чтобы они сами находили нужные решения и не ждали по каждому случаю приказов и указаний.

Что позволяло утвердиться новой генерации полководцев? За редким исключением, все они имели высшее профессиональное образование, подкрепленное бесценным опытом практического руководства войсками. Большинство из них росло в должности, не перескакивая основные ступени, как их предшественники — командующие 1941 г. При этом большинство командующих фронтами 1943–1945 гг. были сравнительно молодыми, до 50 лет. Их мастерство созревало постепенно (относительно, конечно, учитывая сроки, диктуемые войной), они получали возможность качественно освоить обязанности на нижестоящей должности, прежде чем перейти на вышестоящую. Наиболее яркий пример — И. Д. Черняховский, уже в ходе войны прошедший должности командира дивизии, корпуса, армии. К. К. Рокоссовский начал войну командиром механизированного корпуса, затем командовал армией. Аналогичный путь прошел Р. Я. Малиновский с той лишь разницей, что вначале он командовал стрелковым корпусом, затем освоил обязанности командарма. Л. А. Говоров, прежде чем встать во главе Ленинградского фронта, командовал артиллерией стратегического направления, фронта, затем возглавил общевойсковую армию. Ф. И. Толбухин, имевший опыт командования дивизией еще до войны, начал ее начальником штаба фронта, затем был заместителем командующего фронтом, командующим армией и только после почти двух лет войны ему был доверен фронт.

Во второй половине войны число командующих фронтами стало сокращаться в силу двух основных причин: во-первых, ошибок и неудачных действий отдельных военачальников, во-вторых, уменьшения числа фронтов действующей армии. Так, в апреле 1943 г. генерал-полковник Ф. И. Голиков с поста командующего Воронежским фронтом был переведен в центральный аппарат, став начальником Главного управления кадров Наркомата обороны. За этим перемещением скрывалось острое недовольство Верховного командования действиями Ф. И. Голикова, не сумевшего закрепить успех наступления на харьковском направлении и позволившего гитлеровцам повторно захватить Харьков. В 1944 г. расстался с должностью командующий Западным фронтом генерал армии В. Д. Соколовский, в течение полугода безрезультатно предпринявший несколько наступательных операций, которые сопровождались большими потерями. На 2-м Прибалтийском фронте утратил свой пост и был снижен в воинском звании до генерал-полковника М. М. Попов. Причина — серьезные просчеты в руководстве войсками.

По мере приближения конца войны и сокращения линии фронта число оперативно-стратегических объединений уменьшалось, поэтому на всех достойных полководцев их уже не хватало. В связи с этим на другие должности были перемещены или направлены в распоряжение Ставки ВГК такие полководцы, как Л. А. Говоров, Г. Ф. Захаров и некоторые другие.

И еще один факт: в корпусе полководцев Великой Отечественной войны насчитывается всего пять человек, которые, будучи назначены в 1941 г. на пост командующего фронтом, в этой должности войну и завершили. Это А. И. Ерёменко, Г. К. Жуков, И. С. Конев, Р. Я. Малиновский, К. А. Мерецков.

Свою специфику имел подбор кадров на должности командующих оперативно-стратегическими объединениями в Военно-морском флоте СССР. В ходе войны насчитывалось четыре флота: Северный, Балтийский, Черноморский и Тихоокеанский.

Нельзя не обратить внимание на значительно большую кадровую стабильность в отношении командующих флотами по сравнению с командующими фронтами (таблица 2). Адмиралы, стоявшие во главе флотов во время войны, получили опыт руководства ими еще до 22 июня 1941 г.: А. Г. Головко командовал Северным флотом (с июля 1940 г.), Ф. С. Октябрьский — Черноморским (с марта 1939 г.), В. Ф. Трибуц — Балтийским (с апреля 1939 г.), И. С. Юмашев — Тихоокеанским (с марта 1939 г.). Можно полагать, что в значительной степени благодаря этому в указанном звене руководящих кадров удалось избежать большой текучести.

Таблица 2

Основные социально-демографические и служебные характеристики командующих флотами[158]

Фамилия, инициалы	Год рождения	Национальность	Образование*	Пребывание в должности	Причина выбытия с должности
Басистый Н. Е.	1898	Русский	ВМА, ВАГШ	01.1945–04.1945	Временное исполнение должности
Владимирский Л. А.	1903	Русский	ВМУ, АКОС	04.1943–03.1944	Отстранение от должности
Головко А. Г.	1906	Русский	ВМА	06.1941–05.1945	—
Октябрьский Ф. С.	1898	Русский	курсы при ВМУ	06.1941–05.1945 (с перерывом)	—
Платонов В. И.	1903	Русский	ВМУ, СККС	07.1944–08.1944	Временное исполнение должности
Трибуц В. Ф.	1900	Русский	ВМА	06.1941–05.1945	—
Юмашев И. С.	1895	Русский	курсы при ВМА	06.1941–05.1945 (с перерывами)	—

* АКОС — Академические курсы офицерского состава; ВАГШ — Военная академия Генерального штаба; ВМА — Военно-морская академия имени К. Е. Ворошилова; ВМУ — Военно-морское училище имени М. В. Фрунзе; СККС — Специальные курсы командного состава ВМС РККА.

Имея значительный опыт командования объединениями, адмиралы — командующие флотами смогли уверенно действовать с первого же дня Великой Отечественной войны. Общеизвестно, насколько подготовленными к фашистской агрессии оказались силы Черноморского флота. Они своевременно открыли огонь по самолетам и кораблям противника, чем сорвали его попытку разбомбить главную базу — Севастополь и постановкой мин заблокировать корабли в базе. Причем командующему пришлось самостоятельно принимать решение об открытии огня, что он сделал с полным сознанием своей ответственности и без промедления. «Черноморский флот во главе с адмиралом Ф. С. Октябрьским был одним из первых наших объединений, организованно встретивших вражеское нападение», — такую оценку действиям моряков-черноморцев дал Г. К. Жуков[159]. Позднее Черноморский флот энергично участвовал в обороне Крыма и Кавказа, осуществлял морские десанты, содействовал сухопутным войскам в Крымской наступательной операции в апреле — мае 1944 г., активно действовал на коммуникациях противника, связывавших Крым с портами Румынии и Болгарии.

Широко известны героические дела моряков-балтийцев. Их бессменный на протяжении всей войны командующий адмирал В. Ф. Трибуц возглавил оборону Таллина, сорвав попытки врага с ходу захватить главную базу флота. В конце августа 1941 г. был совершен героический переход основных сил Балтийского флота из Таллина в Кронштадт. Много славных страниц вписано моряками-балтийцами в оборону Ленинграда. Под руководством адмирала В. Ф. Трибуца флот содействовал войскам Северо-Западного и Карельского фронтов в боях на приморских направлениях, а на заключительном этапе войны способствовал разгрому вражеских войск в Прибалтике, Восточной Пруссии и Восточной Померании.

Адмирал А. Г. Головко также бессменно руководил Северным флотом. Проводка союзных конвоев и участие в отражении наступления вражеских войск на Мурманск, нарушение морских коммуникаций врага в Арктике и эффективное содействие сухопутным войскам в разгроме противника в Заполярье, Мурманской области и Северной Норвегии — во всех этих действиях флота велик вклад его командующего. Нарком ВМФ адмирал Н. Г. Кузнецов недаром отмечал, что А. Г. Головко «был одним из наиболее образованных военачальников нашего Военно-морского флота и пользовался большим авторитетом. Успешные действия флота на Севере — лучшая аттестация для командующего».

Значительная стабильность руководящих кадров на флотах вовсе не означала снисходительности к ошибкам или просчетам адмиралов. Так, Ф. С. Октябрьский в июне 1943 г. был освобожден от должности командующего Черноморским флотом в связи с неудачным десантом в Южную Озерейку. Сменивший его вице-адмирал Л. А. Владимирский, в свою очередь, за неудовлетворительное проведение «набеговой» операции (погибло три эсминца) в марте 1944 г. был освобожден от должности командующего флотом и снижен в воинском звании до контр-адмирала.

Тем не менее кадровой стабильности, наблюдавшейся на флоте, могло позавидовать командование любого оперативно-стратегического объединения континентального ТВД периода Великой Отечественной войны, хотя, бесспорно, формирование и функционирование объединений в армии и на флоте отличается значительной спецификой.

Говоря о полководческом искусстве советских военачальников, следует иметь в виду те факторы, которые оказывали прямое воздействие на проявление этого искусства, но от самих маршалов и генералов или совсем не зависели, или зависели в малой степени. Прежде всего — противник. Советские полководцы оттачивали свой талант не в вакууме, им противостояла одна из сильнейших армий мира во главе с крупными, талантливыми военными профессионалами. Отечественное военное искусство на первом этапе войны уступало сильной немецкой военной школе. Как откровенно писал Г. К. Жуков, «с первых моментов войны советскому командованию пришлось иметь дело с такими категориями стратегии и оперативного искусства, которые практически ему не были хорошо знакомы. Всем нам пришлось уже в ходе войны во многом осваивать науку и практику управления войсками». И далее: «В этом вопросе советское командование находилось в менее выгодном положении, чем командование немецких войск, которое к моменту нападения на Советский Союз имело достаточную практику в управлении войсками в современных условиях. С ростом общего превосходства наших вооруженных сил над немецко-фашистскими войсками возрастало искусство управления живой силой и военной техникой»[160].

Начиная с осени 1942 г. все крупные наступательные и контрнаступательные операции советского командования отличались оригинальностью, решительностью, стремительностью и полной завершенностью. Важнейшей отличительной чертой советской стратегии в 1944–1945 гг. была исключительная активность в проведении операций. Если в первом и частично во втором периодах войны Красная армия переходила в наступление чаще всего после того, как исчерпывались наступательные возможности немцев, то кампании на заключительном этапе войны сразу же начинались мощным наступлением советских войск.

Чем завершилось противоборство двух армий, двух военных искусств, двух полководческих школ — хорошо известно. Интересна в связи с этим оценка, которую дал бывший начальник генерального штаба сухопутных войск вермахта Ф. Гальдер: «Исторически небезынтересно исследовать, как русское военное руководство, потерпевшее крушение со своим принципом жесткой обороны в 1941 г., развивалось до гибкого оперативного руководства и провело под командованием своих маршалов ряд операций, которые по немецким масштабам заслуживают высокой оценки, в то время как немецкое командование под влиянием полководца Гитлера отказалось от оперативного искусства и закончило его бедной по идее жесткой обороной, в итоге приведшей к полному поражению... Над этим периодом в качестве приговора стоит слово, высказанное русской стороной в процессе резкой критики действий немецкого командования: порочная стратегия. Это нельзя опровергнуть»[161].

Возможность сполна раскрыть достоинства полководца у отечественных военачальников во многом зависела также от степени регламентации со стороны военно-политического руководства. А она была значительной, часто излишней даже во второй половине войны. Сказывался и жесткий характер И. В. Сталина. Из-за этого, по обоснованному мнению М. А. Гареева, советские полководцы были ограничены в возможностях по окончательному принятию стратегических решений. Сравнивая условия, в которых действовали советские полководцы и военачальники, с одной стороны, и военные руководители союзников и противника — с другой, М. А. Гареев пишет: «Генералы Эйзенхауэр, Монтгомери или Макартур,

будучи связанными определенными политическими решениями, не испытывали на себе такого довлеющего пресса политического диктата, как советские полководцы. Даже немецкие генералы, находясь под прессом фашистского руководства, могли довольно часто подавать в отставку и, за редким исключением, без особых последствий». К сожалению, в нашей стране чрезмерно жесткое, а подчас и некомпетентное вмешательство политических руководителей в стратегические и оперативно-стратегические вопросы «затрудняло проведение в жизнь наиболее целесообразных решений и способов действий, вынуждало наших военачальников тратить огромные усилия на преодоление искусственно создаваемых кризисных ситуаций и трудностей, затрудняло полную реализацию их полководческих способностей»[162]. Наиболее яркий пример — утрата Г. К. Жуковым в июле 1941 г. поста начальника Генштаба за излишнюю настойчивость и стратегическую инициативу.

В том, как тот или иной полководец или флотоводец смог сполна проявить свои качества, немалую роль играло его ближайшее окружение — члены Военного совета фронта, флота, начальник штаба, начальники родов войск и сил. Опыт Великой Отечественной войны показал: для того чтобы выдержать испытание командными должностями оперативно-стратегического уровня, мало владеть секретами военного искусства, надо было также обладать такими качествами, как воля, твердый характер, способность организовать штаб и все службы фронта и настойчиво проводить свою волю в жизнь, умение правильно, по-деловому строить отношения с окружающими. Особую ноту в деятельность командующих оперативно-стратегическими объединениями вносили контакты с первыми членами военных советов. Последние формально находились в подчинении у командующего-единоначальника, но на практике, будучи прямыми представителями ЦК ВКП(б) и осуществляя политический контроль над руководящим составом, стремились стать вровень с командующим, а то и подчинить его себе. Ситуацию усугубляло то обстоятельство, что первые члены военных советов не были профессиональными военными, не обладали должной военной квалификацией, поскольку большинство из них пришли на свои должности с руководящей партийной работы. Среди них немало было и таких, которые прониклись уверенностью, будто незнание законов войны можно с лихвой компенсировать навыками политической борьбы, они были амбициозными и единоначалие на самом деле не признавали.

Например, все «университеты» начальника Главного политуправления ВМФ, заместителя наркома ВМФ генерал-полковника береговой службы И. В. Рогова ограничились губернской школой общественных наук, оконченной еще в годы Гражданской войны. На свой пост он пришел еще до войны с должности члена Военного совета Белорусского военного округа и представлял собой типичного номенклатурного политработника. По признанию многих моряков, в том числе адмирала Н. Г. Кузнецова, работать с ним было нелегко. Выступивший инициатором многих репрессивных дел в ВМФ, он, если пренебречь частностями, не знал специфику морской службы и не жаловал флот. В этой должности он находился всю Великую Отечественную войну, а с декабря 1943 по февраль 1944 г. одновременно был членом Военного совета Черноморского флота.

Еще более яркий пример — армейский комиссар 1 ранга, впоследствии генерал-полковник Л. З. Мехлис. В качестве представителя Ставки ВГК он, начальник Главного политического управления Красной армии, был в начале 1942 г. направлен на Крымский фронт, где с самого начала стал вмешиваться в оперативное управление войсками. Дезорганизация управления войсками по вине представителя Ставки и генерал-лейтенанта Д. Т. Козлова, не нашедшего в себе силы пресечь бесцеремонное и некомпетентное вмешательство Л. З. Мехлиса в его полномочия, стала одной из главных причин тяжелого поражения Крымского фронта в мае 1942 г. Будучи позднее членом военных советов нескольких фронтов, Л. З. Мехлис вел себя с командующими по-прежнему бесцеремонно. Имея возможность напрямую докладывать И. В. Сталину как руководителю партии, он, прибегая к откровенным доносам, дважды добивался освобождения от должности командующего войсками сначала 2-го Белорусского, а затем 4-го Украинского фронтов генерал-полковника И. Е. Петрова. Как показал опыт, в выигрыше оказывались командующие, имевшие волю к тому, чтобы поставить Л. З. Мехлиса

на место. Так, Маршал Советского Союза И. С. Конев в бытность командующим Степным фронтом узнал о «художествах» (выражение самого маршала) своего члена Военного совета непосредственно от Верховного главнокомандующего. Оказалось, что тот за спиной командующего неоднократно добивался снятия с должности начальника штаба генерала (будущего Маршала Советского Союза) М. В. Захарова под предлогом политического недоверия ему. Но по настоятельной просьбе И. С. Конева Верховный главнокомандующий убрал с фронта самого члена Военного совета. Так же действовал и генерал-полковник (будущий генерал армии) И. Д. Черняховский, получив назначение командующим 3-м Белорусским фронтом. Когда его принимал Верховный главнокомандующий, И. Д. Черняховский попросил назначить члена Военного совета Л. З. Мехлиса на другой фронт.

Следующий пример — генерал-лейтенант Н. А. Булганин. Он, по оценке маршала Г. К. Жукова, «очень плохо знал военное дело и, конечно, ничего не смыслил в оперативно-стратегических вопросах»[163], надев погоны лишь с началом войны. До войны он работал председателем исполкома Московского совета депутатов трудящихся, возглавлял Госбанк СССР и СНК РСФСР. С началом войны его, подобно многим другим крупным партийным и государственным работникам, направили в действующую армию на политработу, где он действовал вполне рутинно и ничем себя не проявил. Характерно, что в течение 1944 г. И. В. Сталин дважды снимал генерал-лейтенанта Н. А. Булганина с должности члена Военного совета Западного и 2-го Прибалтийского фронтов за серьезные ошибки, но в том же 1944 г. назначил его своим заместителем по Наркомату обороны, а в феврале 1945 г. — членом Ставки ВГК. Позднее Н. А. Булганин и вовсе стал военным министром. Г. К. Жуков, у которого Н. А. Булганин был членом Военного совета на Западном фронте, проницательно объяснил причину резкого возвышения этого партийного функционера: «Конечно, Сталин понимал, что это далеко не находка для вооруженных сил, но ему он нужен был как ловкий дипломат и беспрекословный его идолопоклонник. Сталин знал, что Булганин лично для него может пойти на все».

Есть, разумеется, и обратные примеры, когда отношения члена Военного совета с командующим фронтом строились на деловой, принципиальной и, что очень важно, товарищеской основе, и это положительно сказывалось на уровне руководства войсками. Например, генерал-лейтенант К. Ф. Телегин удачно взаимодействовал и с К. К. Рокоссовским, и с Г. К. Жуковым, которые последовательно командовали 1-м Белорусским фронтом.

Кроме командующих фронтами и флотами существовало еще несколько категорий высших военачальников, которым приходилось решать задачи оперативно-стратегического уровня: члены Ставки ВГК, заместители наркома обороны, командующие видами и родами войск, начальники штабов фронтов и флотов, командующие армиями и флотилиями. Исследование их социально-демографического и профессионального облика не менее важно для выработки объективного представления о ходе войны и истоках победы советского военного и военно-морского искусства.

Как особая социально-профессиональная группа в высшем командно-начальствующем составе вооруженных сил полководцы, флотоводцы и военачальники оказались на высоте при решении задач, поставленных Великой Отечественной войной. Победный исход большинства стратегических и фронтовых операций, а также операций флота, организацией и проведением которых руководили командующие, был предопределен качествами, присущими их основной части. Наиболее важные из них — высокоразвитая способность к правильной оценке оперативно-стратегической обстановки, нешаблонному, творческому решению поставленных задач, инициатива и организаторская хватка, уверенное руководство подчиненными войсками и умение безусловно проводить свое решение в жизнь. При наличии этих общих для полководческого корпуса качеств каждый из командующих фронтами и флотами, особенно на завершающем этапе войны, выработал свой неповторимый почерк военачальника. В своей деятельности данная категория высшего командного состава армии и флота опиралась на высокую образовательно-профессиональную подготовку, длительный стаж пребывания в кадрах армии и флота и солидный опыт, в том числе боевой, полученный

в различных войнах и локальных конфликтах, начиная с Первой мировой и заканчивая Советско-финляндской войной 1939–1940 гг. Поистине бесценным был опыт, приобретавшийся по ходу Великой Отечественной войны. Военачальники проявили при этом героизм и воинскую доблесть. Из 50 командующих фронтами и флотами звания Героя Советского Союза были удостоены 16 человек, некоторые из них неоднократно. Наравне со всем личным составом высшие руководители действовали в исключительно сложных боевых условиях, свидетельством чему является гибель на поле боя шести крупных военачальников.

Полководческое мастерство советских военачальников питалось отечественным военным искусством. Последнее формировалось в ожесточенном противоборстве с военным искусством нацистской Германии, отличавшимся значительной творческой силой. В ходе войны советское военное искусство доказало свое полное и несомненное превосходство.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Кожевников М. Н.* Командование и штаб ВВС Советской Армии в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. М., 1977. С. 14.

[2] Великая Отечественная война 1941–1945: Военно-исторические очерки: в 4 кн. М., 1998. Кн. 1. С. 113.

[3] *Новиков А. А.* В небе Ленинграда. М., 1970. С. 61.

[4] Советские Военно-воздушные силы в Великой Отечественной войне 1941–1945. М., 1968. С. 13.

[5] История второй мировой войны 1939–1945: в 12 т. М., 1974. Т. 3. С. 424.

[6] Воздушная мощь Родины. М., 1988. С. 158–159.

[7] Военно-исторический журнал. 1972. № 6. С. 21.

[8] ЦАМО. Ф. 35. Оп. 11285. Д. 173. Л. 110–111.

[9] Советские Военно-воздушные силы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. С. 49.

[10] BA/MA RL 2III/715. Übersicht über Soll, Istbestand, Verlüste und Reserven der fliegenden Verbände. 1.11.1941.

[11] *Groehler O.* Geschichte des Luftkrieges 1910–1960. Berlin, 1981. S. 333–334.

[12] *Murray W.* Luftwaffe. L., 1985. P. 97.

[13] ЦАМО. Ф. 35. Оп. 11333. Д. 23. Л. 353.

[14] Российский государственный архив экономики (далее — РГАЭ). Ф. 8044. Оп. 1. Д. 3228. Л. 15–16.

[15] *Baumbach W.* The Life and Death of the Luftwaffe. N. Y., 1960. P. 211–214.

[16] *Кравченко Г. С.* Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Изд. 2-е, перераб. и доп. М., 1970. С. 180.

[17] Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Stuttgart, 1990. Bd. 6. S. 872.

[18] ЦАМО. Ф. 35. Оп. 107560. Д. 8. Т. 2. Л. 216–271.

[19] Kriegstagebuch des Oberkommandos der Wehrmacht. Frankfurt a M., 1961–1965. Bd. 1. S. 825.

[20] Вторая мировая война 1941–1945 / Пер. с нем. М., 1957. С. 481. По официальным немецким отчетам, за ноябрь — декабрь потери, правда только безвозвратные, на всем советско-германском фронте составили лишь 632 самолета (*Murray W.* Luftwaffe. P. 113).

[21] *Кожевников М. Н.* Указ. соч. С. 125.

[22] *Хазанов Д. Б., Горбач В. Г.* Авиация в битве над Орловско-Курской дугой. М., 2004. С. 188.

[23] *Bekker K.* Angriffshohe 4000. Hamburg, 1949. S. 391.

[24] Этот американский бомбардировщик поставлялся в СССР по ленд-лизу.

[25] *Сергиенко А. М.* Бомбардировщики АДЦ в небе над Курской дугой. Белгород, 2007. С. 524–527, 538–547.

[26] *Тимохович И. В.* Оперативное искусство советских ВВС в Великой Отечественной войне. М., 1976. С. 75.

[27] Русский архив: Великая Отечественная война. Ставка Верховного Главнокомандования. Документы и материалы. 1943 год. Т. 16 (5-3). М., 1999. С. 137.

[28] *Кожевников М. Н.* Указ. соч. С. 129.

[29] Там же.

[30] Войска противовоздушной обороны страны в Великой Отечественной войне. М., 1954. Т. 1. С. 409.

[31] Вторая мировая война 1941–1945. С. 481.

[32] *Жуков Г. К.* Воспоминания и размышления. М., 1974. Т. 2. С. 252.

[33] *Типпельскирх К.* История второй мировой войны. С. 484.

[34] Авиация и космонавтика СССР. М., 1968. С. 224.

[35] *Золотарев В. А, Козлов И. А.* Три столетия Российского флота. 1941–1945. М., 2005. С. 10.

[36] 50 лет Великой Победы. Опыт применения советского Военно-морского флота в 1941–1945 гг. и его значение в современных условиях. Л., 1997. С. 304; Боевой путь Советского военно-морского флота. Изд. 4-е, испр. и доп. М., 1988. С. 545. Не учтены мелкие разведывательно-диверсионные десанты, а также отдельные группы и разведчики, высаженные с подводных лодок и катеров.

[37] Моряки-балтийцы в боях на море и на суше. 1941–1945 гг. М., 1992. С. 499.

[38] Военно-морской флот Советского Союза 1941–1945 гг. Военно-исторический очерк (далее — ВМФ СССР в Великой Отечественной войне). М., 1960. Т. 2. С. 569.

[39] Моряки-балтийцы в боях на море и на суше. 1941–1945 гг. С. 76.

[40] Боевая деятельность авиации ВМФ в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941–1945 гг. Ч. 1. С. 242.

[41] ВМФ СССР в Великой Отечественной войне. Т. 2. С. 570.

[42] Там же.

[43] Моряки-балтийцы в боях на море и на суше. 1941–1945 гг. С. 438, 250.

[44] Краснознаменный Балтийский флот в битве за Ленинград 1941–1944 гг. М., 1973. С. 306.

[45] Там же. С. 420.

[46] Краснознаменный Балтийский флот в битве за Ленинград 1941–1944 гг. С. 167.

[47] Моряки-балтийцы в боях на море и на суше. 1941–1945 гг. С. 494.

[48] *Козлов И. А., Шломин В. С.* Краснознаменный Северный флот. Изд. 3-е, испр. и доп. М., 1983. С. 210.

[49] ВМФ СССР в Великой Отечественной войне. Т. 2. С. 568.

[50] *Козлов И. Л.* Боевые действия подводных лодок Военно-морского флота СССР в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. С. 160.

[51] ВМФ СССР в Великой Отечественной войне. Т. 2. С. 568.

[52] Там же. С. 571.

[53] *Золотарев В. А., Козлов И. А.* Три столетия Российского флота. 1941–1945. С. 8.

[54] *Дмитриев В. И., Чемесов О. Г.* В глубинах Балтики. М., 1988. С. 88.

[55] *Руге Ф.* Война на море 1939–1945. М., 1957. С. 382.

[56] ВМФ СССР в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Т. 1. С. 351.

[57] Там же.

[58] Там же.

[59] *Козлов И. А., Шломин В. С.* Краснознаменный Северный флот. С. 210.

[60] Моряки-балтийцы в боях на море и на суше. 1941–1945 гг. С. 499.

[61] Там же.

[62] Там же. С. 499–501.

[63] ВМФ СССР в Великой Отечественной войне. Т. 2. С. 570.

[64] Там же.

[65] Центральный военно-морской архив (далее — ЦВМА). Д. 17814. Кн. 1. Л. 224, 227; Кн. 4. Л. 61–62.

[66] Там же. Ф. 8. Оп. 30586. Д. 11. Л. 65–70.

[67] Тыл Советских Вооруженных сил в Великой Отечественной войне. М., 1977. С. 444.

[68] Моряки-балтийцы в боях на море и на суше. 1941–1945 гг. С. 501.

[69] Там же.

[70] Там же. С. 503.

[71] Там же.

[72] *Козлов И. А., Шломин В. С.* Краснознаменный Северный флот. С. 210.

[73] Там же.

[74] Справочник потерь боевых судов и транспортов. М., 1958. С. 97.

[75] Из справки внешней разведки ГУГБ НКВД СССР № 134 от 6 ноября 1940 г. о военных приготовлениях Германии // Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. М., 1995. Т. 1. Кн. 1. С. 278; Сообщение агента берлинской резидентуры «Корсиканца» от 20 марта 1941 г. //

Там же. Кн. 2. С. 288; Агентурное сообщение из Лондона № 3705 от 27 мая 1941 г. // Очерки истории российской внешней разведки. М., 2007 г. Т. 3. С. 485.

[76] Очерки истории российской внешней разведки. М., 2007. Т. 4. С. 183.

[77] Там же. С. 274.

[78] Там же. С. 432–433.

[79] Докладная записка И. В. Сталину начальника разведывательного управления НКВД СССР П. М. Фитина от 9 марта 1943 г. // Очерки истории российской внешней разведки. Т. 4. С. 599.

[80] Очерки истории российской внешней разведки. Т. 4. С. 324–340.

[81] Там же. С. 303–309.

[82] *Лота В.* ГРУ. Испытание войной. М., 2010. С. 71.

[83] ЦАМО. Ф. 23. Оп. 22424. Д. 4. Л. 537. На документе имеется пометка: «Направить И. В. Сталину (2 экз.), В. М. Молотову, С. К. Тимошенко, К. А. Мерецкову. Голиков».

[84] ЦАМО. Ф. 23. Оп. 24119. Д. 3. Л. 6–7.

[85] Там же. Оп. 7272. Д. 1. Л. 87–98.

[86] *Жуков Г. К.* Воспоминания и размышления. М., 1970. С. 229–230.

[87] ЦАМО. Ф. 23. Оп. 4258. Д. 4. Л. 292.

[88] Там же. Оп. 24127. Д. 3. Л. 59.

[89] *Корабельников В. В.* Роль и место военной разведки в достижении победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов // Военный парад. 2005. Май.

[90] *Ивашутин П. И.* Оперативно и надежно // Солдаты невидимого фронта. М., 1994. С. 110–124.

[91] *Штеменко С. М.* Генеральный штаб в годы войны: в 2 кн. М., 1985. Кн. 2. С. 264.

[92] ЦАМО. Ф. 23. Оп. 24121. Д. 3. Л. 616; Оп. 24156. Д. 2. Л. 132.

[93] Специальное сообщение ГРУ ГШ КА от 22 февраля 1942 г. «О продолжающейся подготовке германской армии к применению химических средств» // ЦАМО. Ф. 23. Оп. 7451. Д. 1. Л. 17–18.

[94] Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 1958. Т. 1. С. 39–41, 45.

[95] ЦАМО. Ф. 23. Оп. 24155. Д. 3. Л. 739–740.

[96] *Лота В.* Сорвать «Эдельвейс». М., 2010. С. 122–123.

[97] ЦАМО. Ф. 23. Оп. 24155. Д. 3. Л. 769–770.

[98] Там же. Ф. 23. Оп. 7451. Д. 1. Л. 52–54.

[99] *Радо Ш.* Под псевдонимом «Дора». М., 1973. С. 105–108.

[100] *Штеменко С. М.* Указ. соч. Кн. 2. С. 455.

[101] ЦАМО. Ф. 23. Оп. 24156. Д. 2. Л. 11.

[102] *Лота В.* Секретный фронт Генерального штаба. М., 2005. С. 532–533.

[103] *Переверзев В. И.* Как это было. 1918–1970 гг. Страницы из истории советской военной разведки. М., 2000. С. 65.

[104] Там же. С. 66.

[105] *Радо Ш.* Указ. соч. С. 202–203.

[106] *Павлов А. Г.* Военная разведка СССР в 1941–1945 гг. // Новая и новейшая история. 1995. № 2. С. 48–59; *Лурье В. М., Кочик В. Я.* ГРУ. Дела и люди. М., 2002. С. 593.

[107] *Жуков Г. К.* Воспоминания и размышления. М., 1970. С. 457.

[108] *Жуков Г. К.* Величайшая победа СССР и бессилие фальсификаторов истории // Коммунист. 1970. № 1. С. 89.

[109] ЦАМО. Ф. 23. Оп. 9985. Д. 7. Л. 51; *Колос И.* По заданию Центра. Записки разведчика. М., 1989. С. 245.

[110] *Павлов А. Г.* Указ. соч.; *Лурье В. М., Кочик В. Я.* Указ. соч. С. 595.

[111] *Лота В.* ГРУ. Испытание войной. С. 655.

[112] Органы государственной безопасности в Великой Отечественной войне. Т. 2. Кн. 1. С. 372–373.

[113] *Коровин В. В.* Разведка и контрразведка в годы Великой Отечественной войны. М., 2003. С. 11.

[114] *Плеханов А. М.* Оперативные заслоны особых отделов и заградительные отряды войск НКВД в первые месяцы Великой Отечественной войны // Исторические чтения на Лубянке. 2000 г. ФСБ России. С. 53.

[115]Военно-исторический журнал. 1988. № 8. С. 75.

[116]Органы государственной безопасности в Великой Отечественной войне. Т. 3. Кн. 2. С. 282–283.

[117]*Андрианов В. Н.* Участие чекистов в партизанской борьбе в годы Великой Отечественной войны. М., 1990. С. 102, 184.

[118]Органы государственной безопасности в Великой Отечественной войне. Т. 2. Кн. 1. С. 186; Т. 2. Кн. 2. С. 163.

[119]Центральный архив Федеральной службы безопасности Российской Федерации (далее — ЦА ФСБ). Ф. 89. Оп. 5. Д. 16. Л. 8.

[120]Там же. Ф. 43. Оп. 51. Д. 22. Л. 372; Д. 8. Л. 58–60, 182–184; Оп. 95. Д. 1. Л. 7–21, 63–76, 94, 121, 390–395.

[121]Там же. Ф. 89. Оп. 5. Д. 16. Л. 8.

[122] История отечественных органов безопасности (1921 г. — начало XXI в.): Учеб. пособие. М., 2007. С. 247–248.

[123] ЦА ФСБ. Ф. 89. Оп. 5. Д. 16. Л. 3–5.

[124] Советская военная контрразведка. Сб. документов. М., 1984. С. 125–127.

[125] 85-й годовщине Регионального управления ФСБ России по Читинской области посвящается... Чита, 2004. С. 46.

[126]*Тюрин А. В., Макаров В. Г.* Поединок Лубянки с абвером. Радиоигра под названием «Монастырь» // Независимое военное обозрение. 2005. № 15–16.

[127]ЦА ФСБ. Д. 100004. Т. 1 «А». Л. 20.

[128]История советских органов безопасности. М., 1977. С. 88.

[129]ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 37. Л. 50. В связи с депортацией в 1944 г. некоторых народностей, проживавших на Северном Кавказе, в том числе чеченцев и балкарцев, Чечено-Ингушская АССР была ликвидирована, вместо нее образован Грозненский округ в составе Ставропольского края (с 1946 г. — Грозненская область), а Кабардино-Балкарская АССР переименована в Кабардинскую АССР. В 1957 г. обе республики были восстановлены.

[130]ГАРФ. Ф. 9401 с/ч. Оп. 2. Д. 64–65; Центральный архив внутренних войск. Оп. 1. Д. 154, 158; Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 43. Д. 478, 1688.

[131]*Семиряга М. И.* Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. М., 2000. С. 498.

[132] *Зубкова Е. Ю.* «Лесные братья» в Прибалтике: война после войны // Отечественная история. 2007. № 2. С. 78.

[133] ГАРФ. Ф. 9478. Оп. 1с. Д. 413. Л. 109.

[134] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 117. Д. 459. Л. 1–3; Д. 460. Л. 8–11; Д. 464. Л. 16–18.

[135] ГАРФ. Ф. 9478. Оп. 1с. Д. 756. Л. 57–61.

[136]Там же. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 64. Л. 157–157 об.

[137]Война и общество. 1941–1945: в 2 кн. М., 2004. Кн. 1. С. 303; Мировые войны XX века: в 4 кн. М., 2002. Кн. 3. С. 7.

[138]Великая Отечественная: Военный биографический словарь. М., 2003.

[139]*Василевский А. М.* Дело всей жизни. М., 1988. Кн. 2. С. 276.

[140]Там же. С. 227.

[141]*Черчилль У.* Вторая мировая война. М., 1955. Т. 4. С. 478.

[142] *Жуков Г. К.* Воспоминания и размышления: в 3 т. М., 1990. Т. 2. С. 107.

[143] *Василевский А. М.* Указ. соч. Кн. 2. С. 227.

[144] См.: *Рубцов Ю. В.* Из-за спины вождя. Политическая и военная деятельность Л. З. Мехлиса. Изд. 2-е. М., 2003; *Сувениров О. Ф.* Трагедия РККА 1937–1938. М., 1998; *Черушев Н. С.* Удар по своим. Красная армия: 1938–1941. М., 2003.

[145] *Сувениров О. Ф.* Трагедия РККА 1937–1938. С. 305.

[146]Цит. по: Источник. 1996. № 2. С. 137–138.

[147]*Баграмян И. Х.* Великого народа сыновья. М., 1984. С. 13.

[148]Составлена по: Великая Отечественная война: Военный биографический словарь. С. 13–98.

[149] *Рубцов Ю. В.* «Советский Багратион» маршал К. К. Рокоссовский (1896–1968) // Новая и новейшая история. 2004. № 6. С. 149.

[150] Цит. по: Откровения и признания / Сост. и пер. Г. Я. Рудой. Смоленск, 2000. С. 507.

[151] *Баграмян И. Х.* Указ. соч. С. 7.

[152] *Рябышев Д. И.* Первый год войны. М., 1990. С. 79.

[153] *Симонов К. М.* Глазами человека моего поколения. М., 1989. С. 386–387.

[154] *Конев И. С.* Записки командующего фронтом. М., 1991. С. 519.

[155] *Печёнкин А. А.* Высший командный состав Красной армии в годы Второй мировой войны. М., 2002. С. 49.

[156] *Баграмян И. Х.* Указ. соч. С. 23.

[157] *Светлишин Н. А.* Крутые ступени судьбы. Жизнь и ратные подвига маршала Г. К. Жукова. Хабаровск, 1992. С. 273–274.

[158] Составлена по: Великая Отечественная: Военный биографический словарь. С. 101–112; *Лурье В.* М., Указ. соч. С. 23, 46–47, 57–58, 163–164, 176–177, 218–219, 247–248.

[159] *Жуков Г. К.* Указ. соч. Т. 2. С. 9.

[160] Там же. Т. 3. С. 298–299.

[161] *Василевский А. М.* Указ. соч. Кн. 2. С. 287.

[162] *Гареев М. А.* Полководцы Победы и их военное наследие. Изд. 2-е. М., 2004. С. 301.

[163] Маршал Жуков. Каким мы его помним. Изд. 2-е. М., 1989. С. 382.